



АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

18+

ПРОКСИД ЗОРН

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ



3

2015

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:



Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии



Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии

Приокские зори

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2015 — 3(40)**

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

«Дайте мне на родине любимой, все любя, спокойно умереть»..... 3
К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПОЭТА
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЕСЕНИНА (1895—1925)

Сергей Есенин о себе..... 13

Сергей Александрович Есенин. Стихи..... 15

Ярослав Брагин. Многоцветность колоративной лексики в поэзии Сергея Есенина —
вклад в развитие русского литературного языка..... 28

Тамара Белицкая. Мой Есенин..... 34

Сергей Лебедев. Одиночество поэта, или письмо Сергею Александровичу Есенину..... 39

Валерий Савостьянов. Медунца в томике Есенина..... 50

Людмила Авдеева. Поэт. Судьба. Россия..... 54

Яков Шафран. Сергею Есенину..... 56

Галина Лялина. Он живет в поэтических строчках..... 57

Любовь Самойленко. Сергею Есенину..... 60

Владимир Сапожников. Есенинские мотивы..... 64

Владимир Корнилов. Певец трагический и нежный..... 67

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ И ПОВЕСТЬ

Вячеслав Михайлов. Господин пациент..... 80

Сергей Крестьянкин. Волк..... 88

Георгий Горький. Свобода (повесть, начало)..... 95

Алексей Яшин. Чиновники от вредных привычек..... 107

Владимир Лазарев. Судьба одной русской семьи..... 115

Тимур Зульфикаров. Апокалипсис XXI века (продолжение)..... 131

Рудольф Артамонов. Римские каникулы, или путешествие пожилой пары
в Вечный город..... 137

Елена Семенова. В удовлетворении отказать..... 150

Евгения Гурганова. Русская душа..... 164

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов. Новые стихотворения..... 170

Валерий Демидов. Personalia.....	177
Ольга Борисова. Personalia.....	183
Николай Макаров. Пародийные стихотворения.....	188
Сергей Редков. Стихотворения.....	193
МОЛОДЫЕ КОСТРОМСКИЕ ПОЭТЫ	
Екатерина Каргопольцева. Славянск.....	196
Ирина Манина. Дышать стихами — не иначе.....	201
Мария Краева. Я часто думаю: зачем?.....	206
Сергей Уткин. Задумавшийся сфинкс.....	209
Юлия Лысова. Когда, как Данко.....	212
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Критическому реализму жить.....	216
Галина Клиникова. «К берегам надежды пролагает путь...».....	218
Игорь Карлов. Думы профессора Скородумова.....	222
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	225

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Людмила АЛТУНИНА (Тула)
 Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск)
 Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
 Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
Правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
 председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Подольск) — зав. отделом
 международных связей
 Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом
 критики и литературоведения
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
 литературы Поволжья
 Игорь НЕХАМЕС (Москва)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Наталия ПАРЫГИНА (Тула)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
 зав. отделом литературы Сибири
 Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом
 поэзии
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
 Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — президент
 Академии российской литературы

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
 Секретарь Игорь МЕЛЬНИКОВ (Тула)

Информационная поддержка:

— *Литературное агентство «Московский Парнас»*
 — журнал «Голос эпохи» (Москва)
 — «Литературная газета»
 — газета «Российский писатель»
 — «Общеписательская литературная газета»
 (Москва)
 — газета «Слобода» (Тула)
 — газета «Тульская правда»
 — газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»

*Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.pz.tula.ru (в PDF формате)
 См. также на сайте «Русское поле»: priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

«ДАЙТЕ МНЕ НА РОДИНЕ ЛЮБИМОЙ, ВСЕ ЛЮБЯ, СПОКОЙНО УМЕРЕТЬ»

Россия вступила в XXI век. Давно обещанное в веке прошлом светлое будущее явно не вписалось во временные рамки, напротив, дух накопительства и потребительства витает над страной. И в погоне за материальными благами люди часто забывают о патриотизме, любви к Родине, о нравственном развитии и возрождении общества. А вокруг много бездомных, голодных, безработных и немощных людей. Русский язык обратился во что-то полуамериканское, и звать нас стали не по имени-отчеству, как искони звали, а по имени и фамилии на западный манер. Если в XIX—XX вв. наши соотечественники имели широкий доступ к произведениям литературы и искусства, то теперь все заполнили СМИ, и масс-медиа формирует электорат потребителей, причем такого низкого уровня, какого еще не было в нашей стране. Даже программы телевидения, которые позиционируют себя как носители культуры, постепенно теряют свой духовный потенциал, пересказывая телезрителям «светские» сплетни. Обездуховленность современного человека привело к тому, что даже в творчестве в наше время частенько соблюдается баланс спроса-предложения. Ведь нужно, чтобы товар продавался... Так что неблагополучие в области внешней литературы не есть особое явление современной жизни, а одна из его черт. Вот и некоторые попытки из многочисленных союзов писателей и литобъединений создать нечто подобное бывшему Союзу писателей СССР пока заканчиваются ничем — дух потребительства силен и здесь. Что касается нашего журнала, то как и в первый год издания, и в год его пятилетнего юбилея, так и сегодня, когда 10 лет со времени выхода журнала в свет совпали с Годом литературы, хотя бы о частичном финансировании издания «Приокских зорь» со стороны администрации области говорить не приходится. Остается надеяться на меценатов: «Меценаты, где вы?» — Тишина. Все тот же вездесущий дух. Однако все мы, кому дорог наш журнал, не теряем надежды, ведь дело-то благое, и у него обязательно найдется благодетель. Может быть, не так быстро, как хотелось бы, но ведь и сказка не скоро сказывается.

Не теряют надежды и все безразличные к судьбе России люди. Многие из них, думая о будущем, в поиске духовного источника обращаются к прошлому. Известно, что без него нет сегодняшнего и завтрашнего дня, тем более что наше прошлое — особое по своей духовной, культурной и интеллектуальной величине. Там все наши нравственные корни, скрепы, ведь без нравственного обновления, а не путем подмен, невозможны никакие перемены. Без нравственного обновления ложь, лицемерие и жестокость будут только возрастать. И слава Богу, что есть еще люди, которые не стали носителями и распространителями заморской культуры в области искусства и литературы, то есть любят Родину (в отличие от тех, кому *ubi bene, ibi patrio**) родное, свое, в том числе литературу.

Посему «Приокские зори» продолжают традицию тематических номеров, посвященных юбилеям великих русских писателей, тех, кто, собственно, и создал нашу

* *Ubi bene, ibi patrio* (лат.) — Где хорошо, там и родина.

литературу, сопоставляя их творчество с современным литературным процессом. Осень нынешнего года богата на праздники и юбилеи не только литературные. 14 октября мы празднуем Покров Пресвятой Богородицы. А 12 сентября отмечаем День памяти святого благоверного князя Александра Невского. В этом году исполняется 270 лет со дня рождения крупного военачальника М. И. Голенищева-Кутузова, 100 лет со д.р. замечательного русского композитора Георгия Свиридова, 80 лет — космонавта Германа Титова, 90 лет — актера Кирилла Лаврова и другие. Празднуем осенью и Дни воинской славы России: 11 сентября — День победы русской эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790), 21 сентября — День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380), 1 декабря — День победы русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп (1853) и 24 декабря — День взятия турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием А. В. Суворова (1790). Юбилейные даты — хороший повод обратиться к нашему наследию. Нисколько не умаляя значения церковных праздников и великих побед в нашей истории, значения для нашей страны и культуры всех вышеперечисленных деятелей, отметим 90 лет со д.р. тонкого поэта-лирика советской поры Константина Ваншенкина, и особо — 120-летие со дня рождения великого русского поэта, любимого в народе Сергея Есенина, поистине входящего в литературное созвездие России. Наш русский классический журнал, естественно, не прошел мимо этой даты.

Находясь еще под впечатлением юбилея М. Ю. Лермонтова, творчество которого явилось одним из истоков неконформизма в формировании русского критического реализма, зададимся вопросом — можно ли отнести не менее великого русского поэта Сергея Александровича Есенина и его творчество к неконформизму?

Если мы откроем в Википедии (свободной электронной энциклопедии) страницу «Поэзия», то увидим сухое научное определение, откопавший которое наш далекий от литературы потомок, решивший познакомиться с таковым удивительным российским явлением XIX—XX вв., толком ничего не поймет и поищет в поисковике что-нибудь более практичное. И как бы было хорошо, если бы рядом оказался человек, который подсказал набрать в том же будущем Google: Пушкин, Лермонтов, Есенин, поэзия которых очищает души людей своей чистотой, своей искренностью, духовностью, совестью и нравственностью.

Так же, как невозможно переоценить значение Ломоносова для становления русской национальной светской поэзии, как велик гений Александра Пушкина — нашего всего, создателя современного русского литературного языка, основоположника великой русской литературы, велико значение и Сергея Есенина в создании феномена русской поэзии XX века, и то влияние, которое он оказал на поэтов, живших и творивших после него, таких, как Николай Рубцов, Павел Васильев, Алексей Ганин, Александр Яшин, Александр Твардовский, Леонид Мартынов, поэт-эмигрант Арсений Несмелов и многие другие.

В литературу Есенин вошел как выдающийся лирик, с поющей широкой радостью юноши, не перестающего удивляться открывающемуся ему миру, тонко и свежо воспринимающего все вокруг, когда стихи наполнены сокровенными чувствами и красотой природы, любовью к земле и России и, позднее, глубокой душевной болью человека, принявшего химеру за новую веру, что выплескивалось в виде тоски, безысходности и отчаяния. Стихи певца ушедшей Руси исполнены поистине русским духом, они дышат Русью, впитали в себя все лучшее, что было до него в нашей поэзии — традиции Пушкина, Некрасова, Блока, народные мотивы И. Никитина и А. Кольцова. Он учился в Московском городском народном университете, где преподавал В. Брюсов.

Сергей Есенин пришел из народа, из глубинной, коренной русской земли, из кре-

стьянской патриархально старообрядческой среды. Приход крестьян в различные сферы жизни и слои общества, включая царский двор, было обычным явлением в начале XX века в России. Но именно Есенин стал олицетворением народной поэзии, символом крестьянского поэта. Скажем больше, Есенин фактически, несмотря на все внешние атрибуты, всегда оставался крестьянином. Впрочем, как и все в России — «правда турецкая, вера христианская» (знаменитая формула Ивана Пересветова — идеолога Ивана Грозного), а все остальное только секулятивная оболочка, какие реформы ни проводи, какое общество не выстраивай. Даже сегодня, при засилии чужеземных «ценностей», самое глубинное, нутряное содержание людей не меняется. Это и дает надежду на то, что, взяв лучшее, останемся собой. И примером нам в этом Сергей Есенин, который живя в эпоху многократных перемен, сумел сохранить в себе корневой народный, крестьянский потенциал любви к земле, России, людям и чувство социальной солидарности и справедливости.

Время же, в которое творил поэт, было очень динамичным — революция 1905 года, Манифест, первая Дума, столыпинские эксперименты в деревне, отказ от них, Первая мировая война, две революции (вернее февральский переворот, произведенный по типу киевского майдана 2014-го года, и последующая (допущенная) передача власти прибывшим в запломбированном вагоне и приплывшим на пароходе), Гражданская война, борьба двух линий в политике и экономике страны и многое другое. Но корневое все же сильнее: «Я поверил от рожденья / В Богородицын Покров». Об истоках раннего творчества Есенина можно судить из его писем из Москвы другу Грише Панфилову. Ни у одного русского писателя, ни до ни после Есенина, в возрасте 17—18 лет, мы не найдем такого *via sacra**, таких глубоких мыслей о совести, жизни, такого религиозного искания. «В настоящее время читаю Евангелие <...> Христос для меня совершенство. Но я не так верую в Него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородного душою, как образец в последовании любви к ближнему... Невольно почему-то лезут в голову думы Кольцова: «Мир есть тайна Бога, Бог есть тайна мира». Вот бы в наше время отрокам российским такие мысли! Поэтому и стали стихи поэта новым явлением в русской поэзии того времени, что наполнены образом живого Христа, Иисуса — нищего странника, одного из тех, кто ходит по селам и поет духовные стихи «о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколу и о женихе, светлом госте града неведомого». «И в каждом страннике убогом / Я вызнать пойду с тоской, / Не помазуемый ли Богом / Стучит берестяной клюкой. / И может быть, пойду я мимо / И не замечу в тайный час, / Что в елях — крылья херувима, / А под пенком — голодный Спас». В тогдашнем поэтическом мире Есенина Русь — «царевна сонная» на «туманном берегу», «задумчивая и нежная», задорная и смиренная, бедная и веселая, гуляющая в «праздники победные». Еще не испорченная «общечеловеческими ценностями», ныне хорошо нами познанными. Но все же далее, в 14 — 18-е годы, Есенин пишет уже о «чистых» и «нечистых», о добрых и злых, о слугах Божьих и о всякой «нечисти». В стихотворении «Тучи с ожереба...» поэт говорит о «муках и кресте», через которые должна пройти Россия. Известно, что этот период жизни и творчества Есенина совпал с его приездом в 15-м году в Петроград. Столицы, столицы... Вы «впереди планеты всей». Как много чистых, с еще незамутненным сознанием и душой парней и девушек приезжают в современные города, в «цивилизацию» и принимают за чистую монету все, сопутствующее ей. Вот и для Есенина в ту пору Петроград стал и началом взлета, и роковым. Блоку понравились его стихи, и он открыл перед ним двери писательских и издательских кругов. М. Горький писал: «Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе. Его стихи стали хвалить чрезмерно и неискренне, как

* *Via sacra* (лат.) — святой путь

умеют хвалить лицемеры и завистники». Однако после выхода книги «Радунца» в Есенина поверили, и он стал известен.

В 1916 году, благодаря хлопотам, он, призванный в армию, с «высочайшего соизволения», получил назначение санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд Императрицы Александры Федоровны и по приглашению царской семьи, вместе с поэтом Н. Клюевым, часто читал стихи во дворце. В художественном сериале «Есенин», одном из тех, которые «пекутся», как в печи-скорodelке, по несколько штук в месяц — деньги-то несчитанные, грантовские, согласно статьям «забугорных» бюджетов направленные, — поэт читает стихи, по-хамски повернувшись спиной к царице и царевнам, которые, в свою очередь, изображены обычными кокетками. А царевна Анастасия явно довольно хихикает, когда Есенин поет ей непристойную частушку. Да, грантодатели некоторых НКО, организовавшие «конвейер» по производству фильмов о «скверной жизни» прошлых лет не обошли своим вниманием не только С. Есенина — то ли еще увидим и услышим. А вот Андрея Белого, близко знакомого с Есениным, которого нельзя заподозрить в подхалимаже, «поразила <...> необычайная доброта, <...> мягкость <...> чуткость и повышенная деликатность» поэта.

Но прошли годы, отгремела революция и гражданская война, и в 1924-м году Есенин — ничего нет нового под Луной, и бывшие советские люди в 90-е годы ничтоже сумняшеся хаяли свое прошлое — уже говорит: «Я бы просил читателей относиться ко всем моим Иисусам, Божьим Матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии». «Рано посетили меня религиозные сомнения...» Что это? Более похоже на отказ от своих юношеских верований в угоду времени и властвующей доктрине. «Бедные крестьяне! / Вы, наверно, стали некрасивыми. / Так же боитесь Бога...» Но при этом, все же, пишет слово «Бог» с большой буквы.

Да, Есенин принял революцию, но в ее стихийном, так сказать, бессознательном виде, «с крестьянским уклоном», как бунт, сметающий все оковы и препоны. Далее это вылилось в его понимание цели революции — *I have a dream*^{*}, — как стремления построить социально- и, прежде всего, крестьянски-ориентированное государство, как царство крестьянского благополучия, как «мужицкий» рай, где обретет счастье русская самобытная деревня. В этом было и его целеполагание, как литературного творца, в отличие от современных бесцельно бредущих, вроде бы вперед, российских литераторов, кто с красным флагом в руке и левацким задором в сердце, кто, наоборот, обряженный в белогвардейскую или казацкую форму, а кто со смущенной — эго вышло-то как! — улыбкой сильно постаревшего шестидесятника, возглавляющих колонну, в массе своей, производителей цветасто-глянцевой и дамской «прозы». Ведь отрыв от прошлого, от реальности и отсутствие цели — это путь в сферу, абсолютно непривязанную ни к каким земным корням. Однако вопрос о том, кто хочет освободить планету от присутствия людей — уже иной предмет для обсуждения. Представления же Есенина о светлом будущем деревни и всей крестьянской (фактически на тот момент) России — «Вижу вас, злачные нивы. / С стадом булатных коней. / С дудкой пастушеской в ивах / Бродит апостол Андрей» — наложило неизгладимый отпечаток на все произведения поэта и во многом определило его будущее. «Марфа-посадница», в которой героиня борется за вольности Новгорода, «Преображение», «Июния», «Небесный барабаничик», «Пугачев», проникнутые бунтарским настроением и вытекающими из него действиями, могут быть отнесены, если не к образцам, то к лучшим творениям русской поэзии. В этот период в одном из стихотворений Есенин восклицает: «Мать моя родина, я — большевик!»

Конечно, Есенин не догадывался о германских и англо-саксонских корнях революции, не различал и затем, а может быть, просто не придавал значения двум борю-

^{*} *I have a dream* (англ.) — у меня есть мечта.

щимся между собой направлениям — превращению советских народов в пушечное мясо мировой революции (читай — сдаче России мировому капиталу) и противоположному ему, созиданию сильного социально-ориентированного государства. Отсюда и неразборчивость в «друзьях», о чем ниже.

Возвращаясь к заголовку колонки, ко второй его части, зададимся вопросом — так кем же был Есенин, конформистом или нонконформистом? Принимая во внимание вышесказанное и судя по многим внешним фактам жизни С. Есенина, его можно было бы отнести к первому разряду. Так и ранние стихи поэта неосознанно, но полностью соответствуют господствовавшей тогда, озвученной Александром III, идеологии: монархия, православие, народность (да и как могло быть иначе, если эти принципы идут из глубинной сущности России, являются истинными, исконными и корневыми?), наполнены любовью к Христу, Богородице, деревне и сельской жизни. В книге «Радуница» мы видим, как поэт уже зависим от вкусов читателей на тот момент. В 1916-м году поэт принимается монаршей семьей в Царском Селе. Далее он не только одобряет, но и весь отдается революции. В последующие годы круг его знакомств «ветвится» вплоть до Ленина. Есенин много хороших слов говорит о большевиках и их деяниях. Одна поэма «Ленин», чего стоит? — «И вот он умер... / Того, кто спас нас, больше нет. / А те, кого оставил он, / Страну в бушующем разливе / Должны заковывать в бетон». Он близко знаком с одним из главных лиц революции, в начале 20-х годов обладающим реальной властью и покровительствующим поэту, к которому он, по воспоминаниям С. Борисова, относился «с большим уважением, доходившим до почитания...» Так в письме к нему он пишет: «<...> ударили по той струне, для того, чтоб перервать ее, которая служила Вашим вниманием к нам. <...> Простите за то, что /нрзб./ /дост/ если обеспокоили всей этой историей Ваши нервы, которые дороги нам как защита и благосостояние. Любящий Вас С. Есенин»*. К этому же ряду можно отнести и отказ работать на это лицо, когда другая линия наверху победила. Есенин также участвовал в НЭПе: он занимался книгоизданием и держал свою небольшую книжную лавку на Никитской, где сам торговал. Ни для кого не секрет его дружба со многими чекистами, а с одним из них, самым одиозным, Яковом Блюмкиным, особо. Часто, в подпитии, поэт звал друзей посмотреть на казнь контрреволюционеров: «Я это вам через Блюмкина в одну минуту устрою!» К конформизму можно отнести нежелание Есенина покинуть страну, когда он это легко мог сделать (даже получил загранпаспорт), и с энтузиазмом принимает социалистическое строительство, когда возвращается из заграницы. Таким образом, можно определить поведение поэта, как конформистское, ибо есенинская вражда власти надумана. Да и власть, как известно, относилась к поэту весьма хорошо, если не сказать — трогательно («Кто с лихостию, а Бог с милостию»). Ведь когда, будучи сильно пьян, Есенин говорил всякое, власть предрежащие были спокойны: относительно него был даже отдан приказ — доставлять в милицкий участок сугубо для вытрезвления, а затем, не составляя протокола и не давая делу хода, отпускать. Если бы Сергей Александрович был опасен для власти, она легко нашла бы способ эту опасность нейтрализовать.

Есенина не раз, особенно за рубежом, упрекали за близость к верховной власти, что открывало ему все двери. Видимо с поры пребывания Есенина в Царском Селе, его не оставляло стремление контактировать с высокопоставленными лицами. Наиболее тесными и длительными были личные, общественные и творческие связи С. Есенина с наркомом просвещения А. В. Луначарским. Так Есенин воздержался в единственном числе при голосовании за резолюцию, осуждающую Наркомпрос и лично Луначарского. Есенин избирается в Президиум Профессионального союза поэтов, председателем которого был нарком. Поэта приглашают на совещание в Наркомпрос с участием

* «Существо мое возмущено до глубины...» Неизвестное письмо С. А. Есенина <...>. «Литературная газета». № 3—4 (6156), 2008-01-30. Публикуется впервые.

Луначарского и М. Горького, он включен в состав литсекции агитпоезда Луначарского. По инициативе Есенина составляется устав культурно-просветительского учреждения «свободных мыслителей и художников», творящих в духе мировой революции» С. Есенин дарит наркомку книгу «Исповедь хулигана» с надписью: «Анатолию Васильевичу Луначарскому с глубоким уважением к нему. С. Есенин».

Интересно отметить и следующее. По аналогии с анекдотом о двух либералах, которые во всем настолько привыкли винить одного человека, что и в убийстве Пушкина и Лермонтова видели его руку, хоть он в то время и не жил еще, власти обвиняли и в том, что Есенина не публиковали в годы с 1925-го по 1953-й. Как оказалось в очередной раз — вранье. Легко убедиться, что за период в 27 лет было 9 изданий сочинений поэта, то есть, в среднем, одно издание в 3 года — прилично, если даже в военном 1943-м году вышел сборник его стихов.

Не будем, однако, торопиться с выводами о конформизме С. Есенина. Разве был поэт конформистом, когда входил в начале века в группу новокрестьянских поэтов (1916-й год), где были сильны протестные настроения, где проповедовалась избранность крестьянства, революционное мессианство, где раздавались призывы «штурмовать небеса», или когда писал «Инонию», суть которой явно расходилась с комиссарской доктриной? А кем он был, с этой точки зрения, по отношению к существовавшей на тот момент власти, когда разделял революционные настроения февраля, а затем принял и следующую революцию? Безусловно, к некоторому нонконформизму (диссидентству) можно отнести два момента в творчестве поэта. «Стадо, стадо! ...Ваше равенство обман и ложь. ...Для глупцов хорошая приманка. Подлецам — порядочный улов», — говорит бандит (но это же бандит) Номах (читай — Махно) И там же: Лейбман с псевдонимом Чекистов косвенно указывал на кое-кого, («Страна негодяев»). Для каждого художника неизбежен переломный этап, подобный происходящему при переходе от одного психологического возраста в другой. В 1920 году Есенин пишет «Исповедь хулигана» — коктейль необузданной дикости с невероятной нежностью. И, кажется, А. Дункан говорила о выступлениях поэта в Америке, что он бросает вызов всему и всем: и Богу, и Америке, и публике.

Поэтому на вопрос — кем же был Есенин? — на основе всего вышесказанного отметим, что определение: «художник всегда — в той или иной степени — находится в оппозиции к власти» не всегда верен. А суть поэта определяется не чем иным, как его стихами. Стихотворения же С. Есенина наполнены искренней, неподдельной любовью не к власти имущим, а к Родине, какие бы повороты ни делала она на своем пути, той любовью, которая всегда наполняла до краев сыновнее сердце поэта. С. Есенин не ищет выгоды для себя ни в один из периодов своей жизни — ни в Царском Селе, ни в Кремле, хотя, благодаря связям, мог бы иметь все, что хотел. Он просто хотел жить, творить и издаваться, что является законным желанием художника, тем более большого. И какие стихи выходили из-под его пера! Увы, такой поэзии в наше время приходит на смену массовая безвкусица. Да и откуда взяться иному? — Самородки редки, а в литобъединениях учат не по стихам выдающихся поэтов, а, в большей части, по виршиам руководителей.

Но вернемся к С. Есенину. Мысль новокрестьянцев об оппозиции города и деревни нашла свое подтверждение в жизни и творчестве поэта. Город, который вначале лирический герой полюбил: «Я люблю этот город вязевый...», постепенно получает все более усиливающиеся негативные определения. «Шум и гам в этом логове жутком...», «Если раньше мне били в морду, / То теперь вся в крови душа...» Это уже просто антидом, который душил родную деревню! «Сдавили шею деревне каменные руки шоссе». И все же даже в любовной лирике Есенин не перестает говорить о Родине. «Моя лирика, пишет поэт, — жива одной большой любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве. Так в «Персидских мотивах» главная героиня — далекая Россия: «Как бы ни был красив Шираз, / Он не лучше рязан-

ских раздолгий». «Если крикнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою» — это пронизывает всю поэзию Сергея Есенина. «...История Есенина есть история заблуждений. И, однако, сверх всех заблуждений и всех жизненных падений Есенина остается что-то, что глубоко привлекает к нему. Точно сквозь все эти заблуждения проходит какая-то огромная, драгоценная правда. <...> Прекрасно и благородно в Есенине то, что он был бесконечно правдив в своем творчестве и перед своей совестью, что во всем доходил до конца, что не побоялся сознать ошибки...»*

Однако, он очень хотел быть первым поэтом: «Теперь многие, Луначарский там, да и другие, пишут, что я первый. Слыхали, наверное? Не Блок, а я. Как вы находите?..»** Или вот: «Я чувствую себя хозяином в русской поэзии...» (С. Есенин. Вступление к сборнику «Стихи скандалиста»). Поэт называл себя вождем имажинизма. В эту пору у него заметна тенденция «всех перепить, перехулиганить и перестихотворить». Известно, что гениальность есть выход за пределы среднего человеческого. Но есть еще понятие — гордыня...

Попытка загнать себя в прокрустово ложе Пролеткульта, призванного создать железобетонную рать творческих бойцов мировой революции, Есенин противопоставил имажинизм***, для последователей которого характерен эпатаж, анархизм — они даже по ночам улицы переименовывали своими именами. Имажинизм Есенина был, скорее всего, проявлением скоморошества, уходящего корнями в народные традиции, и сквозь манерность, хулиганство, паясничество невооруженным глазом виден подлинный поэт. Пролеткультовцы и Луначарский не любили имаженистов, называли их шарлатанами, румянцами «музу нечистотами». Это находило поддержку и наверху. Возможно, такая борьба свидетельствовала о желании заманить Есенина в новую идеологию, сделать из него пролетарского поэта. Кстати, после возвращения из длительной поездки с А. Дункан в Европу и Америку, поэт официально порвал с имаженистами (тот же вопрос — так кем же был Есенин?), заявив: «У братьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова...» В это время настроения потерянности и безысходности сменяются надеждой на счастье и верой в будущее: «В первый раз я запел про любовь, / В первый раз отрекаюсь скандалить / <...> Разонравилось петь и плясать / И терять свою жизнь без оглядки». Но это было, видимо, краткой вспышкой света перед наступлением тьмы.

В последние месяцы жизни у Есенина была сильная депрессия, вызванная не разочарованием конформиста, который-де все принял и поддерживал, а ничем не получил. Напротив, по признанию власти имущих той поры, он считался лучшим советским поэтом, и мог иметь все и больше. Состояние его определялось не этим. Вспомним, что он пришел *cum Deo***** из патриархальной деревни, из которой жизнь вырвала его с корнем. А город расшатал и разрушил его психику. Далее, в советской действительности, за исключением периода революционного подъема — противоречия между «корнями», «почвой» и планами тех, для которых «движение — все, цель — ничто», чье представление о путях развития деревни стали расходиться с есенинскими взглядами. Депрессия Есенина коренилась в глубоком разочаровании его в своей мечте о вольной, счастливой и процветающей деревне, которая виделась ему в «Июнии» и которой не суждено было сбыться. «Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал», — заявляет в одном из писем Есенин. Он начинает проклинать «железного гостя» и оплакивать уходящую «деревянную Русь». Отрезвление от хмельной стихии революции, он переносил тяжело. Разочарование, невиде-

*В. Ф. Ходасевич. Некрополь. Воспоминания. LES EDITIONS PETROPOLIS / Bruxelles, 1939.

**Георгий Иванов. «Есенин».

***Имажинизм (от лат. *imago* — образ) — литературное направление в русской поэзии XX в., представители которого заявляли, что цель творчества состоит в создании образа.

**** *Cum Deo* (лат.) — С Богом.

ние цели и смысла. «Розу белую с черной жабой / Я хотел на земле повенчать». А разве может быть жизнь без цели? — Чур! Тут же привиделась чья-то улыбочка и борода под ней. Ведь когда в душе образуется пустота, туда может внедриться такой мрак, что и жить не захочется... Депрессии способствовало и то, что он не находил общего языка с новым поколением, для которого портрет Ленина заменил икону, а «Капитал» — Библию. «Поют песни Бедного Демьяна». Выступало осознание, что он не нужен, что его поэзия не нужна Пролеткульту, а советская поэзия не шла из него. Богемное окружение поэта не способствовало избавлению от депрессии. Большую роль в усугублении состояния Есенина сыграл и алкоголизм. Известно, что Есенин писал только в трезвом состоянии, в чистой одежде и при абсолютном порядке вокруг — *bien ou rien**. А похмелье, как известно... «Мне тяжело, как смутное похмелье...» (А. С. Пушкин). «И я склонялся над стаканом, / Чтоб не страдая ни о ком, / Себя сгубить в угаре пьяном», — писал Есенин. — «То ли ветер свистит / Над пустым и безлюдным полем, / То ль, как роцу сентябрь, / Осыпает мозги алкоголь». А Мариенгоф писал, что поэт настолько искалечил себя выпивкой, что «от первой, утренней рюмки у него уже темнело сознание» («Не спрашивай: пьет ли, спрашивай: каков во хмелю»**). По словам знакомых и друзей, он был человеком один час в день. Предчувствие смерти не покидало Есенина — «Черный человек» и «Мы теперь уходим понемногу / В ту страну, где тишь да благодать. / Может быть, и скоро мне в дорогу / Бренные пожитки собирать». Да, все мы когда-то приходим чистые, звенящие, источающие любовь к земле. Потом, в юности, нередко приходит увлечение радикализмом, в той или иной форме, — в незапамятном недалеком, кто не «продавал родину за японский магнитофон или джинсы»? Затем неминуемо, исключая патологические случаи, наступала депрессия. После чего (не у многих, к сожалению) — отрезвление и вера, понимание истоков, цели и пути... Есенин видел свою гибель и неоднократно совершал попытки выйти из этого состояния мрака, хотел спастись, был искренен, когда говорил, что «хотел бы я, задрав штаны, бежать за комсомолом». Но, к сожалению, выхода из депрессии не произошло... «Я с собой не покончу!» — кричал он в стихах, но в этом-то и слышится признание о тяге к расправе над собой. Депрессия все сильнее и сильнее затягивала поэта в свой омут. И какие «песни скорби» он при этом писал! Они звучали в душах читателей «лихостью отчаяния, безысходной нежностью и безудержной решимостью защитить свое право на печаль и гибель. Безусловно, Есенин хотел жить по-настоящему или умереть.

То время, в котором жил Есенин, нельзя рассматривать вне политики, так как политизировано было все вокруг. И смена покровителей не может пройти бесследно — *save!**** Представьте, что бы было с Фаустом, если бы он, подписав договор, на следующий день отказался от него («мефистофели» не шутят). Наступил 1925-й год, год перелома, год 14-го съезда партии, на котором, в декабре, накануне Нового года, должен был решиться вопрос о власти. Одна из сторон мобилизовала левую оппозицию, включая Пролеткульт. Началась травля многих направлений, в том числе имаженистов, и более всего Есенина, чтоб заполучить его в этом противостоянии и тем усилить свой лагерь («Угодило зернышко промеж двух жерновов»****). Поэт отказался «...Понимал ли Есенин последствия своего отказа? <...> Мнение о том, что Есенин деревенский простак, — миф. Он сделал ставку <...>. И оказался в центре политического узла (режиссер фильма «Дорогие мои! Хорошие!» В. Паршиков: «Не надо изображать Есенина человеком не от мира сего») Съезд начал работу в Москве 18 декабря и должен был завершить работу 31 декабря. На съезде победила другая сторона, и произошла смена руководителя Ленинградской парторганизации.

* *Bien ou rien* (фр.) — хорошо или никак.

** Русская поговорка.

*** *Save!* (лат.) — Берегись!

**** Русская поговорка.

Утром 24 декабря (время работы съезда: 17—31 декабря) Есенин приехал в Ленинград и направился к поэту Эрлиху, но того не оказалось дома. Оставив ему записку, поэт поселился в пятом номере гостиницы «Интернационал» («Англетер»). 31 декабря должен был закончиться XIV съезд партии, нового лидера ленинградских коммунистов ожидали в Ленинграде, где у Есенина планировалась встреча с ним. Сторонники версии самоубийства утверждают, что Есенин был подавлен и склонен к суициду. Однако по свидетельствам современников, он был настроен на работу, читал друзьям стихи, рассказывал о новом, порученном ему журнале. За 1925 год у него вышло 8 книг, им было подготовлено полное собрание сочинений. Материальное положение Есенина было успешным — и не только благодаря будущей хорошо оплачиваемой работе. Существовал договор с Госиздатом на выплату гонорара за полное собрание сочинений в течение полутора лет. Первый перевод на 640 рублей уже поступил. Еще в Москве издателю Евдокимову Есенин рассказывал о своих планах — работе в журнале «Поляне», руководство которым обещал ему кандидат в новые руководители Ленинграда. Племянница поэта Светлана Есенина: «Вскоре в Ленинград Есенин должен был перевезти и семью, о чем свидетельствует его телеграмма от 7 декабря, в которой поэт просил Эрлиха подыскать ему трехкомнатную квартиру». Совпадение ли все это? Скорее нет, все говорит о его позитивном настрое.

Между тем в Москве Петр Чагин на съезде встретил нового лидера Ленинграда. Он «...спросил меня, — вспоминает Чагин, — не встречался ли я с Есениным в Москве, как и что с ним. Сообщаю <...> по моим сведениям, Есенин уехал в Ленинград. «Ну что ж, <...> продолжим шефство над ним в Ленинграде. Через несколько дней будем там». Но не довелось новому руководителю продолжить шефство над Сергеем Есениным. Съезд закончился 31 декабря. Он опоздал. Сергей Есенин ушел из жизни. «Но для судьбы дороги нет окольной / На рубеже прозрачных полусфер, / И одного — уже заждался Смольный, / Другому — время ехать в «Англетер»».

* * *

*До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.*

*До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

⟨1925⟩

Есенину бы пережить этот перелом. Наступила бы зрелость, и какой взлет поэзии был бы, поэзии, уходящей корнями в народ. Однако впереди были все новые и новые переломы... «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен»**.

Называют две версии смерти Есенина: самоубийство и убийство. Однако ни одна из них до конца не доказана. В связи с этим, среди прочих, возникает и вопрос — зачем ехать в Ленинград, чтобы покончить с собой, если это можно было сделать и в Москве?

После смерти Есенина, когда поэт был уже не нужен, его бывшие «друзья» как с цепи сорвались. В частности в «Злых замечках» прямо и грубо говорится: «Есенин-

* Александр Городницкий.

** Древняя китайская мудрость.

ская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в «ухаря-купца»: в лаковых сапожках, с шелковым инурком на вышитой рубахе, «ухарь» припадает сегодня к ножке «государыни», завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом «душевно» сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести свой вклад в Троице-Сергиевскую лавру «на помин души». Он даже может повеситься на чердаке от внутренней пустоты <...> «истинно русская картина». «Есенинщина — это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня». А особо ретивые называли Сергея «фашистом». Вот так! Вот такое отношение к русскому — «истинно русская картина» — и к великому русскому поэту. И, заметьте, как вовремя, не успев предать Поэта земле, уже, как заранее подготовленное, «вылили» (другого слова не подобрать) в печать.

Есенин был конформистом и нонконформистом одновременно. А разве такое возможно? — спросит читатель. Ответим: возможно, но только в одном случае, если человек и ни тот, и ни другой. Таким был Есенин — им не руководило чувство выгоды, или стремление к борьбе со всем и вся. Он просто хотел писать, творить и издаваться. Хотел быть лучшим поэтом? — Да. Но это не имеет к конформизму и его противоположности никакого отношения. «Дайте мне на родине любимой, все любя, спокойно умереть». Есенин — типичный представитель народа. За ним стоят миллионы таких же, но безымянных «есениных», его братьев по духу, соучастников-жертв революций. Но если бы он жил сейчас, то атмосфера накопительства и потребительства, бездуховности и торгового мышления в литературе, безусловно, сделали бы его самым непримиримым нонконформистом.

Однако не дают покоя два стихотворения: написанное еще в 1914 году (!): «Все встречаю, все приемлю. / Рад и счастлив душу вынуть. / Я пришел на эту землю, / Чтоб скорей ее покинуть» и «До свиданья, друг мой...», приведенное выше.

Есенин до конца сопротивлялся, как мог, расчеловечиванию, которое проводили под знаменами мировой революции те, кто тогда осуществлял глобализм с одной отдельно взятой страны и за ее счет. И лучшие А. С. Пушкина не скажешь:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.



**К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПОЭТА
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЕСЕНИНА
(1895 — 1925)**

«О Русь, взмахни крылами, поставь иную крепь!»

С. А. Есенин (1917)

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН О СЕБЕ

Родился в 1895 году, 21 сентября, в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константинове. С двух лет был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое здоровых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядя мои были парни озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла, и пустили сразу галопом. Я помню, что очумел и только крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня одежду и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?..» «Стерва» у него было ласкательное слово. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавая по озеру за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном, всегда ходил в царапинах. За озорство меня ругала только бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, ты его не трожь, он так крепче будет!». Бабушка любила меня из всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал моих кучерявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь имею, какое-то неприятно чувство имею к субботе.

Так протекало мое детство. Когда же я подрос, из меня захотели сделать сельского учителя, и потому отдали в церковно-учительскую школу, окончив которую я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не случилось.

Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16—17 годам. Некоторые стихи этих лет помещены в «Радунице».

Воснадцати лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок. Второй — Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что впервые видел живого поэта. Городецкий свел меня в Клюевым, о котором я раньше слыхом не слыхивал. С Клюевым у нас завязалась, при всем нашем внутреннем противоречии, крепкая дружба.

В эти годы я поступил в Университет Шинявского, где пробыл всего 1,5 года, и снова уехал в деревню.

В университете познакомился с поэтами Семеновским, Наседкиным и Филиппенко.

Из поэтов современников мне нравились больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности.

В 1919 году я с рядом товарищей публиковал манифест имажинизма. Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы, и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом.

От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции.

С восьми лет бабка таскала меня по различным монастырям, из-за нее у нас постоянно ютились страницы и странники. Распевались разные духовные стихи. Дед напротив. Был не дурак выпить. С его стороны устраивались различные невенчанные свадьбы.

После, когда я ушел из деревни, мне долго пришлось разбираться в своем укладе.

В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по своему, с крестьянским уклоном.

В смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину.

Что касается остальных автобиографических сведений,— они в моих стихах.

Октябрь 1925 Сергей Есенин



Сергей Александрович Есенин

СТИХИ



* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.
Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.
Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.
Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.
Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

НЕ ЖАЛЕЮ, НЕ ЗОВУ, НЕ ПЛАЧУ

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст

О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.

ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

АННА СНЕГИНА

(отрывок)

1

«Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но — грозный судья — старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот.
Раз — власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди — все грешные души.
У многих глаза — что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий,—
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья вожжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

* * *

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Беседа окончена...
Чинно
Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

МНЕ ОСТАЛАСЬ ОДНА ЗАБАВА

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.

Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, —

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

ОТГОВОРИЛА РОЩА ЗЛОТАЯ

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветром в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

ПУСКАЙ ТЫ ВЫПИТА ДРУГИМ

Пуškai ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприветливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

Я ОБМАНЫВАТЬ СЕБЯ НЕ СТАНУ

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский, озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин.
В глупой страсти сердце жить не в силе.
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею.
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омусть в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

ВЫТКАЛСЯ НА ОЗЕРЕ АЛЫЙ СВЕТ ЗАРИ

Выткался на озере алый цвет зари.
На бору со стонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
сядем в копны свежие под осенний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари,
есть тоска веселая в алостях зари.

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.
Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.
Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии.
Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.
Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.
Тогда и я,

Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.
Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.
Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрчивал в скандалах.
Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

.....
Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!
Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!
Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.
Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ламанша.
Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы

С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.
Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кушей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню,
Ну где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню
Остались догнывать и осыпаться.

И я, я сам,
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен.
Не потому ль кабацкий звон гитары
Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Что видел я?
Я видел только бой
Да вместо песен
Слышал канонаду.
Не потому ли с желтой головой
Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.
Те
Еще несчастней и забытей.
Они, как отрубы в решете,
Средь непонятных им событий.

Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человеческих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

А есть другие люди,
Те, что верят,
Что тянут в будущее робкий взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит оголь.
«С Советской властью жить нам по нутрю...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...»

Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном

Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий?

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке.
Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шуток.

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

МЫ ТЕПЕРЬ УХОДИМ ПОНЕМНОГУ...

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле...
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

ДО СВИДАНИЯ, ДРУГ МОЙ, ДО СВИДАНИЯ

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.



Ярослав Брагин
(г. Тула)

**МНОГОЦВЕТНОСТЬ
КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА —
ВКЛАД В РАЗВИТИЕ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**



*«Его поэзия есть как бы разбрасывание обеими
пригоршнями сокровищ его души».*

А. Н. Толстой

Каждый литературный период ознаменован появлением людей, которые вносят неповторимый вклад в развитие литературы. Таковым является и Сергей Есенин — воистину поэтическое сердце России. Колдовские есенинские строки проникают до самых глубин души. Прозрачный холод, необъятная небесная ширь, голубая гладь озер, плеск волны, костер зари, малиновое поле, серебристая луна, шелест тростника — вся эта родная красота, усиленная горячей любовью к русской земле, наполняет его стихи. И читающие их вместе с поэтом окунаются в эту красоту всеми органами чувств, всей своей душой.

Однако сейчас, в эпоху развивающегося глобализма вместо людей с творческим мышлением востребованы лишь квалифицированные потребители товаров и услуг и трудовые роботы, которым вместо произведений литературы достаточно давать интернетовскую жвачку, то есть информационный шум. «Грядущий хам» (по Д. С. Мережковскому) не надвигается, он уже живет и здравствует в нашей действительности. Одним из его признаков является нынешний русский разговорный язык, насыщенный несметным количеством иностранных слов (будто у нас нет их отечественных синонимов) и напоминающий блатную феню, что прямо ведет не к его развитию вширь и вглубь, то есть к обогащению, но к самой что ни на есть лексической бедности.

Как известно, Ф. М. Достоевский главным своим вкладом в литературу считал не созданный им жанр психологического романа, не свои всемирно известные романы, повести и рассказы, а введение в литературный обиход слова «стушеваться». Отдадим должное скромности писателя. Возвращаясь же к Есенину, скажем — его неповторимая поэзия замечательна еще и своей многоцветностью, чем он внес значительный вклад в поэтическое искусство. В 1905 г. А. Блок в статье «Краски и слова» писал, что современные писатели отупели к зрительным восприятиям, а душа читателя среди абстракций и лабораторных слов загрузила и заждалась чего-то живого. Блок, ища выхода, предчувствовал и предсказывал неизбежное появление поэта, который принесет в русскую поэзию радугу, населенную существами природу со всеми ее просторами и не вычурными, но простыми и изумительными красками.

И такой поэт — один из самых выдающихся представителей лирической поэзии XX века — пришел. С. А. Есенин — певец любимой русской матери-земли, сопричастный всему, что происходит, тонко чувствующий и воспевающий ее красоту и поэтичность. Открывший книгу его стихов сразу поймет, что такое Поэзия, ибо это сти-

хи великого Мастера этого вида искусства. Еще первые его читатели почувствовали, как со страниц на них повеяло самобытностью и свежим воздухом, и были поражены яркой многоцветной палитрой стихотворений. Как говорил И. Сельвинский (цитируем не дословно, потому не ставим кавычек), такого глаза наша поэзия еще не знала. Образы в его стихах живописны, акварельны. Между строк слышен шелест листьев и шепот дождя, завораживающее пение птиц и пьянящие запахи леса, вся красота и животворящая сила природы, с которой поэт тесно общался с самых ранних лет. Всю сложность жизни, человеческих судеб, собственную душу он постигал через образы родной земли, где родился и рос. В этом особенность его художественного восприятия, мышления и литературной передачи образов. Поэтому, в том числе, стихи Есенина даже искушенным ценителям представляются феноменом, загадочным явлением. В пришествии Есенина в русскую поэзию, в ту разнообразную пору, богатую на различные явления, есть что-то от чуда. Ведь он пришел из российских глубин, где уже почти полвека была безответная тишина и где раньше, как писал еще Гоголь, с незапамятных веков бил «в груди народа» самородный фольклорный ключ. И уже через несколько лет Есенин, мастер, реформировавший стих, — властитель душ, стихи которого наизусть читает вся Россия. Только Божий талант в сочетании с любовью к жизни, волевым стремлением к совершенству и высочайшей самодисциплиной могли дать такой результат в такое короткое время. Лирика Есенина, в отличие от тютчевской «веры», лермонтовской «странной любви», страсти-ненависти Блока, пронизана непередаваемым «чувством родины». Потому невозможно из всех стихотворений выделить в особый раздел стихи о России, так как они все о ней.

Картина в словах, создаваемая поэтом, отражает не только видимую им внешнюю реальность, но и внутреннюю — состояние его сердца. Из теории немецкого ученого Лео Вайсгербера следует, что «модель (или картина) мира» есть отражение всей совокупности представлений человека. «Мир», картина которого описывается, есть одновременно взаимодействие среды и человека и итог переработки всей информации о самом человеке и среде, в которой он живет и проявляется. Неотъемлемой чертой «модели мира» является совмещение в виде неразрывного единства диахронического и синхронического планов — соответственно, как бы рассказа о прошлом и объяснения настоящего, а иногда даже будущего. Это понятие распространяется и на другие уровни бытия, утверждая тождество человека и природы, микро- и макрокосмоса. Отсюда вытекает также антропоморфное моделирование, начиная с человеческого жилища и кончая Землей и космическим пространством. Организация пространства и времени отсюда связана с сакральными «центром мира», «священными местами», «священными днями» и «святынями». В поэтико-мифическом сознании вырабатывается двоичная, противопоставительная система признаков, как средство описания семантики «картины мира»: мужской — женский, старший — младший, жизнь — смерть, счастье — несчастье, небо — земля, земля — подземное царство, верх — низ, день — ночь, зима — весна, вода — огонь, белый — черный и т.д. Но кроме полюсных признаков, есть также промежуточные, которые проявляются в том числе через цветовую гамму.

Символике цвета с незапамятных времен люди придавали особое значение. «Языком» красок говорят древние мифы, народные легенды и сказки, религиозные и мистические учения. По цветовым предпочтениям: на какой цвет мы обращаем внимание в тот или иной момент времени, какого цвета одежду любим носить, каким цветом хотим окружить себя в быту, можно изучить характер, отношение к тому или иному в жизни и настроение человека. В свою очередь на цветовые предпочтения влияют культурный уровень, образование, возраст, пол, темперамент, настроение, особенности характера и другие параметры. Цвет, обладая богатым символическим и

эмоциональным потенциалом, играет огромную роль и в литературных произведениях. Многие писатели широко используют цветовую символику, цветовые эпитеты помогают более ярко отразить атмосферу произведения и образы героев, несколькими словами показать их внутренний мир. Однако цвет в произведениях искусства превращается в символ только при условии соответствующего понимания. Кроме того, каждый писатель, наряду с традиционными ассоциациями, имеет также свое индивидуальное видение символики того или иного цвета.

Искусство цветописа, черпаемое из кладеза цветовой гармонии — русской природы и являясь, одновременно, наследием устной речи, занимает важное место в поэтической образности С. Есенина. Поэтому богатство спектра есенинской палитры сравнимо лишь с красочностью природы. Сергей Есенин как истинно народный поэт, тесно связанный с миром религии, мифов, сказок и фольклора, как говорится, с молоком матери впитал всю старинную красочную гамму, которая в полной мере, через сознание и подсознание, отразилась в его поэзии. Поэт использует все окружающие его цвета: белый, синий, голубой, золотой, серебристый, красный, розовый, желтый, зеленый, коричневый, черный... Цвета в его стихотворных строчках те же, что и на фресках в русских церквях, в народных вышивках и устной народной поэзии (см. «Слове о полку Игореве» и другие), что во всей полноте описано в работе Кедрова К. А. «Образы древнерусского искусства в поэзии Сергея Есенина»). Существует глубокая символика света и цвета в русской иконописи. Так белый цвет символизирует невинность, чистоту и святость; багряный (пурпур) — величие, но имеет и еще одно значение — угрозы и огня; синий — символизирует стремление мира к Богу, Небо, тайну, откровение и мудрость; голубой цвет означает чистоту и целомудрие, а зеленый — гармонию, весну, победу жизни над смертью и вечную жизнь. О знаменитом иконописце Дионисии говорили, что он «аки дымом пишет».

Заметно, что синяя дымка полюбилась и Есенину — потому чаще всего повторяющимся в стихах стал эпитет «синий». Синий цвет по мирским представлениям означает идеализм, преданность, самоотверженность, серьезность, призывает к нахождению смысла, истины, к мудрости и вере, к духовности. Голубой — цвет мечтаний и грез, цвет мира и согласия. Голубизна обычная и светящаяся, перламутровая и глубокая, вплоть до черной сины пронизывает своим светом его творчество: «Стережет голубую Русь / Старый клен на одной ноге», «В прозрачном холоде *заголубели* доли», «В летний вечер голубой», «Иду голубою дорожкой», «Мир тебе голубая прохлада», «И звенит голубая звезда», «Летний вечер *голубой*», «Голубизна презримо гуши», «Май мой синий! / Июнь голубой», «Вечер синею свечкой звезду / Над дорогой моей засветил», «Только *синь* сосет глаза», «В ту же масть, что с отливом в *синь*». Темно-синий цвет говорит о депрессии, угнетении, беспокойстве, грусти, печали, отсутствии удовлетворенности: «*Синяя* вьюга», «Вечер сине-хмурый», «Синий сумрак, как стадо овец...». Есенин считает, что даже в имени «Россия» есть «божественная» *синева*: «Россия! Какое хорошее слово... И «роса», и «сила», и «*синее*» что-то!» Он уверен, синий цвет — символ разлитого вокруг «божественного», а также чего-то нежного, несказанного: «Несказанное, *синее*, нежное...» Потому эпитет синий встречается повсеместно. Возвращаясь к «Слову о полку Игореве», находим подтверждение вышесказанного в так часто встречаемом в древней поэме эпитета «синий»: «*Синяя* мгла» «*Синие* молнии» «*Синее* вино» и т. д.

В древнерусской литературе, как обычно в Древней Руси: в устном народном творчестве и народной живописи, на церковных фресках белый цвет означает Божественное присутствие, связь с Богом, со своим высшим Я, веру, спасение, справедливость, чистоту, истинность, мудрость, полноту, самоотдачу, открытость, совершенство, равенство и мир, невинность, непорочность и искренность. Используется он для

описания добрых намерений и дел: «Троицыно утро, утренний канон, / В роще по березкам белый перезвон».

В палитре поэта большую роль играет «желто-золотой» цвет или золотистый, означающий неизбежную победу, жизнеспособность, всепрощение и альтруизм: осень «*золотит* холмы», «Погаснет день, мелькнув копной златою», «Лижут сумерки *золото* солнца», «Луна под крышей, как *злат* бугор», «Где *златятся* рагожи в ряд», «Осень — рыжая кобыла — чешет гриву», «Мне снились реки *златых* долин», Отговорила роща золотая», «Я понял, что солнце у выси — / В колодезь златое ведро», «Зелень *золотистая*», «Хвойная *позолота*»... Желтый цвет может быть ржаным и овсяным. В желтых (но уже без золотистого) оттенках поэт пишет свой автопортрет: «Про волнистую рожь при луне / По кудрям ты моим догадайся», «Эти волосы взял я у ржи». Желтый цвет предстает и песочным, и соломенным, и солнечным. Там же, где речь идет о «погибшей душе», снова появляется желтый цвет: «...Обвита *желтая* дорога, / И та, чье имя берегу, / Меня прогонит от порога», «У калины за желтым прудом». Желтый цвет по народным суевериям является символом разлуки, горя.

Причем Есенин использует золотой и серебряный цвета как рамки: «В холмах зеленых табун коней / Сдувают ноздрями *златой* налет со дней» и «...С бугра / Высокого в синеющий залив / Упала смоль качающихся грив. / Дрожат их головы над тихою водой, / И ловит месяц их *серебряной* уздой» («Табун»). О золотом цвете см. выше, а серебряный означает стойкость, стремление к свободе, порядок, трудолюбие и человеческую чистоту.

Красный — означает динамичность, активность, желание жить полной жизнью, стремление к новым впечатлениям, трудолюбие, склонность к борьбе. Бережно, когда надо придать особое значение, Есенин использует малиновый цвет: «Глеется дым, у малиновых сел», «Малиновое поле». Там, где требуется проявить женское начало, используется алый цвет, означающий чувственность, любовь к жизни и непредсказуемость: «Там, где капустные грядки / Красной водой поливает восход / Клененочек маленькой матке / Зеленое вымя сосет», «С алым соком ягоды на коже, / Нежная красивая была», «Выткался на озере алый свет зари», «И мне в окошко постучал / Сентябрь багряной веткой ивы». А еще розовый цвет, излучающий романтичность, доброту, любовь и страстность.

Зеленый цвет — наша защита, гармонизация, здоровье, уверенность в себе. В народном творчестве и на церковных фресках он означает неувядание.

У Есенина, в том числе и в поэме «Черный человек», все злое, депрессивное, темное в мире человека, разрушение, подавление, пустота, ужас, страх, смерть, сатанинское обозначается черным: «Облезлый клен / Своей верхушкой черной / Гнусавит хрипло / В небо о былом», «Вот опять этот черный / На кресло мое садится». Серые оттенки говорят о меланхолии, болезни, печали, депрессии, ограничении, дисциплине, серьезности, замкнутости. Серый цвет ассоциируется со старостью, скукой, отсутствием жизни — «Принакрытые сереньким ситцем / Этих северных бедных небес».

Можно отметить динамику цвета в произведениях поэта, он любит, когда цвет как бы течет, струится и, как на палитре у художника, цвета смешиваются. Например, желтая крапива и синяя «гуща леса», отражения которых, смешиваясь в воде, дают «зелень озер» («В том краю, где желтая крапива»). Или, например, когда цветовой сюжет движется от света в темноту: «Дымом половодье / Зализало ил. / *Желтые* поводья / Месяц уронил. / Еду на баркасе, / Тычусь в берега. / Церквами у прясел / *Рыжие* стога. / Заунылым карком / В тишину болот / *Черная* глухарка / К всенощной зовет. / Роща *синим* мраком / Кроет гольтьбу...» («Дымом половодье»). Очень наглядно динамика красок видна в двух строчках поэта, нарисовавшего спокойный и красочный этюд осеннего вечера: «Закружилась листва золотая / В розоватой воде на

пруду...» Желтая, золотая осень дают ощущение не тревоги и печали, а, наоборот, кажется, что уходящее лето на память украсило растительность новым красочным убором. И эта желто-золотая листва, отражаясь в воде, делится с прудом теплом. И пруд в ответ становится не таким, каким он бывает обычно осенью — темно зеленым и заросшим, а розовым (бледный оттенок красного, алого). Все спокойно и благополучно вокруг, все излучает нежность.

Много естественных, земляных, натуральных, красок в есенинской цветовой азбуке: волосы светло желтые, румянец ягодного оттенка, седина яблочного цвета. В своем творчестве Сергей Есенин часто использует прием, свойственный импрессионистам (художники-импрессионисты перешли от механического смешивания красок к раздельному мазку, то есть к оптическому смешению, цвета при этом стали получаться легкими, «воздушными», менее материальными, без четкого контура). Очертания стогов не ясны, они похожи на силуэты церквушек. Размытая линия, дает возможность Есенину выделить цветом главные детали — смутную желтизну ила, желтые поводья месяца, рыжие, побуревшие за зиму стога. То есть, в отличие от цветового примитивизма в произведениях некоторых писателей и поэтов, Есенин, как большой художник, использует сложное и тонкое смешение цветов и оттенков и, порой, в их динамике. С помощью словесных красок, он передает даже не эмоции, а эмоциональные оттенки, самые внутренние состояния души, различные настроения от романтической одухотворенности до депрессии. Он на деле доказал, что цвет, сочетание цветов и оттенков, и, зачастую, в их динамике, могут вызывать соответствующее движение мыслей, чувств и эмоций.

Различно «окрашены» и литературные периоды жизни поэта, соответствующие временам года. *Весенний*, дореволюционный период его творчества можно назвать синим, голубым, со всеми оттенками этого цвета, что говорит о чувстве любви и нежности: «И синь, упавшая в реку». Синий — олицетворяет покой и тишину. Голубой же очень близок по значению синему, но в нем присутствует еще и радостное чувство шири и простора. Сочетание же этих цветов создает романтический настрой: «Май мой синий! Июнь голубой!» *Летний*, революционный период: преобладание красных, розовых, огненных, солнечных, золотых красок в лирике Есенина. «Заря молитвенником красным / Пророчит благодатную весть». И Русь теперь не «голубая», а «златая», объята революционным пожаром, и вся Земля «златая». «В мужичьих яслях / Родилось пламя / К миру всего мира!», «Зарево красных зарниц». И какое разнообразие красных оттенков: багряный, алый, розовый, рдяной!.. *Осенний период*. «Не сладились и не сбылись / Эти помыслы розовых дней». В поэзии Есенина наступает «скорбный срок»: «Золотой октябрь осыпает перстни / С коричневых рук берез...», «Срежет мудрый садовник осень / Головы моей желтый лист». Краски увядающей осени: стылые желтые и «лимонные», медные, «ржавые», «оловянные», серые, пепельные, лишь с редкими проблесками яркости, наполняют его стихи. «Судьба... перекрасила» все: и Россию, в образе которой появилась «грусти ивовая ржавь», и природу, и поэта, и лирического героя, желающего стать «...Желтым парусом, / В ту страну, куда мы плывем», но «одержимый тяжелой падучей», он «душой стал, как желтый скелет». «Мысли о старости и тлене», между прочим, пронизывают всю есенинскую лирику — «Золото увяданья...». Вот и цвета «золотой осени»: желтизна, багрянец, медленный листопад, и ясная мысль о прожитой жизни, о невозвратно утраченном времени, об уже никогда неповторимом и повышенная чувствительность говорят об ослаблении жизненных сил. И, наконец, зимний период — вторая половина 1925 года: «Снежная равнина, белая луна, / Саваном покрыта наша сторона. / И березы в белом плачут по лесам. / Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?» Щемящее чувство смерти, постоянно ощущаемый страх, бесконечная жалость о быстром

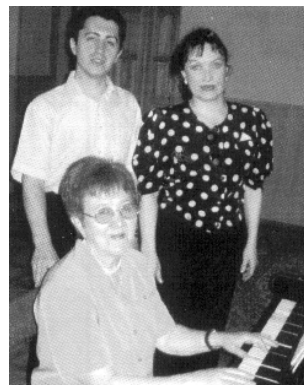
угасании и краткосрочности жизни. Лирика Есенина в этот период не светлая, она передает все вышесказанное, говорит не о силе, как ранее, а о слабости и умирании, о «роковом», о несчастье, о пропавшей жизни о несчастной любви и измене, о коварности дружеских отношений. Эти темы являются последними в его творчестве. Есенин остро чувствовал, как некие «черные силы», все настойчивее и сильнее подступали к нему. И в стихах много оттенков темного, черного, серого: «Серая гладь», «В эту серую морозь и слизь», «Приоткинув черную чадру», «Черный Человек», «Черная гибель...».

Нельзя не заметить особого пристрастия С.А. Есенина к употреблению слов, обозначающих цвета и оттенки в виде существительных женского и мужского рода: бель, синь, зелень, розовость, ржавь, хмарь, муть, смоль, темь, чернь и др. Подобное встречается и у других лириков, но Есенин применяет их особенно легко, свободно, эмоционально, широко и разнообразно.



Тамара Белицкая
(г. Тула)

МОЙ ЕСЕНИН
(К 120-летию со дня рождения поэта)



*Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком...*

Я дочитала стихотворение до конца и замерла от красоты этих строк. Мне было 15 лет, и я впервые открыла для себя поэта Есенина. Он вошел в мою душу и поселился в ней навсегда, перевернув, изменив мое отношение к поэзии. В школе нам никогда не называли это имя. Мы читали стихи и пели песни о девушке с винтовкой в руках, о пробитом комсомольском сердце, о Сталине, который «наша слава боевая» и «нашей юности полет», о стране, «где так вольно дышит человек». Конечно, были и Пушкин, и Лермонтов, и Некрасов, но они жили давно, в той, другой жизни, которая навсегда покинула нашу землю. А Есенин — вот он, рядом, почти наш современник, и вдруг — такое:

*Гой, ты Русь, моя родная
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.*

Кто в эти годы так звонко писал о родной стороне, о бескрайних просторах русской земли? Да никто — были дела куда важнее! Но вот ветер истории растрепал эти важные дела, а «есенинская» природа, словно отлитая в бронзе, навсегда запечатлелась и в его стихах, и в нашем восприятии ее красоты:

*Сыплет черемуха снегом
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.
Никнут шелковые травы
Пахнет смолистой сосной.
Ой, вы, леса и дубравы,—
Я одурманен весной!*

Но если бы это были только картинки природы — не было бы поэта Есенина. Главное — через его понимание и ощущения природы мы постигаем его мысли и чувства и сопягаем со своими мыслями и чувствами:

*...Лес застыл без печали и шума
Виснет темь, как платок, за сосной,
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной...*

Чем глубже погружалась я в затягивающую бездну стихов Есенина, тем понятнее становилась его беспредельная любовь к Родине, «до радости, до боли». По существу, она пронизывает все его творчество, и нет особой нужды подтверждать это цитатами. И все же:

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

Я долго жила в этом «ситцево-березовом есенинском раю», и мне казалось, что именно в этом — весь поэт. Но я ошибалась. Город с его беспощадными каменными объятиями вошел в его жизнь, изменив и Есенина-человека, и темы его творчества. С годами он перестал идеализировать патриархальный уклад деревенской жизни, словно впервые увидев, поняв его беспросветность и бедность.

*Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету свою видеть больно
И березам и тополям...
...И внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.*

В это время появляются стихи «Русь беспросветная», «Русь уходящая», «Русь советская», где он уже не скорбит по прошлому, а пытается осмыслить и приобщиться к новой жизни.

*Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрать штаны,
Бежать за комсомолом.*

Но это давалось ему нелегко. Уж слишком крепкими нитями он был привязан к прошлому. И он мучился от этого, нутром творца чувствуя беды и пороки времени, в котором жил:

*...Не знали вы
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте,
С того и мучаюсь, что не пойму-
Куда несет нас рок событий.*

Думаю, что эти мучения, эта боль надлома во многом определялись не только внешними, независящими от него обстоятельствами, но и отсутствием у него самого внутреннего стержня. В этот «развороченный бурей быт» он вошел совсем неподготовленным, наивным деревенским парнем. Отсюда его метания, стремление спрятаться от бурь то в разгульной жизни, то в мужской дружбе, то в объятиях любимых и нелюбимых женщин.

*Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну.
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину?*

Да уж! Приучила, как пригвоздила, и довела до трагического конца. Он бросился в разгульную жизнь, как в омут, теряя друзей и любимых женщин. Вот одна из них — Зинаида Райх — красивая молодая женщина, мечтающая о сцене. Есенин влюбился в нее с первого взгляда и клялся в вечной любви. Они поженились и были счастливы... три месяца! Потом начались пьяные скандалы, рукоприкладство, валяние в ногах и мольба о прощении. Родились дети (Татьяна и Константин), но это не спасло их брак.

*Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене.
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз...*

«Из всех женщин,— сказал как-то Есенин,— я любил только двух — Райх и Дункан».

Так вот, кто была его вторая любовь — знаменитая американская балерина Айседора Дункан. Они встретились, и страсть вспыхнула между ними сразу, в первое же мгновение. Она показалась ему ожившей статуей античной богини. Он начал читать ей стихи, а она не могла отвести взора от синевы его глаз. Не понимая слов, они хорошо понимали друг друга. Оба были талантливы, бесшабашны, эмоциональны, и их роман проходил бурно и страстно:

*Пусть ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость...*

Она открыла ему мир — Европу, Америку, показала красоты Парижа. А он? Очень скоро он уже начал скучать, чувствуя себя лишним в этих каменных джунглях.

Кем он был здесь? Не первым поэтом России, а лишь скандальным мужем знаменитой танцовщицы. Позже он написал: «Америка это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка... Это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.» Да, он был крепко связан с Россией, даже с той, которую уже оставил навсегда.

Его недовольство выливалось в пьяные скандалы и непреодолимое желание вырваться из крепких объятий Айседоры. Этот странный брак распался довольно скоро, и Есенин облегченно вздохнул. Любопытное мнение об этой паре высказал М. Горький:

«От кудрявого, игривого мальчика остались только очень ясные глаза, да и они будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце. Беспокойный взгляд их скользил по лицам людей изменчиво, то вызывая и небрежно, то вдруг неуверенно, смущенно и недовольно. Пожилая, отяжелевшая, с красным некрасивым лицом, окутанная платьем коричневого цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая к груди букет измятых, увядших цветов. Эта знаменитая женщина, прославленная тысячами эстетов в Европе, тонкая ценительница пластики рядом с маленьким, как подросток, изумительным рязанским поэтом, являлась изумительнейшим олицетворением всего, что ему было НЕ НУЖНО...»

Хотя их брак и пришел к своему естественному, всеми ожидаемому концу, но толчком к тому послужила телеграмма, полученная А. Дункан в Крыму, где она ожидала приезда Есенина: «Я люблю другую. Женат, счастлив. Есенин».

О, женское коварство! Эту телеграмму послал не Есенин, а безумно влюбленная в него Галина Бениславская, к которой поэт испытывал только дружеские чувства. «Галя,— говорил он ей,— вы очень хорошая, вы самый лучший друг, но я вас не люблю». Она страдала от этих слов, но не изменяла своей любви. И не в силах пережить смерть Есенина застрелилась на его могиле.

Не хочется впадать в мистику, но жизнь этих трех женщин после смерти Есенина странным образом оборвалась внезапно и трагически...

Впрочем, довольно! Отдав дань памяти любимым и нелюбимым женщинам поэта, вернемся к нему самому.

Когда юный Есенин со стихами, завязанными в головной бабий платок, только появился в Москве, (а позже и в Петербурге) город встретил его приветливо, «с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе. Его стихи начали хвалить безмерно» (М. Горький). Все «пишущие» наперебой хотели подружиться с деревенским самородком. Да и сам он тянулся к именитым братьям по перу — познакомился с А. Блоком, Н. Гумилевым, А. Ахматовой, Б. Пильняком, В. Маяковским, М. Горьким и другими. Начал писать на «городские» темы («Город», «Папиросники»), ввел в свою лирику гражданские мотивы («Кузнец», «Бельгия» «Ленин»). Но у меня всегда было ощущение неискренности этих стихов, звучавших как-то натужно и фальшиво. Он слишком близко видел оборотную сторону «революционной романтики», чтобы войти в нее сердцем. А без этого ведь нет Есенина-поэта. Когда же он обратился к эпическим темам — (поэмы «Пугачев», «Анна Снегина», «Песнь о великом походе»), то эпос (по моему мнению) — упорно сопротивлялся автору, т.к. был совсем не его стихией. Ему не хватило ни материала, ни размаха. И потому самыми выразительными строками поэм стали лирические монологи и рассуждения. Особенно ярко это проявилось в «Анне Снегиной», жанр которой он сам определил как лирико-эпический. Совершенно естественно, что лирика поглотила, вобрала в себя эпос, по-

тому, что была самой сущностью, природой поэта, данной ему Богом. И все лучшее, что он создал, окрашено именно в лирические тона — от ярко-солнечного до сумрачно-трагического.

Как-то его спросили: «Вот ты все гуляешь, когда же ты пишешь?» Он коротко ответил: «Всегда!». Ему не нужен был стол с бумагой и ручкой. Стихи слагались у него как-то вдруг, словно небесный нимб внезапно опускался на его голову, зачаровывал его и отливался в золото строчек:

*Над окошком месяц. Под окошком ветер,
Облетиший тополь серебрист и светел.*

Он мог сочинять стихи и в шумной компании, и на улицах города, и в тиши лесных дубрав и наедине с женщиной. Об этом свидетельствуют и воспоминания актрисы А. Миклашевской: «Мы с Сергеем много бродили по Москве, ездили за город и там подолгу гуляли. Однажды он внезапно остановился и замер. Лицо побледнело, глаза, словно провалились внутрь, губы что-то шептали. Я молча стояла, понимая, что происходит с ним. Потом он как бы очнулся, повернулся ко мне и прочел:

*Ты такая же простая, как все,
Как сто тысяч других в России.*

И дальше, чего я уже не помню»...

Это не значит, конечно, что позднее он не редактировал свои стихи. Работа над ними велась кропотливо и внимательно, и он многое переделывал, доводя стих до совершенства, наполняя его звуками и красками. Его поэзия — это настоящая музыка слов, вынутая из переполненного сердца. Не случайно Дункан, слушая стихи поэта и не понимая слов, зачарованно шептала: «О! Это музыка, музыка!» Казалось бы, здесь не добавить, не убавить — сам строй поэзии Есенина распевен и не нуждается в нотных знаках. И все-таки музыка потянулась к ней, создавая новую сущность — органичный сплав слова и музыки. И по всей России зазвенели (и звенят по сей день) песни, романсы, хоровые произведения. К стихам потянулись и народные певцы и композиторы-профессионалы. Это ли не признание его истинного, совершенного таланта? Он сумел высказать то, что переполняло его сердце: «нежность грустную русской души». При жизни он мечтал о Славе, и она догнала его и обессмертила! И всегда будет жить в умах и сердцах людей гениальный русский поэт Сергей Есенин, мой Есенин.



Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

**ОДИНОЧЕСТВО ПОЭТА, ИЛИ ПИСЬМО
СЕРГЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЕСЕНИНУ**
Эссе



Лебедев Сергей Александрович живет в городе Тольятти, по профессии химик-технолог. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Член Российского союза профессиональных литераторов и Российского союза писателей.

Дорогой Сергей Александрович! Вот уже почти пятьдесят лет я знаю Ваши стихи, читаю и люблю их. Ваша поэзия стала мне настолько близка, что порой кажется, что стихи я слышу из Ваших уст, разговаривая с Вами, как с дорогим другом. Понимаю, слова мои сейчас звучат очень дерзко. Но так я думаю с того самого момента, когда впервые прочитал строки, написанные Вами. Ведь Вы сумели задолго до моего рождения выразить те чувства и мысли о России, о любви, о родной природе, которыми я сейчас живу. Оказалось, что душевные порывы разных поколений могут совпадать. Более того — выраженные в Ваших стихотворениях внутреннее самочувствие и мятущаяся жертвенная судьба всего русского народа актуальны и в наше время. В чистоте и откровенности Вашей лирики, в Вашей неутраченной боли за русский народ и за судьбу русского человека слышатся мне сегодняшние напевы уходящих в никуда российских деревень.

Впервые услышал я Ваш голос, когда мне было пятнадцать или шестнадцать лет. В буквальном смысле — «услышал», прочитав Ваши стихи в небольшой брошюрке, вышедшей в серии «Библиотека журнала «Огонек».

Случилось это весной 1965 года. Как раз в ту пору нахлынула на меня первая любовь. И как часто это бывает в юности, любовь — несчастная и безответная. Вот тогда-то, совершенно случайно, я и прочитал несколько Ваших стихотворений в неизвестно откуда попавшей в мои руки брошюре. И простые слова сразу вошли в мое сердце. Они точно определили состояние юноши, потерявшего всякую надежду на взаимную любовь.

*Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеду, и не искать следа,
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.*

Я несколько раз прочел именно эту строфу. И почувствовал, что Ваши стихи с невероятной точностью отражают и мои переживания. Так Ваша поэзия, поэзия Сергея Есенина, вошла в мою жизнь, навсегда став частью и моей судьбы.

Будучи человеком простым и не очень образованным, я не пытаюсь в очередной раз исследовать Ваше творчество. Ведь чтобы понимать Вашу поэзию не нужно

высшего литературного образования, а нужно иметь открытое чужим радостям и горестям сердце.

И я надеюсь, что мои мысли, возникшие при чтении Ваших стихов, воспоминаний о Вас, литературных статей о Вашем творчестве, Вашей переписки, помогут лучше понять таким же простым людям, как и я, причины трагедии великого русского поэта Сергея Есенина.

Для меня самым важным является личное восприятие литературных произведений, поэтому я никогда не читал заранее статьи с научно-литературным анализом Вашего творчества. Конечно же, это вовсе не пренебрежение другим мнением. Мне всегда важно узнать — ошибаюсь я или нет в своем восприятии Вашей поэзии. Вот и сопоставляю свое мнение с выводами того или иного литературоведа. Чужая точка зрения иногда преждевременно сбивает фокус собственного видения и мнения о прочитанном стихотворении. Читая Ваши стихи, я узнавал Вас. Узнавал о Вашем отношении к жизни. О женщинах, которых Вы любили, о женщинах, которых Вы не любили. О трепетном отношении к «братьям нашим меньшим». О том, как Вы приняли бурные революционные перемены в России. Особенно меня заинтересовало отношение к Вашей поэзии литературной аристократии Серебряного века. И я понял, что настрой литературной богемы и был причиной Ваших срывов «знаменитого скандалиста», когда Вы начинали «во всем дурака валять».

Потрясли меня и подробности Вашей трагической смерти. Я с болью понял, что она стала закономерным финалом десяти лет напряженного творчества, на фоне безоглядной, разгульной, мятущейся жизни.

Читая о Вас, я всегда представлял, что нахожусь рядом с Вами, испытывая при этом боль от чудовищных событий и срывов в Вашей судьбе. А с Вашими стихами впивывал любовь к широте русских полей, к мудрости роц и дубрав, к чистоте и звучанию среднерусских рек.

*И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.*

И я как будто вместе с Вами впервые приехал в Петроград. И присутствовал на Вашей первой встрече с литературной элитой на одном из «воскресений» Зинаиды Гиппиус. Она не знала, «кто привел Есенина, может быть, его просто прислал Блок (он часто это делал). Во всяком случае, это было очень скоро после первого въезда Есенина в роковой для него Петербург: через день-два, не больше».

Зинаида Николаевна забыла число того дня. А впервые Вы посетили ее салон в воскресенье 15 марта 1915 года, в Петроград же приехали 9 марта. Но все-таки Вы оставили в ее памяти след, хотя между вами навсегда осталась пропасть, которую они с Дмитрием Мережковским поставили между собой и поэтом «от земли».

Вот каким «деревенским мужичком» она запомнила Вас. «Ему лет 18. Крепкий, среднего роста. Сидит за стаканом чая немножко по-мужицки, сутулясь: лицо обыкновенное, скорее, приятное; низколобый, нос с «пипочкой», а монгольские глаза чуть косят. Волосы светлые, подстрижены по-деревенски, да и одет он еще в свой дорожный костюм: синяя косоворотка, не пиджак — а «спинжак», высокие сапоги».

Я понимаю Ваше тревожное состояние в тот день. Перешагнув порог заветного для Вас дома маститых литераторов, Вы думали, что своими стихами покорите Петроград. Но в литературных салонах столицы Ваши стихи воспринимались, как лубочные картинки деревенских улиц с избами, крытыми соломой. От Ваших стихов литературной богеме Петербурга чудился запах прокисшего кваса, «драчен» и навоза.

*Пахнет рыхлыми драченами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.*

Видя скучающие лица, Вы свели свое чтение стихов к распеванию во весь голос деревенских охальных частушек. «И надо сказать — это было хорошо. Удивительно шли — и распевность, и подчас нелепые, а то и нелепоохальные слова — к этому парню в «спинжаке», что стоял перед нами, в углу, под целой стеной книг в темных переплетах. Книжки-то, положим, остались ему и частушкам — чужими; но частушки, со своей какой-то и безмерной — и короткой, грубой удалью, и орущий их парень в кубовой рубахе, решительно слились в одно».

Но напрасно Зинаида Николаевна думала, что Ваши частушки — это и есть Сергей Есенин. Да и в Вашей удали она почему-то разглядела только бессилие. Тогда уже Вы поняли, что трудно будет доказать свою принадлежность к литературе русской. Но года через три, смеясь, рассказывали об этой встрече Анатолию Мариенгофу. «...Шибко у нас дурачков любят... Каждому надо доставить свое удовольствие. Знаешь, как я на Парнас восходил? Тут, брат, дело надо вести хитро. Пусть, думаю, каждый считает: я его в русскую литературу ввел. Им приятно, а мне наплевать. Городецкий ввел? Ввел. Сологуб с Чеботаревской ввели? Ввели. Одним словом и Мережковский с Гиппиусихой, и Блок, и Рюрик Ивнев... ...знаешь, и сапог-то я никогда в жизни таких рыжих не носил, и поддевки такой задрипанной, в какой перед ними предстал».

Я понимаю, что для Вас скоморошный вид, в котором Вы появились перед петроградской богемой, ничего не значил. Важным для Вас было завоевать Парнас, чтобы почувствовать свою причастность к великой русской поэзии. Тогда-то обострившиеся в Вашем характере излишняя ранимость и мнительность стали не лучшими спутниками всей оставшейся жизни. Они-то и привели Вас к одному из роковых состояний души. И Вы почувствовали свое одиночество, одиночество в толпе людей. Здесь я позволю себе привести воспоминание А. К. Вронского. Правда, этот случай произошел значительно позднее Вашего появления в Петрограде. Это произошло через восемь лет после Вашего «входа» в салон Зинаиды Гиппиус.

«На Загородной даче, опившийся, он сначала долго скандалил и ругался. Его удалили в отдельную комнату. Я вошел и увидел: он сидел на кровати и рыдал. Все лицо было залито слезами. Он комкал мокрый платок.

— У меня ничего не осталось. Мне страшно. Нет ни друзей, ни близких. Я никого и ничего не люблю, остались одни лишь стихи».

А в 1915 году, встретившись с литературной аристократией Петрограда, Вы — деревенский парень — поняли, что без адского труда невозможно будет приблизиться к поэтическому Парнасу России. И началось десятилетие беспрестанного поэтического напряженного труда. На износ. И если бы только поэтического труда...

Ведь что греха таить? Не приняла Вас поэтическая аристократия. И, поняв это, и возненавидев ее, решили Вы доказать, что все равно будете впереди!

И темнели Ваши синие глаза, когда вспоминались петербургские дни пятнадцатого года. Наливались глаза Ваши обидой и веселой злостью. «Таскали меня недели три по салонам — похабные частушки распевать под тальянку. Для виду спервоначалу стишки попросят. Прочту два-три — в кулак прячут позевотину, а вот похабщину хоть всю ночь зажаривай... Ух, и ненавижу я всех этих Сологубов с Гиппиусихами!».

До конца жизни Вы не простили им первый частушечный балаган. Ведь Ваш поэтический дар был основан и на очень высокой самооценке. Она-то и сослужила Вам

плохую службу, когда Вы почувствовали, что Вас не понимает, а потому и не принимает аристократия русской литературы. И Вы начинали буйствовать, метаться и пьянствовать. При этом громогласно провозглашая:

*Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей,—
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.*

Вот и напророчили случившееся через семь лет...

Ваша встреча с Ильей Ефимовичем Репиным тоже не была для Вас полезной. К нему Вы пришли, как и к Зинаиде Гиппиус, не в костюме. Внешность Ваша «...была несколько театральная, балетная крестьянская косоворотка, с частым пастушьим гребнем на кушаке, бархатные шаровары при тонких шевровых сапожках. Сходство Есенина с кустарной игрушкой произвело на присутствующих неуместно-маскарадное впечатление, и после чтения стихов аплодисментов не последовало.

...Гости Репина в большинстве остались холодны, и сам хозяин дома не выразил большого удовольствия: — Бог его знает,— сказал Репин суховато,— может быть, и хорошо, но я чего-то не усвоил: сложно, молодой человек!» В воспоминаниях не написано о стихах, которые Вы ему читали, но мне почему-то кажется, что звучали вот эти строки:

*Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.
Хотя может быть, и вот это:
Стухнут звезды, стухнет месяц,
Стихнет песня соловья,
В чернобылье перелесиц
С кистенем засяду я.*

Кондовые устои российской, в большинстве своем дворянской, литературы ревниво охранялись образованной знатью. Слов, сказанных И. А. Буниным, Вы уже не услышали, поэтому позволю себе небольшие свободные комментарии после них.

«Второе тысячелетие идет нашей культуре. Был у нас Киев, Новгород, Псков, Москва, Петербург, было изумительное зодчество и иконописное искусство, было «Слово о Полку Игореве», был Петр Первый и Александр Второй, мы на весь свет прославились нашей музыкой, литературой, в которой был Ломоносов, Державин, Кольцов, Пушкин, Толстой... Но нет, нам еще мало, все не то, не то! Нам еще подавай «самородков», вшивых русских кудрей и дикарских рыданий от нежности. Это ли не сумасшествие, это ли не последнее непотребство по отношению к самому себе? Вот в Москве было нанесено тягчайшее оскорбление памяти Пушкина (вокруг его памятника обнесли тело Есенина, то есть оскорбление всей русской культуре). А как отнеслась к этому русская эмиграция? Отнеслась, как к делу должному, оскорбления никакого не усмотрела. Большинство пошло гораздо дальше: стало лить горчайшие слезы по «безвременно погибшей белой березке», в которую превратило оно Есенина, произведя этого маляра (правда, от природы весьма способного) чуть не в великого художника и убедив себя (в который уже раз?), что Есенин и есть подлинная соль русской земли, самый что ни на есть основной русский дух».

Иван Алексеевич скрепя сердце не отрицает Ваших «поэтических способностей» и сознает, что большинство русской эмиграции понимало и принимало Вашу поэзию. И только.

Но, пожалуй, самое главное в том, что Иван Алексеевич Бунин всей своей сутью ненавидел большевизм, а он знал, что Вы писали стихотворения о Ленине, о советской Руси. Этим он и отождествлял Вас с большевиками. Он не расслышал в Вашей поэзии голос русского человека, всей душой болеющего за судьбу Родины. Революция, так же как и Вы, были непонятны Ивану Алексеевичу, может от того и ненавистны.

Осмелюсь предположить, что Иван Алексеевич мог и позавидовать Вашему таланту и Вашей популярности у русских людей, как в своем отечестве, так и в эмиграции.

А ведь он так же, как и Вы, искренно любил Россию и, наверное, понял бы Вас, если бы Вы откликнулись на его слова такими стихами:

*Потому и на веки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.*

Хотя может быть, Вы ответили бы ему и по-другому:

*Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык, —
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.*

Но Иван Алексеевич так до конца своих дней не изменил собственного отношения к Вашей поэзии. И, через четверть века после трагического события в ленинградской гостинице «Англетер», он снова повторит: «...то, что вся «советская Русь» читала и пела Есенина, для меня еще не доказательство его поэтической ценности». И дальше. «Он (Есенин — авт.) вообще не стеснялся во лжи, в актерстве на каждом шагу, всячески — то воспевал Ленина, слава которого «шумит, как ветер, по краю» и новую (ленинскую) эру, которая, по словам Есенина, была «не фунт изюма вам», то рыдая через некоторое время после того, что его деревянный мир «затих и присел, и в снежную выбель испуганно заметалась звенящая жуть».

На дворе двадцать первый век. Передо мною на столе компьютер. Но я пишу Вам письмо по старинке, на бумаге. Многое я передумал, читая различные версии о Вашей гибели. Но смысл их не изменил моего отношения к Вашей поэзии. Ни злобные выкрики, ни змеиные шипения, ни состряпанные версии Вашей гибели не поколебали моей любви к Вашей поэзии.

Настроение, с которым Вы ворвались в литературную богему Петрограда, во многом определило и Вашу поэтическую стезю, и Вашу жизнь. И Вы на полном скаку понеслись дальше и дальше. Ваши душевные струны натягивались все напряженнее, звучали звонче и звонче. Жизнь закрутила и завертела, голова удалая закружилась. А тут еще и революция, в пламени которой Вы метались, не зная, «куда несет нас рок событий». Тем более что в наступившей новой жизни Вы осознанно почувствовали «эпоху умерщвления личности». Ведь это Ваши слова, написанные в конце 1920 года: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый... без славы и мечтаний. Тесно в нем жи-

вому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений».

И когда я читал пьесу «Страна негодяев», то понимал Ваше недовольство всем происходящим в стране. А проще — тем, что творили большевики. Они сами говорили об этом, не стесняясь, устами Чекистова:

*Жили весь век свой нищими
И строили храмы божии...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.*

Во всех словах, которые в пьесе произносит Номах, мне слышится Ваш голос:

*Со мною несчастья всегда.
Мне нравятся жулики и воры.*

*А я — гражданин вселенной,
Я живу, как я сам хочу!*

Я потерял равновесие...

*Все вы носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для вас ножи.
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!
Ваше равенство — обман и ложь.*

*Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.*

*Мне только осталось —
Озорничать и хулиганить...*

*Я верил, я горел,
Я шел с революцией,
Я думал, что братство не мечта и не сон,
Что все во единое море сольются,
Все сонмы народов,
И рас, и племен.*

И Ваши личные переживания, мнительность, колебания настроения, к сожалению, перемешались с неудержимым пьянством. «Осыпает мозги алкоголь» — эти слова из песни не выкинешь. И алкоголизм, как это ни горько признать — наиболее вероятная причина Вашего самоубийства. Страшно читать об этом в «Романе без вранья» А. Мариенгофа: «Когда в последнее время говорили: «Есенин пьет», слова звучали как стук костыля».

«В красном тумане особого, русского пьянства, он пишет, он орет, он женится на «знаменитой» иностранке, старой Дункан, буйствует в Париже, буйствует в Америке. Везде тот же туман и такое же буйство, с обязательным боем, — кто под руку попадет».

После расставания с Айседорой Дункан Вы уезжаете на Кавказ. Но путешествия

Вас не излечили. Ведь человек повсюду водит за собой самого себя. Вы это, конечно, поняли, почувствовав усталость и невозможность писать так же легко, как это было в прежние годы. И от напряжения стали рваться Ваши душевные струны, пропала чистота поэтического голоса. Десять лет напряженного труда с неудержимой жадной все успеть в жизни истощали поэтический дар.

И если бы только напряженный поэтический труд стал причиной психологического истощения Вашего организма. Ваша совесть беспокойна от происходящего с Россией, Вы понимали — какие еще трагические события предстоит ей пережить. Власть направила все свои силы на подчинение одаренных художников себе. Критики и редакторы «больше ценят линию поведения, чем искусство». «Душу не заковать и глотку не заткнуть» — вот основной лозунг Вашей поэзии того времени. Все попытки приручить Вас оканчивались неудачами.

Наверно, в первую очередь, в трагичности судьбы Поэта и кроется секрет притягательности Вашей поэзии. Поэзии боли и неудовлетворенности, которые выдавали Ваши чувства навзрыд. Они не молчат, а испытывают мучения. Сердце Ваше обливается кровью от несправедливости, от боли за судьбу России. Ваша Поэзия проникает в самую суть и глубину жизни — в душу читателя, она требует справедливости, ищет выход из дебрей злобы и отчаяния, взывает о любви к человеку.

Наверно, поэтому Ваша поэзия вызывала и другие чувства, становилась объектом споров и безжалостной критики. Всего лишь несколько высказываний знаменитых людей приведу я, чтобы проиллюстрировать сказанное. Конечно, каждый имеет право на ошибку в своих суждениях, но жизнь всегда распоряжается по-своему. И она, и только она — серьезный и беспристрастный оценщик наших дел и поступков.

«У Есенина много плохих стихов и почти нет совершенных. Но (если исключить фальшивую и ненастоящую «Инонию» и примыкающий к ней цикл) во всех его стихах есть особое очарование, какая-то особая трогательность, которая так влечет к нему и заставляет так человечески его любить. Кроме той тоски, за которую русский человек все прощает, в Есенине был еще какой-то огромный запас человеческой нежности. Все помнят его Жеребенка и его Собаку. Это не «стихийные», не «настоящие», а совершенно очеловеченные животные. Ни у одного русского поэта я не знал таких трогательных человеческих стихов».

Эти слова принадлежат Д. П. Святополк-Мирскому, автору «Истории русской литературы», изданной в 1927 году. На Ваше творчество он обратил внимание в начале двадцатых годов. Серьезно исследуя Ваши стихи с точки зрения литературоведа, Дмитрий Петрович сострадает поэту и понимает поэзию. Он, как никто другой в то время, объяснил всего в нескольких словах причину народной любви к Вашим стихам. И я чувствую истину и правильность его суждения: «Любовь к Есенину замешана на жалости и сострадании, на полном понимании и сочувствии. Его любят нежней и ласковей, более по-человечески, чем обыкновенно любят поэтов, — слишком божественных для человеческого к ним отношения». И еще: «Не любить Есенина для русского читателя теперь — признак или слепоты, или, если он зряч, — какой-то, несомненно, моральной дефективности».

Мне остается лишь согласиться с этим признанием — Вы наш, обыкновенный человек. Поэт, взявший на себя тоску своего поколения.

А вот и «знаменитые» злые слова. «...Есенинский стих звучит нередко, как серебряный ручей. И все-таки в целом есенинщина — это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из «кобелей», икон, «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и «трагической» пьяной икоты; религии и хулиганства, «любви» к животным и

варварского отношения к человеку, в особенности к женщине; бессильных потуг на «широкий размах» (в очень узких четырех стенах ординарного кабака), распушенности, поднятой до «принципиальной» высоты, и т.д.; все это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма — вот что такое есенинщина».

Свой фельетон «Злые заметки» Н. И. Бухарин опубликовал в январе 1927 года, затем несколько раз переиздавал в различных журналах. Разве может здравомыслящий человек согласиться с теми убийственными характеристиками, которые Н. И. Бухарин повесил на Вас и Вашу поэзию? Для меня читать это и больно, и непонятно. Начатая им борьба с «есенинщиной» привела к тому, что в течение тридцати лет Ваши стихи и литература о Вас почти не издавались.

«Поэт тогда говорил: «Искусство вдохновляет жизнь, оно не может раствориться в жизни». Конечно, он, Есенин, писал похабные стихи на стенах Страстного монастыря, но это — озорство, а не программа». Сказавший эти слова советский писатель И. Г. Эренбург, несмотря на ваши с ним различные воззрения на исторические судьбы Руси и революции, объективен в оценке Вашего творчества. Илья Григорьевич понимал, что Вы захлебнулись в разгуле, раздоре, любви и горе. Что Ваша поэзия — это не быт деревни и даже не Россия, а «любовь и Глагол». И считал он Вас настоящим Поэтом:

*Засосал меня песенный плен,
Обречен я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.*

Жизнь определила значение Вашей поэзии всего-то двумя словами — любовь народная! Конечно, мое мнение не оригинально, оно всего лишь отражает воззрение миллионов людей в России и за ее пределами. Ведь Ваши стихи переведены на более чем сто иностранных языков.

Я не сентиментален, но сейчас наворачиваются слезы, и грусть обволакивает, как тяжелый сырой туман, когда я читаю о последних днях Вашей жизни. Скорее всего, решение пришло к Вам не вдруг, и Вы окончательно увидели для себя последний выход из состояния, к которому привела напряженная творческая жизнь. Невозможным оказалось длительное существование в обществе людей для поэта с обнаженным сердцем, с ранимо-тонкой душой. Ведь еще задолго до этого писали Вы в одном из писем Николаю Клюеву: «Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать все, чем мыслю и отчего болею».

«— К кому? — К Есенину. Дежурный врач выписывает мне пропуск. Поднимаюсь по молчаливой, выстланной коврами лестнице. Большая комната. Стены окрашены мягкой, теплой краской. С потолка светится синенький глазок электрической лампочки. Есенин сидит на кровати, обхватив колени... Узкая кровать с серым одеяльцем. Теплые стены. И почти спокойные брови, рот. Есенин говорит: — Мне здесь хорошо... только немного раздражает, что день и ночь горит синенькая лампочка... знаешь, заворачиваюсь по уши в одеяло... лезу головой под подушку... и еще — не позволяют закрывать дверь... все боятся. Что покончу самоубийством».

«Потом писали, что в санатории Есенин поправился и чувствовал себя хорошо. Не верю! Нужно быть нечутким, чтобы не видеть того трагического надлома, который сквозил в каждом жесте Сергея. Нет, санаторий не принес ему большой пользы! И это подтвердилось через несколько дней.

Ко мне пришел домой врач А. Я. Аронсон. Он был взволнован, озабочен, но говорил, осторожно подбирая слова. За эти дни он обошел все места, где, по мнению родст-

венников, друзей и знакомых Есенина, мог он находиться... Есенин ушел из санатория клиники самовольно, а это может привести к большой беде. Я спросил, чем, собственно, болен Сергей. Доктор объяснил: что профессор Ганнушкин поставил точный, проверенный на больном диагноз: Есенин страдает ярко выраженной меланхолией.

Впоследствии я узнал, что в переводе с греческого это слово значит — «черная желчь», которой древнегреческие врачи объясняли возникновение этой болезни. Меланхолия — психическое расстройство, которому сопутствует постоянное тоскливое настроение. Поэтому любые размышления больного протекают как бы окрашенными в черный цвет. (Может, отсюда и появление «Черного человека»? авт.) Очень часто появляются бредовые идеи, особенно касающиеся самообвинения в поступках, о которых другой человек и не вспоминает. Но самое опасное это то, что меланхоликов типа Есенина мучает навязчивая мысль о самоубийстве. Естественно, все это усиливается во время одиночества».

А одиночество было постоянным спутником на протяжении всей Вашей жизни. Вот и опутали Вас приходящие на ум разные-разные уничтожающие душу мысли.

Сейчас мне вспомнились Ваши строки, которые в далекие двадцатые годы были написаны желтой краской на стене кафе «Стойло Пегаса» в Москве.

Стена была выкрашена ультрамариновой краской, а по ней художником набросаны портреты имажинистов. Между двух зеркал контуром выведено Ваше лицо с золотистым пухом волос, а под ним стихи:

*Срежет мудрый садовник осень
Головы моей желтый лист.*

Несозвучность Вашей поэзии с советской жизнью, утвердившейся большевиками после революции, породили в наши дни целую череду разбирательств и публикаций с различными версиями о причинах Вашей смерти. Я сразу оговорюсь, что придерживаюсь официально озвученной причины Вашего ухода из жизни. Но не отмахиваюсь в силу своего воспитания от доводов сторонников и другой версии — причастности к этому событию ОГПУ. Хотя доводы в основном основываются на суждениях о некачественном оформлении милицейских документов. Подробно разбирается и анализируется: непрофессионализм милиционера, оформившего акт о случившемся; недостаточный сбор сведений от свидетелей; упущения при фотографировании; отсутствие доктора при осмотре места происшествия.

Всегда делается упор на то, что Вас постоянно окружали друзья-чекисты. Подтверждает это и Николай Авдиевич Оцуп — поэт и прозаик, до 1922 года живший в России.

«Сам Есенин, красный от вина и вдохновения, кричит с эстрады:

*Даже Богу я выцплю бороду
Оскалом своих зубов.*

В публике слышен ропот. Кто-то свистит. Есенин сжимает кулаки.

— Кто посмел? В морду, морду разобью.

— Читай, Сережа, не обращай внимания.

Есенин не унимается. В публику протискивается молодой человек из свиты Есенина. Все знают, что он — чекист.

— Эй, вы, — кричит он звонким голосом, — если кто посмеет еще раз пикнуть...

Чекист не договаривает своей угрозы, да этого и не нужно — воцаряется молчание: Есенин продолжает читать...

...мой спутник... наклоняется к уху нашего провожатого эстета-москвича:
— Неужели никто не может удержать его от пьянства и от всего этого... Ведь он погибнет.

Москвич улыбаясь, отвечает:

— Бросьте, сойдет, гениальному Сереже ничто не повредит.

Я слышал уже не раз этот классический ответ, ставший роковым для Есенина».

А дальше Н. А. Оцуп вспоминает, что через некоторое время встретил Вас в том же кафе, Вы были «трезвы, просты, скромны и тихи».

А у меня тут же возникла мысль об очередной роли участия ОГПУ в Вашей судьбе. Может, чекисты специально окружали Вас всюду, чтобы постепенно спаивать неугодного власти поэта?

Все гипотезы и предположения разъединили есениноведов на сторонников и противников версии о Вашей насильственной смерти. Но факт умышленного убийства пока не доказан. Таков официальный ответ Генеральной прокуратуры России, которая «подтвердила обоснованность постановления народного следователя 2-го отделения милиции г. Ленинграда от 23 января 1926 года о прекращении производства дознания о причине смерти за отсутствием состава преступления». Несомненно, одно — что момент истины в любой истории может наступить только при участии живых свидетелей события, коих, к сожалению, уже никогда не будет, что и приводит к рождению только запутанных версий.

Но какой бы версии драмы, произошедшей с Вами в декабре 1925 года, ни придерживались те или иные сторонники, объединяет нас самое главное — Любовь к Вашим стихам, которые, как свет негасимой звезды, вот уже более ста лет овладевают нашими душами.

Именно поэтому на моей книжной полке стоит двухтомник Ваших избранных сочинений и еще с десяток книг, рассказывающих о судьбе и поэзии Сергея Есенина.

В одной из книг приведен такой интересный разговор, состоявшийся на московской улице:

«Есенин заводит с извозчиком литературный разговор:

— А скажи, дяденька, кого ты знаешь из поэтов?

— Пушкина.

— Это, дяденька, мертвый. А вот кого из живых знаешь?

— Из живых нема, барин. Мы живых не знаем. Мы только чугунных».

Вот она, судьба поэтов в тогдашней России. В общем-то, мало что изменилось и сейчас. Поэты есть, и замечательные. Только очень жаль, что нынешнее время таково, что читателей и любителей поэзии с каждым годом становится все меньше и меньше.

А я счастлив тем, что принадлежу к тем людям, для которых Ваше имя и Ваша поэзия являются частью жизни. Читаю и наслаждаюсь каждой строкой Вашего творчества. И с благодарностью повторяю слова Д. П. Святополк-Мирского о том, что «место стихов Есенина с самыми лучшими, самыми чистыми, самыми незабвенными стихами русских поэтов».

Ваши стихи и сегодня не потеряли своей новизны и актуальности. Читаю и представляю Ваше возвращение в нынешнюю российскую деревню, к сегодняшним заброшенным избам, к заросшим бурьяном полям. Вы и сейчас бы, предчувствуя гибель «золотых бревенчатых изб», написали бы одно из лучших своих стихотворений:

*Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая*

*Не вольет мне в грудь мою теплынь.
Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живет на Руси?
Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.
И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.
По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.
Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!*

Сергей Александрович, я не знаю, как Вы отнесетесь к моим признаниям, к моему немного сумбурному, но, поверьте, искреннему письму. Ведь письма — это живое общение между людьми. И пусть я знаю, что мой адресат давно покинул нашу грешную землю, я обращаюсь к Вам, как к живому человеку. Ведь я ощущаю, как энергия Ваших стихов, продолжающих свою жизнь, оживляет и Ваше присутствие рядом со мной. Вина моя перед Вами лишь в том, что я еще раз потревожил Ваш покой, Вашу вечную жизнь, которая, я уверен, длится в сияющем ореоле Божьей истины за пределами нашего земного бытия. За это прошу извинить и строго не судить меня.

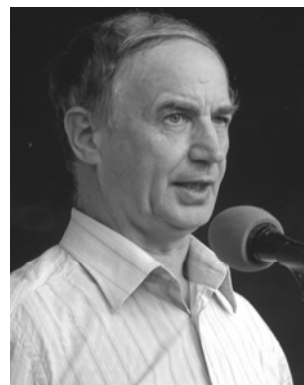
Ваш благодарный читатель Сергей Лебедев.



Валерий Савостьянов
(г. Тула)

**МЕДУНИЦА
В ТОМИКЕ ЕСЕНИНА**

Наш постоянный автор



ПОДАРОК

Может, просто ты была рассеянна,
Может, разлюбив — не отвечай! —
Мой подарок в томике Есенина
Возвратила вдруг и невзначай.

Мы расстались,
Ты другого выбрала,
И была другому ты мила...
Но однажды медуница выпала
И легла на зеркало стола.

И рукою, вздрогнувшей и робкою,
Я к цветку притронуться боюсь —
Будто, отраженный полировкой,
Как и он, внезапно раздвоюсь.

И опять с тобою рука об руку
В царство фей, берез и медуниц
Мы пойдем, беспечные,
По облаку
Песенных есенинских страниц.

И опять — все кончится:
Рассеянна,
Не сказав последнего «Прощай!»,
Медуницу в томике Есенина
Возвратишь ты —
Вдруг и невзначай...

НЕЗАБУДКА

Незабудка ты моя, незабудка,
Голубая меж зеленой травы, —
Отчего теперь мне кажется, будто
Не сносить мне удалой головы?

Оттого ли, что не сбился я с ритма —
Это силушка меня волокла —
И коса моя, беспечная бритва,
Ясноглазую тебя подсекла.

И почудилось, когда ты упала
Под жестокий солнцепек на траву,
Что — судьба, ты
и мы — чудная пара,
Что, коль нет тебя, — и я не живу!

Неужели никогда не воскреснем —
Быть счастливыми, друг другом дыша?..
Словно луг пустой, все кажется пресным
Без тебя, моя родная душа.

ЛАЙ

Видно, впрямь ты что-то знаешь,
Что-то чувствуешь за тьмой,
Если лаешь, лаешь, лаешь,
Верный пес мой, Шарик мой.

Кость любимую не гложешь,
Сам не спишь и нам уснуть
Не даешь. Сказать не можешь,—
Выйду — тянешься лизнуть.

Вор ли, недруг у забора
Часа ждет, что попоздней?
Но для недруга и вора
Лай и жестче, и грозней.

А в твоём тоска такая!
Будто близкий умер кто.
Лаешь, лаешь, намекая
Ты на что-то. А на что?

Что такое там, за мраком,
За туманами, во мгле,
Что известно лишь собакам,
Вам единым на земле?..

У ВОДОПОЯ

Минуя скирды, луг и поле
И отыскав знакомый брод,
Коровье стадо к водопою
Спускается
И воду пьет.

Пьет с наслаждением, как не пило
Досель, наверно, никогда —
Был жаркий день,
И пыль слепила,
И докучали овода.

И надоедливые мухи
Жужжали в ярости слепой.
За все страдания,
За муки —
Прохладный чистый водопой!

Как хорошо,
Что кнут отбросил
Пастух, уставший торопить,
Что скоро ночь,
Что скоро осень,
Что долго-долго можно пить...

ЗАМЕЛО ДЕРЕВНЮ

Замело деревню: избы, риги,
Света нет — лишь светлячок свечи.
Вынимала бабушка ковриги,
Круглые, большие, из печи.
Протирала тряпочкою влажной,
Ставила на стол их остывать.
И сидел я, внук любимый,
Важный,
Ждущий: ну когда же пировать.
Обрядили бабушку в обновы
Смертные,
Отпел ее собор —
И такого вкусного, ржаного
Не едал я хлебушка с тех пор...

Замело поселок —
Лишь церквушки
Светятся высокие кресты.
Пироги румяные и плюшки
Вынимала мама из плиты.
Смазывала маслица кусочком,
Ставила на стол их остывать.
И сидел я дорогим сыночком,
Ждущим: ну когда же пировать.
Обрядили мать.
Душа — как пустынь,
Где спяна куражился вандал.
Пирожков тех с рисом и капустой
Я уже, конечно, не едал...

Замело Заречье и Зарядье:
Город весь — как в праздничной парче!
Вынимает милая оладьи
Из печи волшебной СВЧ.
И хоть я с утра еще не евши,
Подожду, пока им остывать,
Посижу я мужем постаревшим,
Вспоминая бабушку и мать.
И жене скажу:
«Небесной манны —
Вкус твоих оладий и блинов!»
Учит жизнь без бабушки, без мамы —
И боюсь я траурных обнов...

АХ ТЫ, ЛИПА МОЯ

Ах ты, липа моя, где ты родилась:
В этом городе — нет крон, одни стволы!
Наизусть ты знаешь — слышала не раз —
Щелк секатора и реквием пилы.

Ах ты, липа моя, страшные культы —
Это жалкие обрубки твоих грез!
Но в июне — снова будешь ты цвести:
Пчелы кружат — жаждут меда, а не слез.

Ах ты, липа, я такой же: я и сам
Ранен городом на стыке всех дорог,
Где никто не гладит нас по волосам,
Бьют нещадно — да я память уберег!

И я помню даль родимого села,
Земляков, не подрезавших дерева.
Я ушел бы...
Да знакомая пчела
Собирает мои грешные слова.

Лишь она меня не бьет по голове,
Лишь она — едва касается волос,
Говоря, что в Богом проклятой Москве —
Я один такой остался медонос!
Что стихов моих — излечивает мед!..

Но, смешная, чтобы я не убежал,
Маникюрный свой наборчик достает:
Дескать, вот он —
Жала мстительный «кинжал»!



Людмила Авдеева
(г. Москва)

ПОЭТ, СУДЬБА, РОССИЯ
(из цикла стихов к 120-летию С. А. Есенина)



Наш постоянный автор

ЕСЕНИНСКИЕ ДАЛИ

Церковным, колокольным перезвоном
Его рождение встретила земля.
И вспыхнула на небе бирюзовом
Есенинская яркая заря.

Он голос свой вплетал в лугов раздолье,
В березовую рощу, в неба синь.
По полю проходил среди колосьев
С душою вольной из Рязани сын...
В его душе стихи рождали нежность.
Не оборвать с родной природой нить.
Так дай же Бог всех чувств его безбрежность
Понять, постичь и в сердце сохранить.

ДОМ ЕСЕНИНЫХ

Над Окой лазоревые зори.
У Оки крутые берега.
Возле речки средь берез веселых
Сохранилась старая изба.

Ставки резные на окошках.
Деревенский в комнатах уют.
Правда не хватает серой кошки,
Да часы неправильно идут.

Кухонька. Вдоль стенки лавка. Сени
С утварью крестьянской на полу.
Кажется, войдет сейчас Есенин,
Подойдет к иконе и к столу.

Заскрипят, завеселятся перья.
Строчки на бумагу лягут в ряд.

Сколько грусти, веры и доверья
Белые листочки сохранят.

И стихи ручьем польются нежным
О полях раздольных здесь, в глуши,
Станут удивительною песней,
Частью его раненой души.

Но пустует в ожиданье место,
Где любил сидеть он у окна.
И напрасно ждет его приезда
Старая отцовская изба.

Не придет. Но в небе над Рязанью,
И по всей по матушке Руси
Голосом Сергея тихой ранью
Распевают песни соловьи.

ПОРТРЕТ ЕСЕНИНА

Тридцать лет и возраст неизменен!
Время не воротится назад.
На стене портрет. Сергей Есенин.
Волосы ржанные. Синий взгляд.
На устах печальная улыбка.
Кажется, прощается навек
С белою березою в косынке
Желтых листьев. Ветра дерзкий смех
Слышит он под сенью небосвода.
Мудростью таинственной полна
Тихая рязанская природа,
Каждая Есенина строка.

РОДСТВО ДУШИ

Когда я слышу песню под тальянку,
То сердце бьется в радости быстрее,
И, кажется, стучится спозаранку
В мое окно проснувшийся Сергей.

Копна волос на солнце золотится,
В глазах синее неба васильки.
Рушник попросит и воды напиться
И прочитает новые стихи.

Нас породнила осень золотая.
Октябрь встречал и солнцем, и дождем.
А в небесах летела птичья стая
В далекий край, оставив отчий дом.

Яков Шафран
(г. Тула)

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ



Член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша» (2013 г.).

Что гядишь тоскливо и устало,
Что печалишь синие глаза?
Знать душа твоя затосковала
О краях, где тишь и бирюза.

Где уже не зашумит тревожно
Молодая рощица весной,
Где не дрогнет в небе осторожно
Солнца луч вечернею зарей.

И лишь сердце жалостью зайдется —
Нелегко оставить навсегда
Эту иву, что над речкой гнется,
Эту розовую гладь пруда,

Это золото лесов осенних,
Где так тихо шепчет листопад,
Все, что ты любил, Сергей Есенин,
И любить поныне был бы рад.

Не уйти... Закутавшись тоскою
Остается только вспоминать
Этой мгlistою туманною порою
О весне, которой не бывать.

И глядишь тоскливо и устало,
И печалишь синие глаза,
Знать, душа твоя затосковала
По краям, где тишь и бирюза.



Галина Лялина

(г. Донской, Тульская область)



Лялина Галина Николаевна, родилась 10 мая 1950 года в г. Донском Тульской области. Образование среднее медицинское. По специальности — медицинская сестра. Проработала по этой специальности более 30 лет. Длительное время жила с мужем на Урале, в Пермской области, где родились двое детей. В 1990 году возвратилась с семьей на малую родину, в город Донской, где проживает в настоящее время.

Стихи начала писать с 2000 года. С 2001 года состоит в Новомосковском литературном объединении (НЛО). С 2013 — член клуба Московский Парнас. Член Академии Российской литературы. Печатается во многих альманахах и журналах Москвы, Твери, Тулы и Тульской области. Лауреат Тульской областной литературной премии им. Ярослава Смелякова. Постоянный автор «Приокских зорь».

ОН ЖИВЕТ В ПОЭТИЧЕСКИХ СТРОЧКАХ

На Рязанской земле был Есенин рожден,
Где чиста и красива природа.
Достоверно известно, что выходец он
Из села. Из простого народа.
Он вдыхал запах русских лесов и полей,
Многоцветье лугов медоносных
И с восторгом внимал, когда пел соловей
И купался рассвет в травах росных.
Он любил бесконечную светлую даль
Необъятных рязанских просторов
И в душе ощущал то восторг и печаль,
То усталость в осеннюю пору.
Чтоб из сердца изгнать неумную грусть,
Шел неспешно в лесную прохладу
И читал там березкам стихи наизусть,
Наполняясь душевной отрадой.
Воспевая природу, легко понимал
Шорох трав, ветерка дуновенье...
Как невесту, березку в лесу обнимал
И черпал в этот миг вдохновенье.
Гладил ветки и белый в зарубинках ствол,
Говорил о любви лунной ночью...

Молодым наш Есенин из жизни ушел,
Но живет в поэтических строчках.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Есенинские строчки о природе
Для каждого доступны и легки.
В них белые березки хороводят,
И стелются туманы у реки.
Стихи его душевны и правдивы,
Ни пафоса, ни выдумки в них нет.
В них синь-река полощет ветку ивы,
А над рекой — лазоревый рассвет.
Широкое рязанское раздолье
Есенин вспоминал в чужом краю.
Святой Руси с сыновнею любовью
Он посвящал поэзию свою.
Порой, когда в стихах исповедальных
О ней ронял он грустные слова,
Всю эту грусть смывал родник хрустальный,
Давая знать, что Русь вовек жива.
Душа Руси, воистину, нетленна,
Все это знал и чувствовал поэт.
Предвидел он, что в час благословенный
Над ней прольется негасимый свет.

РЯЗАНСКИЕ БЕРЕЗКИ

Березки рязанские помнят Есенина
И осенью поздней тоскуют о нем.
А ранней весной зашумят по-весеннему,
Стремятся ветвями в небес окоем.
Смирившись с судьбой и ее неизбежностью,
Поднявшись вдоль берега на косогор,
Зашепчутся тайно, с особою нежностью,
О друге-поэте ведя разговор.
Зашепчутся с грустью о нем, с вздыханием,
Листовою слегка задрожав на ветру.
Поэт, как к невестам, к ним шел на свидание,
Дарил лунный гребень и гладил кору.
Родную природу села Константинова
Есенин любовно в стихах воспевал.
К березкам спешил на рассвете малиновом,
За тонкую талию их обнимал.

ЕСЕНИНУ

Звенит строка поэта мелодично.
Моя душа, откликнувшись в ответ,
Взметнулась ввысь над полюшком пшеничным

В лазорево струящийся рассвет.
И в этот самый час весенней рани,
Как наяву, увидела окрест
В прозрачном бело-розовом тумане
Всю ширь и красоту рязанских мест.
И Константиново, и ряд других селений
Под шелковистой неба синевой.
А по тропинке шел Сергей Есенин
С кудрявой непокрытой головой.



Любовь Самойленко
(г. Донской Тульской области)

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ



Член Российского межрегионального союза писателей, тульского литературного объединения «ПЕГАС». Автор 12 сборников стихотворений. За вклад в русскую словесность награждена дипломом за верное служение отечественной литературе. Орденом знаком «Екатерина Великая», памятной медалью «А. П. Чехов» и медалью «Ф. М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость».

* * *

Он был простым,
простым российским парнем.
Любил бродить рязанскою тропой.
И утром, открывая солнцу ставни,
Кивать рассвету светлой головой.

Любил природу,
чувствовал всем сердцем.
Писал в стихах так трепетно о ней.
Его души не закрывалась дверца,
Неслись и строки — выше и сильнее.

Так много на Руси поэтов славных,
Свой край, как он, никто воспеть не мог.
В его стихах и хмель, и конь буланый,
И манящий к себе июльский стог.

Он был простым,
простым российским парнем.
Любил бродить рязанскою тропой.
И утром, открывая солнцу ставни,
Кивать рассвету светлой головой.

ЕСЕНИНСКОЙ ТРОПОЙ...

Бреду Есенинской тропой,
Шуршат сентябрьские листья.
Не понимаю, что со мной,
В вальсе хочется кружиться.

Здесь возрастал большой поэт —
Художник трепетного слова.
Постиг в свои он двадцать лет
Строки высокие основы.

О, краски осени! И мне
Они дороже с каждым годом,
Но здесь, в рязанской стороне,
Иная синь от небосвода.

Любуюсь, радуюсь, дивлюсь.
И в восхищенье льются строки.
Моя издерганная Русь,
Как дороги твои истоки!

* * *

*«Вы помните, Вы все, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене,
Взволнованно ходили Вы по комнате
И что-то резкое в лицо бросали мне»*

С. Есенин

Поверьте, помню! Но забыть стараюсь.
Мне очень больно, что не вместе мы.
Я до сих пор от нежности сгораю.
Читая стих, Вас вижу у стены.

Не понимала Вас. Не разделяла
Я Ваших взглядов, Вашей маяты.
Вуалью новой шляпки прикрывалась,
В саду срывая яркие цветы.

Я не одна. С серьезным умным мужем.
Но вспоминаю часто с Вами час.
А Вы не знали! Круг общенья сужен.
Вам не понять, как я любила Вас!

ЕСЕНИНСКИЙ ПРОСТОР...

В своих стихах не проставлял он даты,
Когда слагал, когда дерзала мысль.
Из глубины простой рязанской хаты
Стихи с пера, как песня, полились.

Наполненный и русским колоритом
Родной земли, ее дубрав и гор
Раскинулся зеленым монолитом,
Непознанный — есенинский — простор.

Здесь встретишь ты и рощу золотую,
Рябин кусты и избы деревень.
И песню с бубенцами удалую,
И рыжую крапиву, и плетень...

.....
Для меня стал милей и дороже —
Этот парень, веселый такой.
В этом мире он только прохожий —
С удивительной русской строкой.

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН — ЕСЕНИН

Крестьянский сын — Есенин
Доступно так и просто,
Вписал в строку и сени,
И васильковый остров.

И белую березу,
И алый свет зари...
Тоски щемящей слезы.
И бор, где глухари.

Поэт с укладом русским
Он славил куст багряный.
Бродил тропой узкой...
И спал в снопах овсяных.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

*«У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»»*

С. Есенин

«С добрым утром!»
Мне шептало лето,
Шаловливо ветер обдувал.
Но я помню,
как стесняясь света,
В строках ветер
рощу обнимал.

В сарафанах
стройные березки
Распустили косы на ветру.
И звенели модные сережки,
Мелодично кланяясь ему.

У плетня заросшая крапива,
У дороги раннего стиха,
Зазывала радостно, игриво,
Жгучею наивностью лиха.

* * *

«В этом мире он только прохожий»,
Но остался негаснувший свет,
Да мурашки восторга по коже.
И осеннего солнца привет.

Он ушел в мир иной, без возврата.
Унося с собой радость и грусть.
Но запомнился фразой крылатой —
И любовью к тебе, моя Русь!



Владимир Сапожников
(г. Тула)



ЕСЕНИНСКИЕ МОТИВЫ

* * *

Я так люблю снег,
Падает без помех,
И над землей кружит,
Душу мою снежит...
Чистая благодать!
Все неудачи — вспять!
Падай, лети, ложись...
Это и есть жизнь!

НАСТРОЕНИЕ

Вновь пробуждение души...
Скажите, что это такое?
И небо — звездное, немое —
Уперлось взглядом — не дыши!
Деревья гнутые стоят,
Мелькнет снежинка на мгновение,
И распростерлась лунной тенью
Моя душа, как зимний сад.
Она ветвится по земле,
То коротка и быстротечна,
То так длинна и бесконечна,
Как память прошлого во мне,
Она не слышна, словно звук
Всех чувств, нахлынувших неожиданно...
И ночь обманчива, желанна,
Как продолженье чьих-то рук.

БАБЬЕ ЛЕТО

Небо сине на рассвете,
Вечер сливками пропах,
Бабье лето, бабье лето
Узнаю в твоих глазах.
И туманом застоялся

Чистый воздух над рекой,
Как с тобою повстречался,
Потерял с тех пор покой.
Убежать — куда не знаю,
Позабыть бы — не смогу
Бабье лето, это лето
На соседнем берегу.
Не сверну с своей тропинки
И к тебе не подойду.
Только это наше лето
Где-то в сердце сберегу.

ВЕТЕР

Долго тянется ночь бесконечная эта,
Ветер в окна стучит, бесшабашный и злой.
Может, грезятся сны промелькнувшего лета,
Может быть, просто ветер не любит покой.
Просто ветер живет. Может, ветру не спится,
Не уляжется он на перине ночной.
А, быть может, луна — хороша, бледнолица,
Вдруг узнала о жизни его холостой.
Но она далеко, в небе темном плутает,
И ее не обнять даже ветру рукой...
По себе, может, ветер поминки справляет,
И поэтому нынче он пьяный такой.
И шатается он меж домами без толку,
Но не треснет стекло этих окон слепых,
Что-то шепчет себе все под нос без умолку,
И ругает судьбу, что не поняла их.
Ночь всю будет бродить и к утру лишь устанет,
Обессилев совсем, где-нибудь прикорнет...
Ну, а завтра он снова куражиться станет,
Хриплым голосом грустную песню споет...
Что-то ветер притих, зацепился за что-то,
Как упал на колени перед бледной луной,
Может, ветер погиб в сумасшедшем полете,
Не сумев совладеть с безудержной тоской?
Горько плачет луна, звезды в небе застыли.
Словно слезы из глаз, что пролила она...
Этой ночью на улице ветер убили,
И поэтому мне вот сейчас не до сна.

СОН

Застыла память, как слеза.
Все в прошлом: счастье и тревога.
Твои печальные глаза
Мне рассказали очень много.
О том, что было и ушло,

Что не случилось, не запело...
И эта тонкая ладонь
Меня коснулась вновь несмело.
И аромат любимых губ,
И бархат кожи... Как когда-то
Ты прошептала: «Милый, люб...»,
И улыбнулась виновато.

В. М.

В колодец легче плюнуть, чем напиться,
Неблагодарность — бездарей черта.
Противно даже рядом находиться,
Где восседает важно... пустота.



Владимир Корнилов
(г. Братск)

ПЕВЕЦ ТРАГИЧЕСКИЙ И НЕЖНЫЙ
Сергей Александрович Есенин (1895 — 1925)



Постоянный автор «Приокских зорь». Член Союза писателей России.



Литературное повествование, посвященное 120-летию со дня рождения Великого Русского Поэта Сергея Есенина, с использованием литературно-текстовых иллюстраций из статей известных русских писателей...

Свое повествование мне хочется начать не с громкого пафосного выступления, а с доверительных интонаций, которые бы соответствовали исповедальному творчеству поэта. И потому начнем его с автобиографии, написанной самим Сергеем Есениным.

«Родился в 1895 году, 4 октября, в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константиново.

Отец мой крестьянин Александр Никитич Есенин, мать Татьяна Федоровна.

С двух лет я был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери (Федору Андреевичу Титову), жившему в другой части села.

Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три-четыре года.

Помню лес, большая канавистая дорога. Бабушка идет в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка приговаривает: «Иди, иди, ягодка, бог счастье даст».

Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о женихе, светлом госте из града неведомого. Позже я написал об этом:

*Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись пречистому спасу.*

А пока в ту пору нянька — старуха приживальщица, которая ухаживала за мной, рассказывала мне сказки, все те сказки, которые слушают и знают все крестьянские дети.

Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и Священную историю.

У деда было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все

мое детство. Дядя мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?..» «Стерва» у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня всегда ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, его не трожь, он так будет крепче!» Бабушка любила меня из всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

Уличная же моя жизнь была непохожа на домашнюю. Сверстники были ребята озорные. С ними я лазил вместе по чужим огородам. Убегал дня на 2—3 в луга и питался вместе с пастухами рыбой, которую мы ловили в маленьких озерах... Часто ездил с дядькой на Оку поить лошадей. Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов...». (Сергей Есенин. Т. 5, М. 1968).

Когда пришла пора учиться, Сергея Есенина определили в Константиновскую земскую школу. «Там этот желтоволосый, голубоглазый мальчик, неусидчивый до школьных занятий, баловался, дрался с мальчишками и слагал первые стихи, навеянные самой природой, окружающим бытом, первыми переживаниями детства, любовью бабки и деда, не чаявших души во внуке.

*Ждут на крылечке там бабка и дед
Резвого внука подсолнечных лет...*

Уже тогда вырезалась в его душе «божья дудка». Но учитель Власов, узнав о пристрастии своего воспитанника, отрезал: «Ты, Сережа, учись. А сочинять всякие глупости — это не твое дело. Рано еще тебе...» «Да и любимый дед говаривал»:

*Года далекие, теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне с грустью говорил:
Пустое дело... Ну, а если тянет —
Пиши про рожь, но больше про кобыл.*

«Мать Сергея Есенина Татьяна Федоровна выросла в крестьянской семье: братья ее были ухватистыми — ничего из рук не выпадет — умелыми мужиками; отец (дед Сергея) слыл знаменитым лошадиником, у которого водились лучшие кони в селе и отменная дивная упряжь.

Со своим мужем, который то пропадал в Москве, то потом скучал в деревне, Татьяна Федоровна жила, как поминают, в полуразводе, — такой муж, — у коего руки не из плеч растут, а мысли витают в печальной дали, — раздражал ее. А уж дом и семья только и держались на материнском горбу. Хотя, опять же, судьбу своим чадушкам выбирала и ладила не мать, а отец, и на свой «московский» лад, и, может быть, даже поперек ее материной воли...

Отбившись от пашни еще до революции отец Сергея Есенина ушел из Констан-

тинова в стольный град Москву, где изловчился и прибил к купцу Крылову приказчиком. Но если константиновские мужики уходили из деревни в отхожий промысел, чтобы приработать денег и, вернувшись к родному подворью, купить лошадь, коровенку, инвентарь, леса на новую избу, то Александр Никитич напрочь отвернулся от земли, от хозяйства, стал «москвичом».

(Анатолий Байбородин «Душа грустит о небесах»).

Когда Сергею Есенину сравнялось 12 лет, его отдали учиться из сельской земской школы в Спас-Клепиковскую учительскую школу. Родные хотели, чтобы он стал сельским учителем...

По воспоминаниям современников, талант к стихотворству не только не помогал ему утвердиться среди сверстников, но, скорее вызывал обратную реакцию, доходящую до драк. Но зато там юный Есенин понял — за свою мечту надо бороться, даже кулаками. А мечта была уже не столько романтическая забава, сколько задача, поставленная целеустремленным молодым человеком «С ухватистой силою».

«Недаром Федор Достоевский еще в 1871 году, размышляя о литературе девятнадцатого века, в письме к Николаю Страхову напишет:

«А знаете — ведь это все помещичья литература. Она сказала все, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого), — но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье еще не было... Когда народ, как он твердо станет, он проявит своего Пушкина...»

И народ явил своего Пушкина, — в рязанском селе родился поэт Сергей Есенин...

Недаром мать Россия вынашивала деревенского поэта Сергея Есенина весь золотой век поэзии, потом выпаивала из ключей устного песенного слова». *(А. Байбородин).*

В 17 лет Есенин уезжает в Москву, где становится конторщиком у отцовского благодетеля, купца Крылова. Затем устраивается подчитчиком в Сытинской типографии, принимает участие в литературно-музыкальном кружке И.Сурикова.

«В это время, — вспоминает Есенин, — у меня была написана уже книга стихов «Радуница». Я послал из них некоторые в петербургские журналы и, не получив ответа, поехал туда сам. Там меня приняли радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий... Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта».

«Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные», — так отзывался Блок после их первой встречи.

На квартире Городецкого собирались почти все поэты. Городецкий свел Сергея Есенина с Клюевым, о котором он раньше не слыхал ни слова. С Клюевым у них завязалась большая дружба. Есенин называл его своим учителем.

В 1913 году Сергей Есенин поступил вольнослушателем в Университет Шанявского. Пробыв там 1,5 года, должен был уехать обратно по материальным обстоятельствам в деревню.

В первую пору его пребывания в Петербурге ему часто приходилось встречаться с Блоком, с Ивановым-Разумником. Позднее с Андреем Белым... О нем заговорили и начали печатать чуть ли не нарасхват.

Максим Горький писал Ромену Роллану о Есенине тех лет: «...Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе. Его стихи начали хвалить чрезмерно и неискренне, как умеют хвалить лицемеры и завистники. Ему тогда было 18 лет, а в 20 он уже носил на кудрях своих модный котелок и стал похож на приказчика из кондитерской». (Дмитрий Дарин. «Российский писатель», № 12, июнь 2005).

Революцию 1917 года встретил Сергей Есенин восторженно. Правда, на первых

порах революционная тема решалась Есениным своеобразно. Новый мир предстает в его стихах еще либо в виде утопических картин мужицкого рая на земле, либо в виде романтического «града Инонии», где живет «божество живых» и господствует «революционная» вера.

Все больше захватывает Сергея Есенина «вихревое» начало, вселенский размах революционных событий. С восторгом он пишет:

*Небо, как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.*

Дыхание революционной грозы коснулось и лирических стихотворений Есенина, полных любви к Родине и тончайшего проникновения в мир русской природы. Иллюстрацией тому служит стихотворение:

*Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.
Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг...
Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез...*

Радость обновления родной земли захватила поэта. Казалось, еще немного усилий, и извечная мечта русского пахаря о «золотом веке» станет явью. Но жизнь революционной Руси разворачивалась все круче: полыхал огонь гражданской войны, терзали страну интервенты; разруха и голод делали свое черное дело.

Тогда-то и рухнули утопические мечты поэта о «Граде Инонии...». Какая кровотокающая боль и неумная скорбь выльется у Есенина в это время в стихах о невозвратной, исторически обреченной на гибель, старой деревни,— и вместе с тем какая трагедийная, обжигающая душу поэта тревога за будущее России зазвучит в его новых произведениях!

*Видели ли вы, как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?
А за ним по большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?
Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?*

Ход времени, ход истории неумолим. Поэт это чувствует. «Конь стальной победил коня живого,— с тревогой и грустью замечает он,— сумеют ли люди будущего сохранить красоту природы?» ... Поэт стремится познать смысл происходящего:

*О, если б прорасти глазами,
Как эти листья в глубину.*

«В годы революции идейное и художественное развитие поэта сдерживалось еще и чужеродными влияниями на его творчество, особенно начиная с 1919 года, литературной группы имажинистов с их вычурной поэтикой.

Сближаясь с имажинистами, Есенин поначалу считал, что его эстетические принципы близки к их творческим устремлениям. На самом же деле формалистические изыски имажинистов были глубоко чужды есенинской поэзии.

Уже в 1921 году Есенин говорил о них: «Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада... У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласованно все».

Есенин все больше пытается понять, осмыслить философски все, что происходит в эти годы в России, во всем мире. Расширяются горизонты и масштабы его поэзии.

Так появляется есенинский «Пугачев». Задумав свою пьесу как лирическую драму, Сергей Есенин не дает в ней эпических картин народного восстания. Однако народность драмы — в художественном раскрытии автором социальных причин восстания всего стонущего крепостного населения трудовой России и казачества против самодержавия и «чиновничьей неволи».

Максим Горький, которому Есенин читал «Пугачева» во время встречи в Берлине, вспоминал позднее: «Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось». (Юрий Прокушев. «О Сергее Есенине». Сергей Есенин. Собрание сочинений в трех томах. Том 1. М. 1970).

Вспоминая свое раннее творчество, Есенин говорит: «Стихи писать я начал лет с 9, читать выучили в 5. Сознательное творчество отношу к 16-17 годам.

Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки. Период учебы не оставил на мне никаких следов, кроме крепкого знания церковнославянского языка».

Первыми книгами поэта были Священное Писание, «Жития святых...» и духовные стихи. Потом уже появились былины, сказы и сказки. Среди его любимых произведений, по воспоминаниям родных, были «Слово о полку Игореве», «Поэтические воззрения славян на природу» Александра Афанасьева, и, конечно, русская классическая проза и поэзия, опять же близкая к народной жизни, в духе Гоголя, Лескова, раннего Толстова, Кольцова... (А. Байбородин).

Многого достиг Сергей Есенин самоучком. «Из поэтов больше всего мне нравился Лермонтов и Кольцов.— рассказывает Есенин.— Позднее я перешел к Пушкину».

«Ранний и яркий, певучий талант Есенина — все это от *золотой* избы, полей и перелесков, от алых зорь, пылающих закатов, от пения и говора народного, которые по тем летам были еще щедры и величавы...». (Ю. Прокушев).

В пятнадцать лет Есенин сочинит удивительное по красоте и напевности стихотворение, которое станет одной из любимых песен нашего народа:

*Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.*

Мир народно-поэтических образов окружал его с первых дней жизни:

*Родился я с песнями в травном одеяле,
Зори меня вешние в радугу свивали.
Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.*

Вся красота родного края с годами отразилась в стихах Есенина, полных любви к русской земле:

*О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку,—
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.*

«В сердце Есенина с юных лет запала Россия, ее грустные и раздольные песни, светлая печаль и молодецкая удаль, церковный благовест и сельская тишина, веселый девичий смех и горе матерей, потерявших сыновей на войне.

*Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер...
Повестили под окнами сотские.
Ополченцам идти на войну.
Загыгкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.*

Такие пронзительные строки могут родиться только в сердце художника, неразрывно связанного с судьбой народа, для которого война — непоправимое человеческое горе». (Ю. Прокушев).

Суров, печален и правдив рассказ поэта о Родине в годину военных невзгод. С щемящей болью вглядываемся мы, читая стихи Есенина тех лет, в грустные картины деревенской жизни во время войны. Опустели села. Осиротели избы. Изредка неожиданно-негаданно приходили в деревню солдатские весточки:

*Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.*

Всей душой, всем сердцем поэт со своим народом, со своей многострадальной Родиной — и в короткие радостные мгновения и в долгие годы горя и печали.

*Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.
.....
Я люблю эти хижинки хилые
С поджиданьем седых матерей.*

О многом заставляет нас и сегодня задуматься, многое пережить заново рассказ поэта о страданиях и ожиданиях седых матерей в годы лихолетий на русской земле.

«...Как отраду своей измученной душе, Сергей Есенин любил свою мать и посвящал ей самые чистые, самые нежные и трогательные по своей грусти стихи:

*Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.*

В минуты мрачной душевной смуты или отчаяния поэт часто обращается к образу матери, и его душа всегда освещается этим несказанным светом материнской любви.

«Была в жизни Есенина и большая юношеская любовь. Чистая, светлая и, кажется, безответная... С неистовой страстью юного человека он полюбил Лидию Кашину, молодую дворянку. Как вспоминает сестра поэта Екатерина Александровна, поместье Кашиной — дом с мезонином — находилось за церковью, на склоне горы. Лидия Ивановна заворожила Есенина не только обаянием, красотой, но и умом, высокой образованностью — она знала несколько иностранных языков, что не могло не вызывать восхищения у деревенского юноши.

Много лет спустя, по волшебству поэтического вымысла, она будет названа Анной Снегиной в одноименной поэме.

*Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие милые были!
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит, любили и нас.*

(Иван Жуков. «Штрихи к портрету Есенина». Москва кабацкая. М. 1995).

...В 1917 году Сергей Есенин женится на Зинаиде Райх. Но брак не был счастливым и продолжительным для поэта. От этого брака у них родятся двое замечательных детей Константин и Татьяна, которые примут фамилию именитого отца.

«В 1918 году я с ней расстался,— рассказывает Есенин,— и после этого началась моя скитальческая жизнь, как и всех россиян за период 1918 — 1921 гг.». Об этом его прекрасное стихотворение в авторском исполнении (звучит голос Есенина):

*Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть...
Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге...*

За годы скитаний поэт побывал в Туркестане, на Кавказе, в Персии, в Крыму, в Бессарабии, в Оренбургских степях, на Мурманском побережье, в Архангельске и Соловках. Во время этих странствий Сергей Есенин много наблюдал за происходя-

щими в стране событиями, изучал быт и культуру народов, населяющих многонациональную Советскую Россию, писал стихи и поэмы. Об этом немало написано интересных исследовательских работ и статей, связанных с творчеством поэта в тот период.

Но мне бы хотелось остановиться на одном очень важном этапе жизни Сергея Есенина,— мало известном широкому кругу читателей,— оставившем неизгладимый след в судьбе поэта. Это женитьба в 1921 году на американской танцовщице Айседоре Дункан. Для этого приведу несколько ярких эпизодов их совместной жизни, подчерпнутых мной из воспоминаний Ильи Шнейдера.

В своей книге «Встречи с Есениным» он рассказывает: «Летом 1921 года знаменитая американская танцовщица Айседора Дункан по приглашению Советского правительства приехала в Москву, чтобы отдать свой опыт и навыки русским детям. Сразу же после приезда Дункан нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский направил меня для работы с нею... Благодаря Дункан я познакомился с одним из замечательных русских поэтов-лириков Сергеем Есениным.

Я прожил с Айседорой Дункан и Сергеем Есениным в Москве под одной кровлей почти три года, немного путешествовал с ними, сопровождал Дункан в гастрольных поездках, писал либретто для ее новых постановок...

— Все последние годы,— говорила Айседора,— мои мысли были в России, и душа моя была здесь. Приехав сюда, я чувствую, что иду тем путем, который ведет в царство всеобщей любви, гармонии, товарищества, братства... Я презираю богатство, лицемерие и те глупые правила и условности, в которых мне приходилось жить. Я хочу учить ваших детей и создавать прекрасные тела с гармонически развитыми душами...».

«Однажды,— продолжает воспоминания Илья Шнейдер,— меня остановил прямо на улице известный московский театральный художник Георгий Богданович Якулов.

— У меня в студии сегодня небольшой вечер,— сказал Якулов,— приезжайте обязательно. И, если возможно, привезите Дункан. Было бы любопытно ввести ее в круг московских художников и поэтов...

Появление Дункан вызвало мгновенно паузу, а потом — начался невообразимый шум. Явственно слышались только возгласы: «Дункан!»

...Немного спустя мы с Якуловым подошли к Айседоре. Она полулежала на софе. Есенин стоял возле нее на коленях, она гладила его по волосам, скандируя:

— За-ла-тая га-ла-ва...

Трудно было поверить, что это первая их встреча. Казалось, они знают друг друга давным-давно, так непосредственно вели они себя в тот вечер... Они «проговорили» весь вечер на разных языках, буквально (Есенин не владел ни одним из иностранных языков), но, кажется, вполне понимали друг друга...

Как-то в разговоре он сказал мне, что, «...кроме русского, никакого другого не признаю и держу себя так, что ежели кому-нибудь любопытно со мной говорить, то пусть учится по-русски».

Русский язык Есенин любил страстно, знал многие говоры и наречия, знал и древнеславянский..., которые хотя и исчезли из грамматики, но остались жить в литературном языке, и в разговорном».

(И. Шнейдер).

«Как-то, находясь в комнате Дункан,— далее вспоминает Шнейдер,— мы решили с Сергеем подшутить над ней, нанеся кусочком мыла на высоком, от пола до потолка, узком зеркале пучок расходящихся линий, которые создавали иллюзию разбитого трюмо. ...Однажды Айседора взяла его и неожиданно для них написала на

зеркале по-русски, печатными буквами: «Я лублу Есенин», «А я нет», — написал Есенин.

Айседора отвернулась, печальная... Она не стирала эти надписи, и они еще долго беззвучно признавались, отвергали и пророчили... И лишь накануне отъезда в Берлин Есенин стер их и написал: «Я люблю Айседору».

«Как-то Есенин после одного из спектаклей Айседоры, дожидаясь ее, рассказал мне интересный эпизод из своей прошлой службы. В 1916 году Есенина направили служить в «санитарный поезд императрицы Александры Федоровны», с этим поездом Есенин и побывал на фронте. Летом его положили в госпиталь — на операцию аппендицита, а затем, признав не годным к строевой службе, назначили писарем при «Федоровском государевом соборе» в Царском селе. Тут и произошло его знакомство со штаб-офицером для поручений при дворцовом коменданте Д. Н. Ломаном. Ломан и организовал чтения перед членами царской фамилии.

Однажды, когда госпиталь в очередной раз должны были посетить дочери царя, Ломан потребовал, чтобы Есенин срочно написал оду в честь этого посещения. Под угрозой отправки в дисциплинарный батальон Есенин написал стихотворение. Но в нем говорилось не о посещении госпиталя царевнами, а о страданиях солдата, умирающего в госпитале от ран». (И. Шнейдер).

После женитьбы на Дункан Есенин с Айседорой примерно через год уехали в Америку, предварительно исколесив всю Европу, кроме Испании. «12 мая 1922 года Дункан и Есенин прибыли в Берлин. В отеле «Адлон», где Айседора всегда останавливалась, ее уже ждали журналисты. Приезд Айседоры из «большевистской Москвы», да еще в сопровождении какого-то известного русского поэта, ставшего ее мужем, — это была сенсация...

В те дни в Берлине были Горький и Алексей Толстой. Толстой пригласил Дункан и Есенина на обед. На обеде был и Горький.

Дункан знала Алексея Толстого раньше... Горького Айседора видела впервые в жизни. Она была взволнована этой встречей, счастлива за Есенина, сидящего за одним столом с Горьким и Толстым...

Поэта Есенина в Европе и за океаном воспринимали лишь как мужа танцовщицы Айседоры Дункан, — по впечатлению Горького, увидевшего в ней при встрече в Берлине не только большого художника и реформатора искусства танца, каковыми она слыла, а сумасбродную, стареющую, но молодящуюся танцовщицу, имевшую к тому времени мировую славу». (И. Шнейдер).

«При всей суматошности своего характера и ненасытной чувственности, Дункан, по воспоминаниям знавших ее, имела душу светлую и добрую. Она, годная поэту чуть ли не в матери, вянувшая женщина, — любила Есенина неистовой, закатной любовью; и она любила его не только за нежную красу и статью и не только за талант, — она любила его и матерински, видя в Есенине как бы своего погибшего сына. Она женским и материнским сердцем чуяла и его поэзию, и его большую душу». (А. Байбордин).

Посетив Америку, Есенин не только оглядит ее, но и осмыслит ее и опишет в статье «Железный Миргород». Поэта поразили резкий контраст между индустриальной мощью, зрелостью технической мысли, размахом строительства в стране и бедностью духовной культуры Америки, инертностью мысли среднего американца, его мещанским представлением о счастье в духе героев гоголевского Миргорода.

«Сила железобетона, громада зданий, — отмечает Есенин в своей статье, — стеснили мозг американца и сузили его зрение... Тот, кто знает Америку по Нью-Йорку и Чикаго, тот знает только праздничную или, так сказать, выставочную Америку... Сами американцы — народ весьма примитивный со стороны внутренней культуры.

Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в бизнес и остального знать не желает.

Искусство Америки на самой низшей степени развития...

— Слушайте,— говорил мне один американец, я знаю Европу. Не спорьте со мною. Я изъездил Италию и Грецию. Я видел Парфенон. Но это все для меня не ново. Знаете ли вы, что в штате Теннесси у нас есть Парфенон гораздо новей и лучше?..

От таких слов и смеяться и плакать хочется. Эти слова замечательно характеризуют Америку во всем, что составляет ее культуру внутреннюю...

Там до сих пор остается неразрешенным вопрос: нравственно или безнравственно поставить памятник Эдгару По... (*Сергей Есенин. «Железный Миргород». М. «Известия». 1923*).

...В заключение рассказа о Сергее Есенине и Айседоре Дункан хочу остановиться на их взаимоотношениях после возвращения из-за границы.

«Радостные и оживленные вернулись Дункан и Есенин в Москву, на Пречистинку, где находилась квартира Айседоры,— вспоминает Шнейдер.— Казалось, ничто не предвещало бурю. Но случилось так, что через несколько дней между Есениным и Дункан произошла размолвка. Есенин исчез...

Айседора была обижена на Есенина. Но по возвращении Сергея на Пречистинку между ними произошло трогательное примирение. И было решено, что Есенин поедет в Кисловодск, куда с гастрольями собиралась и Дункан.

После отъезда Айседоры на следующий день Есенин прибежал в возбужденном состоянии:

— Ехать не могу! Остаюсь в Москве!.. Меня вызвали в Кремль, дают деньги на издание журнала!

Начавшиеся гастроли в Минеральных Водах и на Кавказе не отвлекли грустных мыслей Айседоры о неизбежном конце их отношений...

В октябре мы находились в Ялте,— продолжает рассказывать Шнейдер.— Как-то с Айседорой мы возвращались в гостиницу, и в холле портье подал мне две телеграммы. Одна была адресована Дункан:

«Писем и телеграмм Есенину больше не шлите. Он со мной. К вам не вернется никогда. Галина Бениславская».

Айседору известие поразило, хотя она и сделала вид, будто не приняла всерьез... Я телеграфировал в Москву и просил выяснить, известно ли Сергею содержание неожиданной телеграммы... Вскоре Айседора протянула мне составленную для Сергея Есенина телеграмму:

«Москва. Есенину. Петровка. Богословский. Дом Бахрушина.

Получила телеграмму должно быть твоей прислуги Бениславской пишет чтобы письма телеграммы на Богословский больше не посылать разве переменял адрес прошу объяснить телеграммой очень люблю Изадора».

Ответ мы не получили, т.к. на другой же день, 12 октября, выехали в Москву...

Много лет спустя я узнал., что Есенин все же ответил на телеграмму Айседоры.

«Я говорил еще в Париже, что в России уйду, ты меня озлобила, люблю тебя, но жить с тобой не буду, сейчас я женат и счастлив, тебе желаю того же. Есенин».

Бениславская в своем дневнике писала, что Есенин дал ей прочитать эту телеграмму. Она заметила, что «если кончать, то лучше не упоминать о любви...». (*И. Шнейдер*).

Так печально закончился очень бурный любовный роман между известным русским поэтом Сергеем Есениным и знаменитой американской танцовщицей Айседорой Дункан.

Что касается Галины Бениславской, связавшей нераздельно свою судьбу с судь-

бой Сергея Есенина, то, по воспоминаниям И. Шнейдера: «Эта девушка, умная и глубокая, любила Есенина преданно и беззаветно. Есенин отвечал ей большим дружеским чувством.

Есенин встретился с Бениславской еще до знакомства с Дункан, но никогда не говорил нам о ней. Она же молча пережила и его брак с Айседорой Дункан, и отъезд за границу. Когда Дункан уехала на Кавказ, Есенин поселился у нее, в Брюсовском переулке, и даже перевез туда своих сестер Катю и Шуру.

В последние годы жизни Есенина Бениславская целиком посвятила себя издательским делам Есенина.

Сохранилась их большая переписка. Приведу выдержку одного из писем Есенина к Бениславской.

«Галя, милая! Повторяю Вам, что Вы очень и очень мне дороги. Да и сами Вы знаете, что без Вашего участия в моей судьбе было бы очень много плачевного...».

Поэт делился с Бениславской творческими планами, посвящал ее в радостные и грустные события своей жизни до самых последних дней...» (И. Шнейдер).

Галина Бениславская через год после смерти поэта — 3 декабря 1926 года — окончила жизнь самоубийством на могиле Есенина и завещала похоронить ее рядом с ним».

...«В ночь с 27 на 28 декабря в гостинице «Англетер» Сергей Есенин оборвал свою жизнь», — как пишут многие биографы поэта. Но есть много неопровержимых фактов, которые доказывают, что смерть его была насильственной...

«За день до своего трагического конца Есенин написал стихи «До свиданья, друг мой, до свиданья...» и дал их знакомому ленинградскому поэту Вольфу Эрлиху, который зашел к нему в номер. Тот хотел их здесь же прочитать, но Есенин остановил его: «Нет, ты подожди! Останешься один — прочитаешь. Не к спеху ведь». Вольф вспомнил о них только на следующий день, после смерти Сергея». (Матвей Ройзман. *Все, что помню о Есенине*. М., 1973).

*До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова.
Не грусти и не печаль бровей,—
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

«29 декабря 1925 года Всероссийский Союз писателей известил в газетах «С глубокой скорбью о трагической кончине в Ленинграде Сергея Есенина... Встреча тела покойного состоится 30 декабря в два с половиной часа дня на Октябрьском вокзале (в Москве), откуда тело будет перенесено в Дом Печати (Никитский бульвар, 8)... Желаящие могут проститься с покойным... Вынос тела на Ваганьковское кладбище состоится 31 декабря, в 11 часов утра... Путь процессии будет следующий: Дом Печати, Дом Герцена, памятник Пушкина, Ваганьковское кладбище». 31 декабря, под Новый год, Есенина хоронили». (И. Жуков).

...За последние годы жизни Сергея Есенина талант поэта раскрылся особенно полно и многогранно...

«Величие есенинской поэзии не только в ее гениальности, с точки зрения народности и художественности, а в том, что он, как никто иной в двадцатом веке, так ярко и мощно показал русскую душу в ее божественных взлетах и хмельных, отчаянных

падениях в смердящую пропасть духа, в ее омерзительных грехах и сотрясающих душу раскаяньях.

Самые пронзительные стихи Есенина — уже позднего, смертельно уставшего — душераздирающий стон по своей душе, а значит и по душе русской, теряющей божественный свет; это значит и плач по крестьянской жизни». (А. Байбородин).

Одним из самых трогательных по своей исповедальности произведений этого периода является стихотворение:

*Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник...
Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погибнуть.
Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.
Ведь не даром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.
Ворочусь я в отчий дом —
Жил и не жил бедный странник...
В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.*

Конечно, в небольшой статье-повествовании невозможно рассказать подробно и цельно о творчестве и о трагической судьбе такого Великого Русского Поэта, как Сергей Есенин. Да я и не стремился изложить в ней поэтапно все факты биографии поэта, связанные с периодами становления его таланта, как это делали традиционно многие исследователи и биографы Есенина. Я сознательно выпустил в ней размышления о стихотворениях таких потрясающих циклов, как «Русь Советская», «Москва кабацкая», «Персидские мотивы» и др., не менее важные циклы и поэмы, о которых довольно много написано и поэтому эти материалы не открывают читателю какую-либо новую страницу в творческой биографии поэта. Не сподобился я перечислять и все брачные узы Есенина и давать им свою субъективную оценку.

В данном материале хотелось показать наиболее запомнившиеся мне моменты из жизни Сергея Есенина, почерпнутые мной из уникальных источников (упомянутых выше), раскрывающие глубину и красоту русской души на отдельных наиболее ярких этапах жизни поэта, лиризм и драматизм его отношений с одной из наиболее знаменитых женщин двадцатого столетия, Айседорой Дункан.

...Не менее трагичной была и судьба самой Айседоры... В одной из автомобильных катастроф Парижа, где жила Дункан со своей семьей, погибли ее маленькие дети — дочь Дердри и сын Патрик. 15 сентября 1927 года погибает в автокатастрофе и Айседора Дункан.

«...В тот сентябрьский вечер,— вспоминает Илья Шнейдер,— Айседора спустилась на улицу, где ее ожидала маленькая гоночная машина, шутила, и, закинув за

плечо конец красной шали с распластавшейся желтой птицей, прощально махнула рукой и, улыбаясь, произнесла последние в своей жизни слова: «Прощайте, мои друзья! Я иду к славе».

Несколько десятков секунд, несколько поворотов колес, несколько метров асфальта... Красная шаль с распластавшейся птицей и голубыми китайскими астрами спустилась с плеча Айседоры, скользнула за борт машины, тихонько лизнула сухую вращающуюся резину колеса. И вдруг, вмотавшись в колесо, грубо рванула Айседору за горло. И остановилась только вместе с мотором.

Прибывший врач сказал: «Сделать ничего нельзя. Она была убита мгновенно». *(И. Шнейдер)*.

...Так трагически печально закончили свой жизненный путь два гениальных таланта, два незабываемых во времени великих человека, которые своим горним светом еще долго будут освещать творческие судьбы будущих поколений.

...К вершинам поэзии Есенин поднялся из глубин народной жизни,— поэтому такое огромное и незабываемое влияние его на современников и поэтов более позднего периода, вплоть до наших дней.



СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ И ПОВЕСТЬ

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)



Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Опубликовано более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», литературном сборнике «Иван-озеро», журнале «Приокские зори».

ГОСПОДИН ПАЦИЕНТ

Спеша утром на работу, Иваныч наскоро завтракал. Забыв про зубы, сделал большой глоток горячего кофе, застонал глухо от острой боли. Тихо выматерился, едва она отступила, и в полный уже голос прорычал: «Все, баста! Иду к зубному, к протезисту, ко всей этой зубной инквизиции!»

— В который раз,— хмыкнула жена из спальни.— Опять причину найдешь отвертеться. Не понимаю, сколько можно терпеть — полрта запустил. Тебе ж не так давно металлокерамику делали спереди. Ничего — живой.

— То-то и оно — есть, что вспомнить.

— И это — начальник управления капстроя! Как стройками командуешь, не пойму. Не ты дрался за меня до крови, нет — другой малый... Давай, ты идешь лечиться, а я тебе призь, как мама премировала тебя пистолетом с пистонами за удаление молочного зуба — сам рассказывал. Хочешь, спиннинг самый дорогой, навороченный, хочешь, на карельские озера поедem вместо теплого моря — как ты любишь. Выбирай. За счет моих сбережений... Да все там обезболивают. Анестезия супер — не то, что раньше. Знаешь, как шагает стоматология. Малость устаешь рот держать открытым — и вся беда. Потом зато кайф беспрерывный.

— Поговори, поговори, храбрица,— буркнул Иваныч, выходя из квартиры и хлопывая дверь.

На боевом настроe решил немедленно звонить в стоматологическую клинику, давно найденную по рекомендации. Быстро отыскал в машине номер телефона, договорился на сегодняшний вечер о приеме у протезиста и стоматолога-терапевта. Выдохнул с облегчением: «Все, назад ходу нет... Если только совсем дикий форс-мажор не нарисуеться».

Ни форс-мажора, ничего такого не случилось, что могло бы послужить предлогом для отмены похода в клинику: генеральный не озадачил срочным поручением; подрядчики не приглашали на объекты принимать выполненные работы, а на вопросы «Как дела? Не помочь ли чего разрулить?» сплошь докладывали: все путем, по плану, спасибо — сами справимся; из «своих», капстроевцев, никто не напортил с расчетами, чертежами, квартальной отчетностью, аналитическими записками, чтобы можно было объявить аврал по исправлению положения и непосредственно его возглавить. «Сговорились все, чай-борщай,— усмехнулся в конце дня Иваныч.— Ну что ж...» Поразмыслив, решил подстраховаться и под секретом большим поручил Андрею, главспецу из договорного отдела, доставить его до клиники на своем авто: «Неизвестно, каким выйду из пытошной. Андрюха подождет и домой отвезет, а завтра на работу подбросит. Тачка моя здесь переночует».

Когда уходил из офиса, по обыкновению выдал «своим» несколько дежурных наставлений. Капстроевцы проводили шефа глазами и по его возбужденно-тревожной, румяной физиономии дружно заключили: предстоит какая-то жаркая разборка с высоким начальством, не иначе.

Иваныч вылез из припаркованной у клиники машины, сделал несколько глубоких вздохов, настраиваясь, остановил Андрея, который засобирався вслед за ним: «Не нужно со мной — зрелище не для слабонервных. Погуляй поблизости, кофейку попей. Я тебе позвоню».

Первым на очереди был врач-протезист. Крепкий этот мужчина с плотной растрепанной бородкой очень походил на геолога после долгой экспедиции. Он пригласил вошедшего Иваныча в кресло, но тот, стоя у двери твердо попросил: «Мне сразу укол, пожалуйста,— анестезию».

— Зачем, позвольте спросить,— удивился бородач.— Я вас только осмотрю. Определимся, что будем делать. Потом к терапевту. Он и обезболит, коли станет сегодня лечить и понадобится анестезия.

— Вы же инструментом своим будете зубы трогать,— упорствовал пациент.

— Это не больно, не обточка.

— Что за проблема, сделайте укол и орудуйте сколько угодно,— продолжал настаивать пациент, не сходя с места.

— Нет никакой проблемы, будет вам укол,— сдался протезист с легкой ухмылкой в глазах.— Имейте только в виду: может понадобится повторный укол у терапевта или хирурга, если черед до него дойдет.

— Хорошо, хорошо,— согласно закивал головой просветлевший Иваныч.

— И садитесь уже, не будем время терять.

После укола и короткого ожидания врач осмотрел обстоятельно зубы, согласовал с пациентом предварительный план действий: где будут одиночные коронки, где спаренные, где мосты. «Окончательно определимся, когда пролечим как надо, негодное удалим,— уточнил бородач.— Это главное. Тут работы — непочатый край, на месяц, не меньше». «Да-да, по крайней мере, с одним коренным придется расстаться,— добавил он, заметив, как скривился пациент при упоминании об удалении.— Зато обойдемся, похоже, без имплантов. Радуйтесь».

— Рано. Все впереди,— откликнулся невесело Иваныч, приготавливаясь выдвигаться к терапевту.— Скажите, а Полякова Анна Олеговна — опытный врач? Мне к ней сейчас.

— Очень. И, кстати, симпатичный,— подмигнул насмешливо бородач.

У терапевта Иваныч не заговаривал о новой анестезии: первый укол был так хорош, что обе щеки все еще оставались бесчувственными, задубевшими. После панорамного рентгеновского снимка зубов и обследования полости рта врач вкратце сообщила о предстоящем лечении.

— А сегодня удалим один зуб,— в завершение сказала она.

— Может в следующий раз,— растерянно предложил Иваныч, подумавший было, что на сегодня все и разглядывавший открыто привлекательную Полякову.

— К следующему разу, господин пациент, десна подживет, можно соседний зуб депульпировать и восстанавливать — зачем же время терять? Сами будете потом ворчать: долго лечите. Хирург в соседнем кабинете. Сейчас выпишу направление.

Господин пациент едва не прокричал «Не буду ворчать!», глядел в спину врача, склонившегося над столом, тоскливыми, неприязненными глазами.

В очереди к хирургу пришлось немного посидеть. Узнав, что обезболивающий укол уже ставили часом раньше, хирург постучал легонько инструментом по зубу-смертнику и спросил: «Чувствуете?»

— Ага,— поспешно соврал Иваныч.

Получив второй укол, он смиренно сидел в ожидании главного события. Лицо онемело уже от подбородка до глаз, губы казались отеками, перекошенными. Выглядел усталым, безразличным к дальнейшему. Но вот вернулся на свое место хирург, отошедший на несколько минут, произнес страшное: «Откройте рот». Иваныч натужно повиновался, зажмурив глаза, вдавился в кресло так, что не будь оно намертво прикреплено к полу, опрокинулось бы вместе с седоком. Несколько профессиональных движений и огромный больнозуб, зажатый щипцами, оказался перед глазами пациента, который пропустил сам момент удаления, а теперь не верил, что оно позади. Кровотокающая зубная лунка умело была обработана и обложена тампонами.

— Возьмете зуб? — спросил врач.

Иваныч попытался ответить, но вышел лишь мычание. Он приподнял руку и хирург вложил ему в ладонь обернутый салфеткой зуб.

Когда Иваныч резвым шагом покинул клинику и подошел к автостоянке, машина была пуста, Андрея рядом нет. Вспомнил, что договорился с ним созвониться. Достав телефон, обнаружил в ладони салфетку с удаленным зубом. Рассмеялся осторожно и выбросил это в урну.

С тампонами во рту, понятное дело, молчал всю дорогу. У подъезда дома освободил рот, поблагодарил Андрея, попрощался, спросил его, поворачивая указательным пальцем вокруг своего лица: «Как я?»

— Вообще-то не очень,— сказал тот, помявшись.

— Понятно — жалкое выражение... Погоди еще чуток.

Иваныч зашел в продовольственный магазин, что располагался в двух шагах от дома. Скоро вернулся с пакетом, залез обратно в машину, извлек бутылку французского коньяка, одноразовые стаканчики для напитков, связку бананов.

— Выпьешь? — предложил Андрею.

— Нет, нет, Игорь Иваныч, мне через центр ехать.

— А я поправлю лицо,— выдохнул Игорь Иваныч и маленькими глотками с трудом выцедил наполненный почти до краев стаканчик. Закусил бананом и тихо засмеялся: «Еле протолкнул, чай-борщай — анестезия глотку достала».

ЛЮДА

Олег, как мог, отгонял сон, чтобы еще полистать в памяти свежие детали сегодняшнего свидания с Людой. Но глаза слипались все больше, и он сдался. Пионерлагерь, в котором Олег вот уже несколько лет подряд проводил хотя бы один летний месяц, легко выбирал весь запас дневной энергии: тянь-шаньским воздухом, спортивными играми, купанием в бассейне и мелкой бурлистой речке, пролетающей вниз по ущелью рядом с лагерем, лазанием по горам, фруктовым садам, за диким виногра-

дом, охотой за черепахами и змеями. Динамичные занятия, рискованные шалости не переводились. Напротив, пополнялись новичками и изобретательными старожилками. После отбоя гомон в отрядном павильоне редко длился более десяти-пятнадцати минут — тот, кто залезал под одеяло, отключался моментально.

Проснулся как обычно — чуть раньше общего подъема и сознание быстро заполнили мысли о Люде: опять смаковал картины минувшего свидания, переключался на предыдущие — и так было все последние дни.

Больше недели Олег встречался с Людой, но все еще недоумевал как это она, семнадцатилетняя вожатая младшего девичьего отряда, выбрала его, подростка четырнадцати лет из старшего мальчишеского отряда, и сама же сделала первый шаг. Выбрала при том, что засматривались на нее, приударить за ней пытались некоторые вожатые — одноклассники, молодой воспитатель третьего отряда, шустрый мускулистый физрук, да и в отряде Олега немало было тайных воздыхателей, таких же юнцов, как он.

До лагеря он Люду не знал — она жила в другом городе. В тот год перешла в десятый — выпускной класс. А понравилась, как только попала на глаза: не удержавшись, тайком увязался за ней, рассмотрел с разных сторон, даже вперед забежал и пошел навстречу, чтобы заглянуть в лицо. Только рост ее и вес были средними, а остальное казалось ему выдающимся: и сине-зеленые улыбочивые глаза, и прямой аккуратный нос, слегка вздернутый в самом конце, как у тетки — певицы Сенчиной и француженки Катрин Денев, и светло-русые слегка волнистые волосы, спускающиеся чуть ниже плеч, и губы — не тонкие и не полные — в самый раз, алеющие — помада только испортила; когда же взор охватывал всю ее ладную волнующую фигуру, Олег по-мужски почти сглатывал слюну, а сердце начинало спешить, спотыкаться — прелесть, красоту!.. И чем больше подмечал внешних достоинств, тем яснее становилось: «Куда тебе, зеленый огурец, зрелая такая лилия». Потому старался с Людой не пересекаться, но, когда видел ее случайно, удержаться не мог — подолгу любовался.

Чудо случилось однажды вечером, на танцах, которые Олег не пропускал: объявили белый танец, и она пригласила его. Он держал ее драгоценную талию в своих скованных руках и от растерянности, изумления, радости порядком ступал: неуклюже двигался, скупое отвечал на вопросы, отводил взгляд от ее внимательных глаз. Она, оказалось, знала, как его зовут, что он главный голевик в лагерной футбольной сборной, и знакомство вышло само собой. За минуту до окончания танца у Олега щелкнуло: «Дубина, она ж тебя за тупого погоняла футбольного примет, которого кроме мяча ни фиги не интересует». Он врезал себе виртуальный подзатыльник, сосредоточился, перевел разговор на кино и принялся рассказывать про голливудский фильм «Золото Маккенны», который Люда не видела, упомянул, что там играл Омар Шариф, американец арабского происхождения, а песню на русском классно исполнил Ободзинский. Танец закончился, а рассказ про фильм нет, и Олег пригласил ее на следующий танец. Отсюда все и началось.

Олег должен был как-либо объяснить себе ее выбор, понять который не мог. Объяснил просто: «Пацан я спортивный: футболист, пловец, в теннис режусь еще как. А она спортсменов отличает — и обратила внимание. Вгляделась: «парнишка видный — девчонки вон рисуются перед ним, и ростом не ниже». Заинтересовалась. А потанцевали когда, поговорили, видит: начитанный к тому же, соображает... И все равно, не укладывается в голове: она! и я».

Управляла свиданиями Люда. Она соглашалась на встречу или сама ее назначала, отклоняла, переносила — слово было за ней, за главной. Олег безропотно принимал ее решения, и подчиненность эта не унижала его вовсе, не преуменьшала счастья. Видел, она осторожничает, опасаясь пересудов. Когда кто-либо из вожатых или вос-

питателей все же острил при Люде по поводу ее общения с Олегом, она умела ответить без смущения и осадить даже — оттого охотников поддеть фривольно было немного. Обычно отшучивалась, говорила, что оберегает парнишку от поклонниц из старшего девичьего отряда, что у нее с ним дружеские отношения. И это было почти правдой. Почти. Они сближались не только во время танца. Она позволяла ему прикасаться к ней, когда они уединялись вечером на заднем ряду открытого кинозала во время показа фильма или на скамейке в глухом лагерном углу. Об этом Олег грезил более всего — пусть прикосновения и были ограниченными. Когда он пальцами, ладонью поглаживал верхнюю часть ее аккуратной груди, приоткрытую декольте, и пытался украдкой проникнуть в бюстгальтер, она мягко, но решительно удерживала его и возвращала в зону декольте. То же происходило, если ласки ног под платьем начинали приближаться к трусикам — хозяйка отгоняла Олега от сокровища. Разрешались легкие объятия — руку на плечо, быстрые поцелуи в шею, в щеки. Ответных ласк Люда фактически избегала. Иногда только брала ладони Олега в свои... А ласки его ее трогали — видел Олег — трогали: по прерывистому дыханию, по глазам, глядящим на него с нежностью. «Кремень или стесняется?» — не находил он ответа, но спросить не решался. Наслаждался эгоистично дозволенным, привык к установленным владычицей границам, смирился с ее физической сдержанностью. Даже устраивало его где-то, что не надо добиваться большего — того самого: боязно неизведанной дорожкой идти, заблудиться боязно, сконфузиться. А когда волнение плоти переполняло, становилось нестерпимым, Олег скрывался куда-нибудь подальше и овладевал своей милой, перед тем вообразив и изнежив те потаенные места, которые она берегла от него. Воображение его так иной раз распалялось, что слетев с верха блаженства, он в первые секунды искал глазами ту, которую сжимал только что в объятиях.

Единственное его здорово расстраивало: очень хотел целовать Люду в губы по-настоящему и чуял — не станет уклоняться, но сам не умел, тыркаться к ней теленком стыдился, и она первой не начинала. Как-то даже разозлился на нее про себя: «Почему не покажет — умеет же! Не может быть, чтоб не умела». Но не прошло и минуты, как принялся защищать ее, а себя бранить: «Трусилась несчастный, хочешь, чтоб все за тебя сделала, как куртизанка мопассановская — и обучила и отласкала как положено... и хомячка еще в норку завела! Да она ж девчонка тоже по годам, внешне только девица на выданье. Опыта никакого, наверняка. Потому и на ласки отвечать робеет, да-да».

По-настоящему они все-таки нацеловались — на прощальном свидании, в день отъезда Олега. Августовская смена подошла к концу, и он уезжал в свой город первым. Произошло именно то, чего Олег дико желал: Люда сама начала медленно целовать его, и он, уловив главное, высвободил свои губы, захватил ее сладкие, долгожданные и не отпускал, пока она не стала задыхаться. Передышки большой ей не дал и поцелуи продолжились.

Наконец, она выскользнула из объятий, отодвинулась немного, разгоряченно дышала, улыбалась грустно ему, захмелевшему от нового счастья и неимоверно выросшему сразу в своих глазах.

Олег уехал.

Что приключилось с ним впервые, ему стало окончательно ясно после расставания, когда надолго подмяла тягостная тоска: с ней он просыпался, засыпал и мало чем мог заглушить.

Порывался однажды добраться до ее города, найти и повидаться, но удержала боязнь холодной встречи. «Подумает: приперся ухажер сопливый, а лето то закончилось и игра в любовь тоже. Нет, — решил Олег, — не поеду».

С тех пор минуло пять лет. Олег учился в московском вузе. Окончив второй курс, приехал на летние каникулы домой и скоро заскучал: дружков старых и подруг в городе не оказалось, одноклассников, соседских ребят и девчат, с кем водил знакомство, тоже было совсем немного — и у тех свои планы; абрикосов, персиков, плова, самсы, тандырных домашних лепешек и прочих восточных вкусностей, по которым вздыхал в столице, объелся, накупался вволю, назагорался; книги идут тяжело. «Что-то нужно придумать, — вяло размышлял Олег, — не киснуть же вот так остаток каникул».

Тут как раз вспомнился пионерлагерь, что нередко случалось: яркая природа гор, спортивная слава и конечно первая любовь врезались в память накрепко. Воспоминание это, возникшее при меланхолическом настроении, и подтолкнуло к мысли: «А не попытаться ли тебе, братец, влезть в лагерный педсостав, вернуться на целый месяц в места детской и отроческой благодати. Августовская смена начнется через неделю — может, получится. Неважно кем — воспитателем в младший мальчишеский отряд (к старшкам обычно ставили человека проверенного, опытного) или вожатым — хоть к старшим, хоть к малым, физруком даже пойду. Но лучше всего плавруком — у него и свободы больше и забот, кажется, поменьше: простеньким открытым бассейном управлять да лагерными водными процедурами. Шансов конечно немного: штат на смену скорее всего укомплектован. Но попробовать стоит. Подтянуть старые связи». Они в итоге и сделали дело, да еще как — Олега приняли в лагерь именно плавруком. И вообще все сложилось просто превосходно. Опасения, что встретят его неприветливо педагоги — попал, мол, сюда по блату, дорогу перешел другому — были напрасными. Место плаврука оказалось все еще вакантным — это было фантастикой, фортуной полнейшей. К тому же с некоторыми воспитателями, вожатыми Олег был знаком с пионерских времен, и потому приняли его, как своего, как лагерного воспитанника.

Каждодневный летний зной, постоянное желание многочисленных лагерных обитателей освежиться в небольшом по размеру бассейне делали положение плаврука — «хозяина воды» исключительным, влиятельным. От него же по большому счету требовалось одно: изловчиться так, чтобы за день искупались все желающие и не утонул никто. Отдыхающие ребята и девчата традиционно купались поотрядно минут по тридцать до обеда и столько же после тихого часа; воспитателям, вожатым бассейн доставался обычно вечером после ужина, а поварам и прочему лагерному персоналу — в тихий час. Со взрослыми Олег без труда согласовывал очередность, время купания и корректировал их по мере надобности, а вот пионерской братией управлять было сложнее. Легко мог получить от них как добрую порцию благодарности, обожания за лишние десять-пятнадцать минут купания, так и щедрую дозу недовольства, неприязни и даже злобы за отнятые по разным причинам минуты пребывания в бассейне. А отнимать, то есть наказывать, приходилось частенько, главным образом за коллективное травмоопасное купание, когда одна или несколько групп принимались играть в пятнашки, дико визжа и крича «под индейцев», ныряя куда попало — чуть ли на головы друг другу. В таком случае Олег не ругался, помня, как сам пацаном бесился на той же воде пуще других, а лишь пронзительно свистел, дабы остановить буйные игры, делал грозные глаза и отправлял нарушителей на выход. Неповиновения практически не случалось: понимала ребятня, конфликтовать с плавруком чревато — он вправе был лишить бунтарей следующего купания.

Бассейновые, довольно беспокойные, хлопоты занимали почти весь день и начало вечера. Остаток вечера Олег проводил в компании с педагогами, порою за сухим виноградным винцом местного производства, волочил за вожатой Таней, девицей

симпатичной, спортивного сложения, неглупой и строгой. Она намекала, что ждет от него большей серьезности, но он не прислушивался — то ли от слабости увлечения, то ли из-за намеков.

Думал иногда о Люде, в глубине души надеясь на встречу. Расспрашивал осторожно нескольких воспитателей и вожатых, которые могли что-либо знать о ней. Выяснил, что она заканчивает вуз в своем городе, вышла замуж, родила, но теперь вот поссорилась из-за чего-то с мужем — полгода вместе не живут. Когда же пытался узнать, как связаться с ней — город-то ее неподалеку от лагеря, можно было съездить — ответа не получал. Те, у кого интересовался, сказывались несведущими по этой части. Не ведал Олег, что заведующая лагерной библиотекой, статная женщина лет пятидесяти пяти, совмещающая здесь отдых с необременительной работой, — это мама Люды, учительница русского языка и литературы по профессии. И что Ирина Андреевна — так ее звали — все возможное делала, чтобы остаться для него инкогнито и никто чтобы из здешних знакомых дочери не сообщил ей о нем: кого-то предупреждала, кого-то просила, а кому и прямо грозила. Как выяснилось позднее, Ирина Андреевна хорошо очень знала об их невинном лагерном романе и опасалась его возобновления теперь уже в зрелой версии, боялась, воспрепятствует это примирению дочки с мужем, развалит окончательно их семью.

И все-таки Люду кто-то известил — в конце лагерной смены.

Она приехала в лагерь вечером и быстро отыскала Олега в популярном укрытом древними чинарами скверике, где он играл после ужина в настольный теннис. Несколько мгновений стояли безмолвно лицом к лицу, обнимая друг друга жадными глазами: он — потрясенный неожиданным чудесным появлением; она — вся светящаяся, с выражением на лице радостного облегчения, которое испытывает человек, чьи томительные сомнения не оправдались.

Наконец Олег, сдерживая дрожь в голосе, сказал:

— Ты не изменилась почти... У меня здесь все время было предчувствие, что мы встретимся.

— Зато ты как изменился! Орел!

Люда улыбнулась с затаенной тревогой и взяла Олега за руку:

— Ты мне рад?

— Я об этом мечтал!

— И я!

Не отпуская руки, она увлекла его из людного скверика. Направились, не сговариваясь, к своим памятным местам. Рассказывали поочередно о себе, расспрашивали, стороной обходя замужество Люды, то и дело смеялись восторженно и залиvisto по каким-то пустякам, прижимались друг к другу теснее и теснее. Все чаще движение их прерывалось спонтанными вольными объятиями и порывистыми долгими поцелуями, перебегающими ненасытно с губ на шею, грудь и обратно.

Стемнело, лагерь уходил на покой, и Олег предложил зайти в его личную палатку. Но Люда хитро улыбнулась, показала ему ключ: «От гостевого домика. Он наш».

— Откуда?

— Потом, — махнула рукой Люда.

Распаленные чувственными неудержимыми ласками, захваченные всецело любовной аурой, не заметили они, как перенеслись в тот домик на отшибе, густо окруженный кривоствольными яблонями: и ничего вокруг и никого — два слитых страстью тела, только и всего...

Утром сквозь сон Олег услышал легкий стук во входную дверь, скосил глаза на Люду. Она — нагая, с еле заметным загаром, рассыпанными по подушке волосами, невозможно восхитительная — сладко спала. Мерно бьющееся сердце Олега опять

начало уходить в разгон. Стук в дверь повторился, и Олег осторожно соскользнул с постели, быстро оделся, приоткрыл слегка дверную створку.

С крыльца на него спокойно и решительно глядела Ирина Андреевна.

— Доброе утро. Выйди на несколько слов.

Растерянный Олег поздоровался и спустился:

— Вы знали, кто откроет дверь?

— Я знаю, как моя дочь спит... Что дальше думаешь делать?

— В смысле? — смутился Олег.

— О Людмиле я и тебе.

— А не рано с таким вопросом?

— В самый раз. Хочу, чтоб реалистом был. Ты же знаешь — у нее ребенок, муж. Поссорились, помиряется. Она его любит, хороший он, Сережка.

— А меня?

Чуть помешкав, она вздохнула печально и лишенным совсем строгих ноток голосом сочувственно сказала: «И тебя. Но это другое. Ваша любовь, Олежек, воздушная, беззаботная, неприземленная — сказка, в общем».

— Станет былью, — улыбнулся весело Олег.

— Горькой былью, боюсь. Ты забыл ее, верно, Людмилу — с характером она. И у тебя он есть — я за тобой понаблюдала этот месяц. Ребенок у нее — два года мальчонке. Ты готов ему отцом стать? Готов их в Москву тащить? Куда? В общежитии живешь, наверное... Молчишь. А Сережка с ней сойдется — любит ее, и сына своего... Подумай только — сколько люди живут, столько, верно, и существует эта двоякая природа первой любви: и чиста она, и прекрасна, а годы спустя нередко разрушительна... Поезжай, Олежек, своей дорожкой. Все у тебя впереди. Любовь ваша даром не пройдет, греть будет всю жизнь. И память об этой встрече тоже... Я как узнала, что едет Людмила, поняла, чем это кончится. Погоревала, поплакала, а потом решила: пусть хоть красиво будет — и выпросила потихоньку домик гостевой... Поезжай. Не терзай ее и себя.

— Я ничего вам не обещаю, — покачал головой раздосадованный Олег.

Через день смена закончилась, и он уехал...



Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ВОЛК



Член Союза писателей России. Наш постоянный автор.

Метель разыгралась не на шутку. Ветер завывал, вздыхал и охал. Бросал горстями снег в лицо путнику. Нападал на того то слева, то с другого бока, то толкал его в спину, а потом упирался в грудь, пытаясь остановить, как бы говоря: «Ну, что ты? Куда бредешь в такую погоду? Постой, а лучше ляг — отдохни. Поспи. Ведь устал...»

Но мужчина прекрасно знал, что останавливаться нельзя, ни в коем случае. Остановишься. Расслабишься. Присядешь передохнуть, да нет, даже не передохнуть, а лишь — отдышаться, перевести дух... Моргнешь пару раз и не заметишь, как сознание отключится и ты погрузишься в глубокий сон, из которого уже не сможешь вернуться. А при такой метели снегом закидает в два счета. «Не останавливаться! Только вперед!» — думал он. — Тем более, по моим подсчетам избушка должна быть где-то совсем рядом. Если я, конечно, не сбился с пути... А при такой круговерти это не мудрено. А если сбился, то дело скверное... Нет. Не думать об этом. Я иду правильно...»

Метель длилась уже несколько часов и, похоже, прекращаться не собиралась, а даже наоборот усиливалась.

Виктор начал жалеть, что не послушался деревенских старожиллов, которые предупреждали его, когда узнали, что он собирается дойти до избушки лесника, о надвигающейся буре.

Думал, что успеет. Проскочит. Тем более что на небе были редкие облака, которые совсем не перекрывали солнце. Какая тут метель? Когда она еще начнется! Надеялся на русское «авось». Но ветер усиливался, и картинка над головой менялась каждое мгновение — облака подтягивались и сгущались над населенным пунктом.

Не успел мужчина пройти и половину пути, как его настиг самый настоящий ураган. Хлопья снега залепляли глаза, забирались в ноздри. Виктор вытянул вперед руку и не увидел перчатку, надетую на нее.

Только что светило солнце, а теперь сплошное белое море и свет начинает гаснуть, как в театре после третьего звонка.

Шаги путника замедлились — передвигаться пришлось на ощупь, ступая неторопливо, словно по болоту.

Виктор окончил техникум лесного хозяйства и девять лет проработал в соседней области. Стал настоящим специалистом своего дела. А дело он любил и слыл хорошим лесничим, даже не хорошим, а — лучшим, судя по межобластному конкурсу между лесными хозяйствами, который проводили два года назад, где Виктор Степанович занял первое место. Он был награжден грамотой и главным призом — новым автомобилем УАЗ, очень необходимым для преодоления больших пространств по бездорожью.

Про Виктора Степановича Иволгина написали в газетах и рассказали по центральному телевидению.

Лет ему было тридцать, но он носил усы и бороду и поэтому казался гораздо старше.

После того как Иволгина показали по телевизору, не только молодежь, но и старшие из близлежащих деревень величать его стали уважительно — по имени отчеству.

А тут как раз лесничий из соседней области уходил на заслуженный отдых и Виктору предложили возглавить его хозяйство, которое было раза в два больше. Может быть, он и не согласился бы, но уж очень его уговаривал представитель из администрации, с которым они вместе учились. Иволгин решил доехать посмотреть, что, да как, а уж потом принимать окончательное решение.

Виктору нравилась российская природа — такая многоликая, от разнообразия которой он никогда не устал. Да и как здесь устанешь, когда вокруг так много интересного. Словно смотришь спектакль, именно спектакль, а не кино, где все записано и ничего уже не изменишь. А здесь все в «живую» и ты не зритель, а участник этой постановки — ведь можно смотреть на дождь из дома через окно, а можно выйти под струи и намочнуть или снегом не просто любоваться, а берешь в руки и лепишь разные фигуры. И времена года хоть и повторяются с завидным упорством, но ни один год не похож на предыдущий. Прошлую осень словно прорвало — заливала, почти не переставая, вплоть до самой зимы. А зима случилась морозная, но совершенно без снега. А эта осень наоборот — тихая, спокойная, сухая. Такую пору называют золотая. А зима выдалась и морозная, и ветреная, и снегом заваливает так, что дороги расчищать не успевают — долгая, затяжная, холодная, утомительная зима и не только для людей, но и для всякой живности, какая по лесам, полям, лугам обитает.

Неожиданно путник зацепился за какую-то корягу и грохнулся в сугроб.

И сразу силы куда-то улетучились — усталость брала свое.

«Только не спать! Надо подниматься, — уговаривал сам себя лесничий. — Во что бы то ни стало — собраться и встать, иначе — погибель».

Он зашевелился, приподнял голову, и взгляд его уперся в оскал звериной пасти.



Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

«Волки! — тяжело дыша, устало подумал мужчина, закрывая глаза, — Вот и погибь, а у меня и ружья нет — только нож. Сейчас набросятся...»

Но прошло несколько секунд — и никакого движения. «Может, почудилось?» — Виктор открыл глаза. Зверей не было. «Пригрезилось. Да в такую погоду волки и не охотятся — не на кого — все живое попряталось по норкам, щелям, дуплам — выжидают».

Иволгин заворочался, вставая, и вновь увидел волчью голову, но всего пару секунд — и она пропала.

«Что-то здесь не то. Странно как-то».

Путник поднялся на ноги, вынул нож, приготовившись к бою и, склонившись над землей, пристально стал всматриваться, насколько позволяли белые хлопья, в сугроб перед собой.

То, что он поначалу принял за ветку, когда споткнулся и упал, оказалось задней лапой волка. Да и сугроб — это волк, лежащий на боку заваленный снегом. Сквозь снег в нескольких местах проступали бурые пятна.

Зверь был ранен, потерял много крови, поэтому огрызался слабо и тем более не нападал. Присмотревшись внимательнее, Виктор понял, что это не матерый волчище, а еще маленький волчонок — подросток.

Видно стая попала в переделку — нарвалась на охотников или браконьеров, а тут метель обрушилась, и подстреленный волчонок отстал от родителей, заблудился и обессиленный рухнул, истекая кровью.

«Ну что ж, — это естественный отбор — закон природы — выживает сильнейший», — подумал мужчина и шагнул в сторону, решив продолжить путь.

Но что-то его остановило.

Он повернул голову и пристально посмотрел на грозного зверя, а в данный момент — на беззащитное, уязвимое существо, умирающее в самом расцвете сил.

«Все-таки это не правильно. Когда олень или лось раздирает бок волку, или он замерзает от лютого мороза — это естественный отбор, а здесь какая-то несправедливость. Разрешения на отстрел волков не могло быть ввиду того, что их численность в последнее время резко сократилась, а стрелять ради забавы — это жестоко.

Так просторно вокруг, но мы почему-то столкнулись именно в этой точке. Может быть, неспроста? Может это какой-то знак?

Да не важно это все. Если брошу его здесь, то потом себе не прощу. Во сне будет сниться. Он хоть и звериный, но все-таки детеныш».

Лесник наклонился и приблизился к морде волка. Но тот уже не вскинул голову, только искоса посмотрел на нависшую над ним фигуру и приподнял верхнюю губу, обнажая клыки. Пару раз моргнул и закрыл глаза.

Виктору показалось, что он заметил скатившуюся слезу.

«Да ну, не может быть. Привиделось».

Зверь имел серый, а местами — вдоль спины даже иссиня-черный окрас и лишь между глаз и дальше, чуть выше бровей виднелось неровное белое пятно в виде треугольника.

Скинув со спины рюкзак, путник достал из него приличных размеров брезент, перевалил на него раненого, убрал нож, закинул рюкзак обратно и, взявшись за углы, потащил детеныша.

Волк — молодой — не очень тяжелый, да и снега навалило так, что все ямки и кочки сгладились, и поэтому тащить было не очень тяжело и, как оказалось, не слишком долго — шагов через сто мужчина вышел к домику лесника.

На стук в дверь на крыльце появился, хоть и пожилой, но довольно крепкий с виду, высокий мужчина с накинутым на плечи тулупом. Он был без шапки, и его седые,

совсем не по-стариковски густые волосы путались на ветру. Всю нижнюю часть лица покрывала борода с проседью, на носу взгромоздились очки в большой оправе, сквозь стекла которых на прищельца смотрели внимательные с прищуром глаза.

— Здравствуйте,— приветствовал Иволгин хозяина дома.

— Вечер добрый, несмотря на непогоду. Видать смена моя пришла? Лесничий?

— Ну, это я еще не решил. Приехал осмотреться.

— Ничего. Вот метель закончится — повожу вас пару дней — покажу лесное хозяйство. В два дня аккуратно уложимся, а там решайте. Меня — Панкрат Трофимович кличут. Да, что мы в дверях стоим, проходите в избу — погрейтесь. А я сейчас ужин организую.

— Меня — Виктор Степанович зовут. Только я не один. Тут недалеко кто-то волчонка подстрелил. Маленький совсем. Жаль мне его стало, вот я его и притащил сюда.

— Ну, ты, Виктор Степанович, даешь. Не зря видать первое место занял — хозяйственный ты мужик. Если вырвать его сейчас из лап смерти, дать окрепнуть, то вскоре он начнет нападать на домашний скот, а возможно и людей. Хотя не обязательно.

Ну, что ж, пойдем, поглядим,— вдевая руки в рукава тулупа, закрыв дверь и спускаясь по ступенькам, проговорил Панкрат Трофимович.

Они вдвоем занесли брезент на небольшую веранду.

Волк находился в бессознательном состоянии, дышал прерывисто.

Хозяин дома осмотрел раны и констатировал;

— Три пулевых ранения: в шею навыллет, в лапу, кость вроде бы не задета, и бок распорол по касательной. Видать много крови потерял, пока спасался.

Мужчины обработали раны йодом, наложили бинты и сделали повязки. Волчонка в себя пока не пришел, поэтому не мешал своим спасателям. Его оставили на веранде, закрыв дверь.

Ночь прошла спокойно. Ветер перед рассветом затих, метель уgomонилась.

Ранним утром Виктор взял несколько кусочков мяса, налил в миску воды и зашел проведать своего подопечного.

Из угла раздалось ворчание. Раненный зашевелился, пытаясь подняться, но это ему не удалось, тогда он оскалил зубы, обнажая клыки, и зарычал более грозно. Весь его вид говорил — не подходи ко мне, иначе я не посмотрю, что ты меня спутал какими-то белыми лентами, просто так без боя не сдамся, изловчусь и загрызу.

Мужчина дошел до середины помещения и, чтобы не раздражать зверя, поставил миски на пол.

Волк перестал рычать — наверное, выдохся и устал. Он лежал на боку и его желтые глаза внимательно наблюдали за действиями человека, а тот пошел к двери — замер и не двигался.

Ноздри лежащего на полу усиленно раздувались. Он старательно принюхивался, пытаясь понять обстановку. Угрозой вроде бы не пахло, зато очень аппетитно распространялся запах мяса с кровью.

Человек шевельнулся, открывая дверь, и волк моментально дернулся, обнажил верхние зубы и зарычал.

Весь день Панкрат Трофимович возил и водил Иволгина, показывая свою вотчину — лесные уголья.

Тут кабанья тропа проходит, здесь он лосей подкармливает, там наделал кормушки и подружился с семейством белок, а два года назад наткнулся на логово волков.

— Смотри, Виктор Степанович, какие здесь просторы. Это лесничество в два-три раза больше твоего. Есть где развернуться. Ты учти — желающих много, а предложили

тебе. Считай, что идешь на повышение. Откажешься — второй раз не предложат. Так что долго думать некогда — принимай какое-нибудь решение. Я бы сам не уходил, да возраст — мне семьдесят лет, восьмой десяток пошел. Уставать стал, и ноги сильно разболелись — в больницу ложусь. А лесничий — это, ну ты сам прекрасно знаешь — пешие переходы по подопечному участку. Как говорится, я тебя не агитирую за Советскую власть. Ты сам все увидел. Взвесь все хорошенько и подумай.

Вернулись они глубоко затемно.

Виктор решил посмотреть, как там волчонок. Открыл дверь веранды, и включил свет и сразу услышал предупреждающее рычание. Зверь лежал на животе, положив голову на передние лапы и смотрел на вошедшего, обнажив клыки. Подняться он не смог — сказывалось ранение. Одно радовало — обе миски были пусты, значит, дело идет на поправку.

Мужчина не стал раздражать животное — подходить ближе и забирать пустые миски, а вышел и взял у Трофимовича другие, куда опять положил мясо и налил воды.

Решение созрело окончательно. Он — остается. Подопечного своего надо вылечить и дать ему окрепнуть.

Через несколько дней формальности были утрясены. Трофимович уехал готовиться к госпитализации, а Иволгин приступил к своим обязанностям.

Волчонку становилось лучше — он набирался сил. Уже вставал на лапы — хоть и прихрамывал, но передвигался по комнате.

На Виктора рычать перестал, ведь ничего плохого он ему не делал, а наоборот — кормил, но близко к себе все равно не подпускал.

Спустя три недели в природе произошли изменения — солнце щедрее стало одаривать землю теплом. В воздухе появились новые запахи. Птицы носились и весело щебетали. По всем признакам зима сдавала свои позиции и уступала место весне.

Волк почувствовал происходящие изменения, стал волноваться, ходить из угла в угол и выть.

— Ты прав, дружище,— согласился лесник,— здоровье мы с тобой поправили. Тебе пора к своим.

Виктор открыл настежь веранду, затем входную дверь и вышел из дома, стал поодаль. Минут пять ничего не происходило, потом в проеме двери показалась волчья морда. Зверь внимательно осмотрел окружающее пространство, приняюхиваясь. Не заметив никакой опасности, волчонок, прихрамывая, засеменил в чащу леса, оглядываясь по сторонам. Вскоре он скрылся за деревьями, и мужчина потерял его из виду. «Вот и все. И никакой тебе благодарности»,— с грустью подумал Виктор Степанович.

Привык он к нему — привязался к живому существу.

Жизнь пошла своим чередом.

Зима сменилась весной — радость для всякой живности. Потом — буйство красок — лето, плавно перешедшее в тихую, сухую, плодоносящую совсем не дождливую осень.

В каждой поре есть какие-то свои, щемящие душу нотки, звуки, краски, запахи...

Любил Иволгин побродить по лесу с карабином за спиной, полюбоваться каждый раз новым спектаклем, который ставила природа. Охотиться ему не нравилось, а оружие брал с собой так, на всякий случай — ведь все-таки лес, а тут разное зверье бродит и не только четырехлапое.

Глядя на окружающие красоты, стал Виктор Степанович поэтом — проснулся в нем дремавший долгое время дух творчества. Ну, поэтом — это может быть громко сказано, а стихи из-под его пера выходили душевные, мелодичные. Он часто печал

тался в областной газете «Смена», а недавно его подборку стихотворений взяли в межрегиональный вестник «Лесное хозяйство».

Для полноты счастья только спутницу жизни осталось обрести. Да где же такую найти, чтобы согласилась жить, хоть и с милым, но в лесной глуши. Хотя почему в глуши? Ему в деревне выделили дом, обещали помочь с ремонтом. Хоть ему и пошел четвертый десяток, но мужчина он крепкий, большей частью проводит дни на свежем воздухе, так что не все потеряно — найдет свою единственную и неповторимую.

Его размышления прервал резкий короткий звук и почти сразу — второй.

«Стреляют. И совсем близко. А ведь сезон охоты еще не открыт», — Виктор поудобнее забросил за спину поудобнее карабин и быстрыми шагами, насколько это было возможно среди кустов и деревьев, направился в том направлении, откуда слышал выстрелы.

Пройдя с километр, лесничий оказался на открытой местности — печальная картина предстала перед его глазами. Раненная лосиха лежала на опушке и тяжело всхрапывала. Чуть поодаль из-за деревьев выглядывала испуганная мордочка совсем маленького лосенка, который и выстрелов испугался, и от мамки далеко убежать не решился. С другого конца к подстреленной сквозь кусты пробирались двое мужиков в зеленых ветровках с капюшонами.

— Что вы делаете, сволочи! — закричал на них Иволгин. — Сезон охоты еще не открыт, а вы уже подстрелили, тем более лосиху. Не видели, что ли, что она с детенышем?

— Мужик, проваливай своей дорогой, — огрызнулся один из браконьеров, который держал в руках двустволку.

— Так я как раз на своей дороге. Я — лесничий. А вы ступили на очень скользкий путь.

— Ничего, не поскользнемся — до зимы еще далеко. А тебе, хочешь, бабла отвалим за молчание, как будто тебя и не было здесь вовсе?

— Стоять! — снимая карабин с плеча, крикнул Виктор Степанович.

— Слушай, лесник, будь ты человеком, — вступил в разговор второй браконьер, более плотный по комплекции и гораздо ниже своего поделщика. — Мы эту лосиху десять километров выслеживали, а затем преследовали, и тут ты... Откуда только взялся. Весь кайф ломаешь

— Положили оружие на землю и сами легли рядом, — беря мужиков в перекрест прицела, произнес Виктор.

— Ну, вообще одурел, — всплеснул руками коротышка. — Ты, что американских детективов насмотрелся? Мы же с тобой по-хорошему хотели.

— На землю! — резкий окрик лесничего заставил замолчать говорившего.

— Ну, как знаешь, как знаешь, — проговорил бугай с ружьем и аккуратно, медленно начал класть двустволку к ногам.

В это время кто-то сзади резко обхватил шею Иволгина, подняв его подбородок вверх, и нажал на горло чем-то острым.

— Не дергайся, а то проткну, — прозвучало из-за спины.

Хватка оказалась мощной — словно железным обручем сдавило, так, что трудно стало дышать.

— Кидай волюну на землю и без глупостей.

Виктору ничего не оставалось, как опустить руки с карабином и разжать пальцы.

— Молодец! Держи его крепче! — крикнул коротышка. — Сейчас подойдем, поможем связать.

Браконьеры направились в их сторону.

В это время Виктор Степанович боковым зрением заметил, как шелохнулись кусты, хотя погода стояла тихая — ветра не было, листья не шевелились.

«Неужели их не трое, а четверо», — подумал лесничий. В это время мелькнула тень, и он увидел летящую на них огромную лохматую массу с раскрытой пастью.

От мощного удара они повалились на землю, раздался душераздирающий крик и хватка ослабла. Виктор увидел браконьера с перекушенной рукой, валявшегося на траве и истекавшего кровью, и серую лохматую спину то ли волка, то ли собаки исчезающую в кустах. Лесничий начал подниматься, осматриваясь по сторонам, оценивая ситуацию.

Прогремел выстрел, срезавший ветку над самой головой мужчины. Он резко присел и как раз вовремя — вторая пуля вошла в березу в том месте, где он только что стоял. Иволгин кинулся к оружию, подобрал и приподнялся, чтобы отражать нападение, но этого не потребовалось.

Браконьер успел перезарядить ружье, вскинуть его — и все. Из кустов выскочил волк, прокусил кисть и разодрал плечо.

Воющий громила рухнул наземь — двустволка отлетела в сторону.

Браконьера-коротышку нигде не было видно — видать, испугавшись — убежал.

Волк повертел головой, осматриваясь, затем развернувшись, глянул на Иволгина. Желтые глаза внимательно и напряженно уткнулись в мужчину. Гипнотический взгляд жителя леса, словно хотел что-то сказать, о чем-то напомнить.

Виктор опустил карабин, а свободную левую руку наоборот поднял над головой и, помахав хищнику, крикнул:

— Я тебя узнал! Спасибо!

Это был тот самый волк, которого лесничий спас зимой, с неровным белым треугольником на лбу. Только теперь он оказался повзрослевшим, выросшим, ставшим более крупным и сильным зверем.

Его умный взгляд как бы говорил: «Ты меня тогда спас — кормил, выхаживал, заботился. Я твою доброту не забыл, поэтому сегодня тебе помог».

Волк открыл пасть, и Виктору Степановичу показалось, что тот улыбнулся.

«Нет, ерунда какая-то. Почудилось. Звери не умеют улыбаться».

А хищник развернулся и одним прыжком скрылся в кустах.



Георгий Горький
(г. Москва)

СВОБОДА
Повесть



Настоящее имя — Георгий Панкратов. Финалист независимой литературной премии «Дебют» (2014). Участник лонг-листа литературной премии «Ясная поляна» (2015). Лауреат конкурса «Северная звезда — 2014» журнала «Север». Финалист Международного литературного форума «Славянская лира — 2015» (2-ое место по версии зрительских симпатий). Финалист Международного литературного форума «Славянские традиции — 2015». Финалист литературной премии «Золотая тыква» (2014). Третье место на межрегиональном литературном конкурсе им. Твардовского «За далью даль» (2014), участник лонг-листа конкурса «За далью даль» (2015). Полуфиналист премии «45-й калибр», сезон 2013—2014. Обладатель диплома в номинации «Особый взгляд (Поэзия)» на всероссийском конкурсе «Верлибр» (2015). Родился в Санкт-Петербурге, в разное время проживал в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Омске. В настоящее время проживает в Москве и Севастополе. Публикации: «Нева» (Санкт-Петербург), «Нижний Новгород», «Север» (Петрозаводск), «Кольцо А» (Москва), «Волга — 21 век» (Саратов), «Иные берега» (Хельсинки, Финляндия), «Интеллигент-Москва» (Москва), «Наше поколение» (Кишинев, Молдавия), «Литература», «Первая роса» (Ульяновск), «Пегас» (Санкт-Петербург), «Артбухта» (Севастополь), «Процесс» (Прага, Чехия), «Эрфольг», «Русская жизнь», «Новая реальность», «Литературно-философский журнал «Топос», «Ликбез», «Истории о любви», «Мастерская Евгения Берковича», «45-я параллель», «Современная сетевая словесность», «Город Пэ», «День литературы».

1

Дело было в одном из самых обыкновенных московских дворов, каких тысячи. Где — говорить не стану: время сейчас такое, к тому же из дальнейшего рассказа вы и сами поймете почему. Скажу лишь, что была весна. Солнце светило, и становилось тепло. Был один из тех первых благословенных дней, когда для выхода на улицу уже не требовались зимняя куртка и теплый шарф, было достаточно легкой ветровки, а шапка так и вовсе отменялась. В такую погоду мы с любимой всегда ходили куда-нибудь: полюбоваться пробуждением природы, постоять у озера, поулыбаться друг другу. Хотелось кричать «ура», ведь с каждым годом весна все дороже, все ласковей и милей сердцу. Становится уютней во дворах, когда зеленеют деревья, на них поселяются птицы, и бегают между ними игривые кошки и маленькие детки. В глубине одного из таких дворов, за старым перекошенным забором спрятался ничем не примечательный старый кинозал, по совместительству — Дом культуры. Впрочем, здесь я преувеличил: конечно, он никуда не прятался, просто был незаметен сам по себе. Он давно не выполнял своих прямых функций, и разве что «пивная молодежь» лю-

била собираться на его крыльце, кучкуясь возле двери с огромным замком. Но иногда дверь открывалась, внутрь проходили люди, и в окнах старого здания даже горел свет. Как это ни казалось удивительным, но у старой развалины даже была директор, и периодически она сдавала старый кинозал в аренду, получая символическую прибыль и душевное удовлетворение: мол, «мы еще нужны кому-то», «мы полезны». Галина Федоровна, бодрая женщина лет шестидесяти в огромных толстых очках так и называла свой старый ДК — «мы».

И сейчас под общие аплодисменты сидящих на нескольких рядах зала мужчин она выходила к импровизированной трибуне — высокому столу, на котором были хаотично разбросаны какие-то бумаги, рядом стояли ноутбук, чашка, тускло светившая настольная лампа и микрофон. Возле стола ее уже ждал ведущий — мужчина в черном строгом костюме, аккуратных очках, бритый наголо.

— Мы все должны поблагодарить Галину Федоровну, которая согласилась предоставить нам помещение в это непростое время,— произнес он и жестом пригласил женщину к микрофону.

— Спасибо, спасибо, ребятки,— заулыбалась та.— Главное — соблюдать правила пожарной безопасности,— на этих словах все в зале почему-то засмеялись.

— Галина Федоровна знает, что говорит, потому что именно на этом основании нам отказывают в проведении встреч другие ДК и более-менее приличные залы. Не исключено, что сюда нагрянет пожарная охрана для того, чтобы под предлогом вымышленных нарушений выгнать нас отсюда, а заодно лишит законных прав и должности нашу Галину Федоровну. Поэтому смелая женщина рискует, предоставляя помещение нам, преследуемым чуть ли не как экстремисты, этот кинозал. Поблагодарим же Галину Федоровну: спасибо вам, дай вам Бог здоровья!

С первых рядов раздался крики: «поддерживаем!», «спасибо!». Галина Федоровна явно засмушалась:

— Да что вы, ребятки,— улыбалась она.— Собирайтесь ради Бога. Только не мусорьте тут. Я ж вижу, что вы никакие не эти... Не террористы.

— Экстремисты,— поправил мужчина в очках.

— Экстремисты,— повторила женщина незнакомое слово.

— Да мы вообще, можно сказать, интеллигенты,— дружелюбно произнес мужчина.

— Вот-вот,— зашумела Галина Федоровна.— Интеллихенты. Все верно, молодцы ребята, беседуйте тут. А я пойду по своим делам покамест. Буду нужна — так я у себя в кабинете. Предписания почитаю. А то нас сносить хотят. Эх, черти...— она махнула рукой и двинулась в сторону двери.— Может, в последний раз собираетесь. Скоро здесь все снесут, скоро вообще все снесут.

— Э, нет,— крикнул вдогонку мужчина, но Галина Федоровна уже не слышала: она вышла из зала и хлопнула дверью.— Мы этих пораженческих настроений не разделяем, но Галину Федоровну благодарим.

— Правильно,— послышался недовольный голос из зала.— Дальше что?

— Я хочу поблагодарить и всех вас,— продолжил мужчина,— За то, что вы пришли сюда, хотя у всех вас наверняка есть дела, как у всех нормальных мужчин, семьи и всякие заботы. Мы знаем друг друга по группам «В контакте», в «Одноклассниках», нас немного пока, и все единомышленники могли познакомиться, перезнакомиться в сети. Что мы, собственно, и сделали. Здесь все свои, и никому не нужно говорить лишних слов, высокопарных фраз, я уверен, ни у кого из вас нет желания тратить время на формальности и пустяки. Здесь вы можете взглянуть в глаза товарищам и убедиться, что эти глаза не врут. Что каждый из нас пришел сюда с одним и тем же вопросом — что делать дальше? И каждый из нас пришел сюда с понимани-

ем, что делать что-то необходимо. Что? Это нам предстоит решить вместе, потому что каждый из сидящих здесь, я надеюсь, понимает, что только вместе мы можем дать отпор нарастающей агрессии автомобилистов.

Раздались редкие хлопки. Люди в зале были ощутимо напряжены, чувствовалось, что они не хотят слушать длинные речи. Сидящие мужчины были примерно одинаково одеты — простые строгие костюмы, джинсы, рубашки, свитера, многие небриты, бородаты. Волосы у некоторых были взлохмачены, у других, наоборот, преждевременно выпали, и в своем молодом возрасте они довольствовались редкой растительностью на голове. Среди мужчин встречались и студенты, но преобладали тридцатилетние; мелькали лица и старше. Женщин в зале не было.

— Ну хорошо,— пробормотал кто-то из них.— Давайте знакомиться, делиться новостями.

— Давайте делать что-то,— неуверенно поддержали его в зале.— Да, давайте что-то делать.

— Вы хотите что-то сказать? — спросил мужчина с микрофоном, увидев, что человек с заднего ряда тянет руку.— Подходите сюда, пожалуйста. Прошу вас.

Собравшиеся обернулись в сторону того, кто пожелал высказаться. Это был крепкий парень в белом свитере, аккуратно выбритый, коротко стриженный. Идя к микрофону, он сосредоточенно смотрел перед собой.

— Прошу, ваше слово,— ведущий передал ему микрофон и отошел.

— Благодарю,— резко ответил парень.— Я так вижу ситуацию, что мы сюда пришли и не знаем, чем заняться. Я вам скажу, чем заняться. Прежде всего, нам надо заявить о себе. Для того, чтобы мы могли заявить о себе нашим... ну, не стану говорить — врагам, нашим оппонентам, мы должны заявить о себе здесь. Мы должны определиться, решить, кто мы.— Голос его был прерывистым, грубым, но люди слушали внимательно, не отвлекались.— Потому что одно дело, знаете, в домашних тапочках сидеть в соцсетях, другое — собраться реально протестовать, знаете...

— Ну почему же сразу протестовать! — воскликнул кто-то из задних рядов, и на него обернулись.

— А что же, простите, делать? — ответил парень.— Нас не замечают, с нашими правами не считаются, нас убивают,— он сорвался на крик.— А мы, значит, пришли Галину Федоровну поблагодарить!

— Ну, лично меня никто пока не убивает,— взял слово высокий человек с переднего ряда в аккуратном пиджаке и при галстук. От него пахло парфюмом.— Позвольте,— он обернулся к ведущему и кивком головы указал в сторону стола с микрофоном.

— Да, конечно,— неслышно ответил тот. Человек подошел к столу и встал рядом с парнем в белом свитере.— Никита Борисович,— представился он.— В сети я бываю часто, те, кто в группе, должны помнить.— В зале закивали.— Я хочу сказать, что наша задача на данном этапе — не заявлять о себе в такой резкой и грубой форме. Я имею в виду, конечно, не здесь.— Он покосился на парня.— Я имею в виду, в обществе. Вы видите, сколько нас здесь.— Он выдержал паузу.— И насколько разумно, целесообразно сейчас агрессивно себя кому-то противопоставлять. Нас и так записывают в экстремисты, зная лишь по маленькому сообществу в сети, и уже ставят палки в колеса.

— Если так можно сказать про общество пешеходов,— с улыбкой произнес ведущий с первого ряда. Все-таки, ведущим он был не зря.

— Вот,— подхватил Никита Борисович.— Общество пешеходов. Нам нужно зарегистрировать себя как общество пешеходов. Как есть, знаете, общество автомобилистов, да не одно, знаете, а их куча — а вот общества пешеходов никогда не было. И

в него будут вступать! Нам необходимо публично порицать случаи хамства со стороны автомобилистов, предавать огласке вопиющие нарушения, встречаться, дискутировать и, таким образом, вырабатывать какие-то предложения, меры, обращаться с ними, знаете...

— То есть хотите создать кружок? — прервал парень в свитере. — Я вас читал, вы только и умеете, что жаловаться на жизнь. У нас тут будет кружок анонимных алкоголиков. — В зале засмеялись. — А у меня на кружки нет времени, у меня дочь ходит в кружки, еще и я буду... А ходит, кстати говоря, по тем же дорогам, что и все мы, и ей угрожают все те же опасности, только гораздо серьезнее. Потому что она ребенок. То, что происходит сегодня на дорогах — это беспредел, вы хоть это понимаете? А вы хотите беспределу противопоставить кружок?

— Господа, — прервал их ведущий. — У нас уже начинаются споры. Я призываю вас не забывать, что все мы находимся на одной стороне. Все мы — пешеходы, и все мы собрались здесь для того, чтобы «встретиться в реале», узнать друг друга. Нас всех объединяет одно общее — мы ходим по улицам Москвы пешком. Мы понимаем, что это небезопасно. Мы понимаем, что тем, кто нарушает права пешехода, кто не замечает нас, кто не считается с нами, нужно давать отпор. Создание общества — это не предмет спора. Собравшись сегодня здесь, мы уже создали общество, а точнее — мы создали его раньше, в Одноклассниках и Контакте. Но нужно смотреть шире. Общество — это не только мы. Пешеходы — это не только мы... Мы представляем здесь не только свои личные интересы, и не столько свои — мы представляем интересы каждого и защищаем каждого, кто беззащитен сейчас на улицах и дорогах нашего города. Нам нужно работать, чтобы каждый человек чувствовал себя защищенным от кровавого беспредела автомобилистов. Вот такую мы должны ставить перед собой задачу, такой поднимать флаг. Предлагаю почтить память Елены Егоровой, 22-летней студентки, москвички, переходившей дорогу на зеленый сигнал светофора в районе Отрадном, в вечернее время суток. Елену сбил неизвестный на автомобиле марки BMW — увидев издали светофор, он решил не останавливаться. Не остановился он и после того, как сбил девушку. Оказавшиеся рядом прохожие пытались помочь Елене, но она скончалась до прибытия скорой помощи. Номера автомобиля преступника никто не запомнил, наказывать некого.

— Сволочь, — тихо сказал кто-то в зале.

— А камеры видеонаблюдения? — спросил Никита Борисович.

Парень в свитере посмотрел на него с плохо скрываемым презрением:

— Вам ли не знать, что камеры видеонаблюдения всегда на стороне автомобилиста? А если не на стороне, так они резко куда-то исчезают: были — и фигак, не стало. Нет доказательств, и все тут. Так были же, говорят? А нет, сплыли.

— А «скорая»-то, что «скорая»? — крикнул кто-то из зала. — Почему так долго приезжает «скорая»? Совсем уже охренели!

— Вот на «скорую» попрошу не гнать, — вскочил кто-то с другого ряда. — Я врач скорой помощи, и я вам клянусь, что мы делаем все... Ну вот буквально все возможное, чтобы... в эти ситуациях... — Молодой парень явно волновался, подбирая слова. — В этой ситуации, когда на дорогах одна сволочь, добираться к людям... с минимальными потерями. Временными, физическими, материальными... — Он, похоже, запутался, но тут его вовремя поддержал сосед, человек в тонких круглых очках с рыжей бородкой:

— Совершенно согласен, «скорая» бессильна, потому что ее никто не пропускает, не дают дороги, а то и теснят, подрезают, вообще всячески мешают движению.

— Все так, — подтвердил врач. — Пропустить «скорую» — это же западло считается. Как так, я, нормальный пацан, 777, все дела, пропущу какую-то социальную службу. Бесплатную, блин! Я лохом буду же, петухом! — Он явно заводился.

— Да, 777-й регион — это сильно,— покачал головой сосед.— Господи, куда мы катимся? А вот была история из Питера, по-моему,— все видели, но в нашей группе почему-то не помню. Когда тетка отказалась разъехаться со «скорой» во дворе. Стоит и орет, ничего, говорит, не знаю, я вот стою здесь и все. А вы лишние, вы и уезжайте. А с той стороны выезда тоже нет — никак не уехать им. Так и стояли.

— Да, помню тот случай,— оживился Никита Борисович.— И не какая-то ведь пафосная девочка была, а просто тетка — грубая тетка на раздолбанной иномарке. Просто больная.

— Так,— прикрикнул на них ведущий.— Тишины! Прошу всех тишины! Проявите уважение. Я объявил минуту молчания в память о погибшей от бесчинств автомобилистов. Все споры оставим на потом.

Мужчины встали со своих мест и склонили головы. Парень в свитере и Никита Борисович присоединились к первому ряду, ведущий, напротив, занял привычное место возле стола.

Когда отведенная минута закончилась, люди присели на кресла, но снова не знали, как и с чего начать разговор.

— Мне порой кажется, что водители — это какой-то параллельный мир,— медленно и спокойно проговорил человек с бородкой.— Когда смотришь записи с регистраторов, создается впечатление, что ад — здесь, на Земле. Наличие автомобиля меняет сознание человека настолько, что, едва сев за руль, он превращается в зверя. Царапина, обгон, кто-то перестроился из полосы в полосу, занял свободное место на парковке — все, человека больше нет, просыпается зверь.

— Уважаемый,— откликнулся на эту речь ведущий.— Прошу вас на сцену, мне кажется, вам есть что сказать всем собравшимся. Представьтесь, пожалуйста, нам.

— Не беспокойтесь,— осадил его человек с бородкой.— Мне вполне удобно в этом кресле. А зовут меня Ефим, если это кому-то интересно, в группе я состою. Что меня интересует во всей этой истории, так это психология. Психология людей, для которых автомобиль становится центром вселенной. Я, по большому счету, сколько лет прожил, а так и не избавился от твердой убежденности в том, что авто — это просто средство передвижения. Все эти споры из-за царапин, биты, монтiroвки, резкие старты, обгоны, подрезы — я смотрю на это и думаю: как низко еще может пасть человечество? Как можно человеческую жизнь ставить меньше, чем какая-то микроскопическая царапина? Микроскопическая даже по отношению к самой машине, что уж говорить о космосе... А из-за царапин людей избивают — просто вытаскивают из салона и избивают ногами, битами, бьют насмерть. Из-за царапины. Из-за того, что не уступил дорогу.

— Я с этим соглашусь,— неожиданно поддержал его мужчина с густыми усами, одетый в клетчатую рубашку. Он производил впечатление самого старшего из собравшихся, а помимо этого — изрядно пьющего человека. Однако если он и был сейчас нетрезв, то лишь слегка.— Меня зовут Олег, и я рабочий. Знаете, у меня как оно всегда в семье было. Родители мне объясняли, что пешеход — король на дороге. Что есть специальные зебры, есть светофоры, есть просто, наконец, правила приличия — понятия там, знаете. Ну, видишь женщину с коляской — так пропусти женщину с коляской, видишь бабушку с палочкой — пропусти бабушку с палочкой, подожди. Ничего страшного, ты все равно на машине, успеешь быстрее, куда там тебе надо. Но все оказалось не так. Довольно быстро я понял, что королем на дороге является автомобилист, а пешеход — это всегда жертва, он всегда должен бояться, всегда должен пропускать учтиво все автомобили, потому что перед ним никогда никто не остановится. Он не представляет для автомобилиста опасности, силы — а потому его можно не замечать. И вот наша задача, ребята, я считаю, сделать так, чтобы пешеход

представлял силу, чтобы хочет-не хочет автомобилист, а был вынужден считаться с нашими правами.

Простая речь рабочего была встречена аплодисментами, кто-то из сидящих рядом с ним парней пожал ему руку и поблагодарил. Слово взял парень, сидевший с краю последнего ряда. Его никто не замечал, пока он сам не вызвался. Голос его дрожал, но молодой человек очень хотел высказаться:

— Я студент,— начал он.— Зовут меня Дима. Каждый день я езжу в универ, и для того, чтобы попасть туда, я сажусь на трамвай — это самый удобный вид транспорта: пешком, все-таки, долго, ну а на метро — с тремя пересадками через центр. И до метро еще нужно пройти, заметьте. Но для того, чтобы доехать на трамвае к первой паре, мне приходится вставать чуть ли не в пять утра. Потому что на то расстояние, которое трамвай преодолел бы минут за 40, он каждое утро тратит часа три — и это только от моего дома до универа. Потому что пробки бесконечны, а трамвайные пути забиваются бесцеремонными водителями, которые стоят, довольные собой, и мешают проехать общественному транспорту. Почему, если один автомобилист подрезает другого, или становится у него на пути, как здесь сказал уважаемый Ефим, выходят ребята с битами, а когда нахальные водители становятся на трамвайных путях, полностью наплевав на людей, которые стоят в нем и тоже нервничают, тоже опаздывают, почему, я спрашиваю вас,— он повысил голос,— не может водитель трамвая, или несколько крепких пассажиров выйти из салона и преподать урок зарвавшемуся ублюдку, вытащить его из теплого салона и мордой в снег, в снег,— последние слова он произнес с особенным наслаждением, забыв о том, как волновался, начиная свою речь.

— Ну, это ты слишком, парень,— заговорили с мест.— Ты на себя посмотри, студентик, не доедаешь ведь? Ты, что ли пойдешь, трамваю дороги расчищать?

— А я вот поддерживаю,— усмехнулся рабочий.— Да только такого, конечно, не будет. Я в детстве был романтиком. Я верил, что мне опасаться стоит только частных автомобилей. Потому что у них за рулем — люди, которые думают только о себе, они сидят, защищенные со всех сторон, и их не интересуют ничьи больше интересы. Они могут тебя задавить просто потому, что им на тебя на...ть. А вот машина скорой помощи задавить не может. Машина милиции — не может. Аварийка — тоже. Трамвай, троллейбус, автобус — тем более, они работают для людей, перевозят людей. И я никогда их не боялся, прям чуть ли не перед их носом выныривал из кустов и перебежал дорогу — не задавят, свои же...— Он рассмеялся.— Но сейчас я думаю, ребята, что это ерунда. Что все трамваи, троллейбусы, «скорые» — они такие же участники движения, такие же автомобилисты. И они — такая же опасность, среди них такие же нарушители. Ну а менты — вы, наверное, сами понимаете. Эти вообще ничего не боятся.

— Ничего подобного,— прервал его парень в свитере.— Трамвай — это общественный вид транспорта. У него должен быть приоритет. Если ты попал под трамвай, то, извини меня, сам дурак. Попасть под трамвай — еще надо постараться, так что говорите вы ерунду. А вот то, что трамваи не пропускают — действительно реальная проблема, ее надо обсуждать. Какого хрена при авариях стоят трамваи? Два придурка на путях поцеловались, у одного стекло из фары рассыпалось, у другого — вообще, так, царапинки. И стоят. Один курит, дебил, другая, баба дурная, по телефону звонит, а за ними трамваев двадцать уже — и все должны на них любоваться: вот вы молодцы, вот красавцы. Вы главное — помиритесь, главное договоритесь, а мы уж как-нибудь сами пешочком, вы извините, что мы тут, но мы же быдло, вы ж понимаете, но ничего, скоро нас не будет. А трамваи стоят. Вот только сегодня видел, братва! Так скажите мне, разве это нормально вообще: когда из-за двух человек страдают

двести. Им, видите ли, нельзя покидать место аварии. Да катитесь вы к черту в ад вместе со своим местом аварии, дайте людям проехать! Пусть это как-то законодательно регулируется, не знаю, значит, нужно добиваться этого. Приоритет должен быть у общественного транспорта, банально потому, что в нем — большинство. И у пешехода. Вот чего мы должны добиваться, а не просто сидеть тут, языком трепать.

Он сел. Ведущий прошелся возле первого ряда людей, словно о чем-то задумался, но быстро вернулся в реальность.

— Вот вы... Как вас зовут, скажите, пожалуйста,— обратился он к последнему оратору.

— Вадим меня зовут,— ответил, словно огрызнулся, парень.

— Вадим, понимаете, пешеход ли, пассажир общественного транспорта, любой человек, у которого нет личного автомобиля — он имеет свойство меняться, едва у него появляется автомобиль. Причем, как справедливо заметил наш Ефим, меняться не в лучшую сторону.

— Это вообще свойство любого человека,— буркнул Ефим,— который получал что-то большее, чем имел раньше.

— Соотношение пешеходов и автолюбителей, если можно так назвать людей, не признающих никаких правил, постоянно меняется. Этот процесс происходит ежедневно — кто-то приобретает автомобиль, кто-то заодно и права, и в одночасье переходит из категории людей, которых мы должны защищать, получается, о которых должны заботиться, в категорию наших противников.

— Это верно,— бесцеремонно перебил его рабочий. Кажется, он все-таки был пьян.— У меня был друг, Колька. Так он как поднялся, машину купил, едет, на пешеходов плюется: мол, вы бараны, козлы все. Так, говорит, и давил бы — мне, другу своему, в разговоре. Менты, говорит, озверели — кто-то на остановке там шесть человек сбил, а они устроили облаву — ловят всех вообще, без разбору, на тестере проверяют. Так я, говорит, что, теперь не могу пьяным ездить? Я, говорит, полжизни поднимался, ж... рвал, из последних сил просто — и вот теперь, что, не могу расслабиться? Я добился, говорит он мне, я откуплюсь. Я говорю: а твою дочку, если вот собьет такой же, как ты рассуждающий? Такой же, поднявшийся? А он говорит: мою дочку никто не тронет. У меня, мол, все куплено, побоятся. Нет, говорю, пьяный за рулем не побоится...

— Спасибо вам,— оборвал его ведущий.— Мы ваше мнение ценим и с ним согласны. Поэтому я и считаю, и хочу обратить ваше внимание, всех здесь присутствующих на главное: наша задача — работать не только с теми, кто сейчас автомобилисты, но и с пешеходами, и с пассажирами тех же трамваев — с простыми людьми на улицах, со своими товарищами, друзьями, родственниками. Противостояние злу — это не только борьба с конкретными беспредельщиками, это недопущение того, чтобы зло разрасталось. Мы должны работать с людьми, воспитывать в них культуру, апеллировать к их лучшим человеческим качествам, прививать им правильные ценности — взаимопонимания, помощи, отношения к ближнему как к человеку, обладающему теми же правами, что и ты — будь он пешеход или автомобилист. Нас ждет трудная, кропотливая просветительская работа.

— Позвольте,— громко сказал Ефим.— Вот мы недавно вспоминали девушку, которую кто-то сбил в Отрадном. У меня в руках ноутбук, и ... я, конечно, не ожидал, что у Галины Федоровны здесь еще и WI-FI есть, как ни странно. Я вам хочу кое-что зачитать, уважаемые. Блог человека. Неизвестного нам человека в Живом журнале. Цитирую: «Видел сегодня утром жуткую картину: сбитый движущимся с большой скоростью автомобилем пешеход взлетел высоко в воздух, фрагментируясь в полете на тело, обувь, сумку с нифелем, головной убор, и рухнул на асфальт уже изломан-

ным трупом. Тело, всего лишь минуту назад бывшее человеком, гордо и свободно взмыло над грязной, приземленной действительностью, причем в процессе последнего полета произошел исход души из брэнного тельца в астрал... Романтично, черт возьми, готично и символично, аж дух захватило! Сразу вспомнилось, как я лет 7—8 назад переехал колесами моего автомобиля труп человека. Было это на Ярославке в Мытищах, в сторону Москвы...» Далее этот мерзавец описывает, как все автомобилисты, следовавшие за ним, переезжали тело человека и подмигивали ему фарами в знак солидарности:

«Напоследок снова бросаю взгляд назад — поток не прервался, никто не включил аварийку, значит — ни один из следующих за нами водителей, переехав труп, не остановился, как не остановились мы. Потому, что мы — братство. Взаимовыручающее шоферское братство...» Скажите мне, уважаемый ведущий, как вас зовут, кстати?

— Андреев Сергей, я руководитель группы.

— Прекрасно, руководитель группы. Так вот скажите мне: я только что зачитал, скажем так, взгляд другой стороны на проблему. Вам все ясно? О какой просветительской работе может идти речь? Какая здесь возможна просветительская работа?

— Я вам больше таких случаев расскажу,— вклинился в разговор студент Дима.— В Нижегородской области, в Богородском 24-летний паренек под кокаином дважды выстрелил в голову из травматического пистолета в заслуженного врача. Ему 51 год был.

На первый взгляд, очевидная ситуация. Всем понятно, кто здесь хороший, а кто плохой. Врач с мировым именем против наркомана с оружием в руках и без всякого почтения к возрасту в голове. Кажется, в Нижегородской области столкнулись воплощенные Добро и Зло,— на этих словах руки студента затряслись — Но на деле не все так просто. Врач — это не характеристика личности, возраст — это не показатель адекватности и не гарантия хороших манер. Кто был инициатором инцидента — мы не знаем. Но эта ситуация показательна. Самые бессмысленные и беспощадные, нелепые и жестокие разборки случаются в среде автомобилистов. Не поделили дорогу, не уступил, рванул раньше, пошел на обгон, припарковался не на свое место — это все вызывает реальную, нечеловеческую ненависть. А ведь какие глупые и ничего не значащие ситуации. Если хоть немного вдуматься! Но именно «вдумываться» на дороге не принято. Каждый водитель считает себя богом. Свали с дороги, едут боги! — такой посыл он дает окружающим, и такой же посыл получает от них.

В зале опять зашумели.

— Но Автомобильный Бог един,— продолжил студент.— И он магически меняет людей, подчиняя их себе: кого-то на время пути, кого-то на веки вечные. Видимо, он что-то забирает взамен, наделяя человека способностью смачно плевать на дорогу, чуть приоткрыв окно, и орать: «Куда прешь, козел?» А иногда — забирает и самого человека.— Дима замолчал и, смутившись, добавил: — У меня все.

— Ха, про «свали с дороги» — это он четко сказал,— снова поднялся Олег.— Вы смотрели видюху про таинственного гонщика? — обратился он к залу.

— Какого еще гонщика? — выкрикнул кто-то с места.

— У меня была на телефоне, да вот незадача — телефон в унитаз уронил утром,— он засмеялся.— Black Devil его звали, ну, он сам себя звал. Парень без определенных занятий, вроде как студент, очевидно, что представитель этих... «позолоченных». Выложил видюху, как гоняет по Москве: на такой скорости, правила все пофиг, на прочих водителей — пофиг. Вы знаете, ездит красиво,— рабочий задумался.— И зла, по правде вам скажу, не вызывает. Ну, это просто трюкачество. От ментов уходит грамотно, как в игрушке. Но, ребята, я смотрю на это все, смотрю на сотни комментариев, и думаю: это же призыв к действию. А давайте все так ездить, давайте

каждый на своей раздолбанной «Ладе» или «девятке» будем творить беспредел. Получится не так красиво, это ж ясно. Но у всех в голове зажигается эта лампочка, после просмотра: хочется так же, чтоб без тормозов. В меру своих, конечно,— он прокашлялся.— скромных возможностей.

— Миллионы водителей хотели бы ездить так, да не могут себе позволить,— сказал ведущий.— Но нарушить хотя бы единожды, исподтишка, какое-нибудь правило считает своим долгом каждый: кто на красный рвануть, кто в магазин пьяным съездить, кто во что горазд. Водитель, решивший ездить аккуратно, по правилам, спокойно, на дороге вызовет раздражение, будет «белой вороной», «козлом», а в дружеских кругах столкнется с непониманием. В дружеских кругах гордятся, что гоняют бухими. К сожалению. Поэтому здесь я с нашим Олегом согласен.

— Социальный статус в нашей стране вообще измеряется тем, на мнение скольких людей беспрепятственно можно плевать,— включился в разговор Никита Борисович.— А когда он становится слишком высок — слово «мнения» можно менять на «жизни». Только-то и всего. Средний класс культивирует семейные ценности, но исключительно внутри своей семьи — а за ее пределами ничего нет, ни других детей, ни других женщин, там лишь освещенная трасса, по которой несется вот этот... как его там, Black Devil,— он тяжело вздохнул.— Там можно ехать по встречке, сбивать бабулек и сносить остановки, и ничего, никогда тебе за это не будет — главное, чтобы скорее подняться, чтобы все это скорее было можно! Как тот приятель ваш, Олег.

— Запрещать надо такое видео! — крикнул Олег.— Я, хоть его и смотрел, но другим не советую. Этих, гомосеков запретили, хотя шут с ними, пора изымать и такие записи.

— Эх,— вздохнул Никита Борисович.— Откуда у вас, у рабочих, вот эта вечная тяга: запретить что-то, изъять что-то? А что ж вы смотреть-то на работе будете? На телефонах своих канал «Культура», что ли? — он демонстративно отвернулся от Олега.

— А что? — поддержал рабочего Вадим.— Дело мужик говорит. Все так. Запрещать надо.

В зале одобрительно зашумели: запретить, запретить.

— Тогда уж надо и «Стопхам» запрещать,— проворчал Никита Борисович.

— «Стопхам»-то за что? — изумился Вадим.

— Одни недоумки против других выступают.

— Я вот что-то не пойму,— произнес Вадим.— А что вы вообще делаете на нашем собрании?

— Я за противостояние умных, интеллигентных людей хамам, а не за противостояние одних хамов другим,— спокойно ответил Никита Борисович, глядя ему в глаза.— Я излагаю понятно?

— Господа! — прервал их ведущий.— Мы, конечно, не «Стопхам». Они работают на публику, приобретая посредством благой, вроде, идеи, сторонников совсем в другой борьбе. Как и все эти движения против наркотиков, педофилии и прочего. Но Бог им судья. У нас иные задачи. Мы не работаем на публику, мы не снимаем шоу, мы не продаем рекламу в наши ролики. Мы меняем сознание людей. Мы воспитываем, как верно заметил Ефим, умных, интеллигентных, воспитанных людей. Прежде всего, водителей. Но и пешеходов тоже. А решать, кого запрещать, а кого не запрещать — это уже не нам.

— Нет,— не согласился Ефим.— Решать, что запрещать, как раз нам. Мы должны запрещать хамов. Мы должны собраться здесь, и запрещать, запрещать, запрещать. До тех пор, пока не запретится,— речь его стала гневной.— Я вам еще читаю, коли не верите. А то уж больно мягкая у вас позиция,— он поправил очки.— «У подъезда дома № 20 по ул. Менделеева несколько человек в масках, вооруженные

бейсбольной битой и резиновой палкой, оттолкнув женщину и ребенка, напали на мужчину и жестоко его избили. После чего сели в машину и уехали. В результате полученных травм гражданин скончался. По версии следствия причиной кровавой разборки со смертельным исходом стал конфликт накануне по поводу парковочного места». Далее: «В среду, 29 мая, там была убита женщина и покалечен ее муж. Разгневанный автомобилист задавил супругов на глазах у их несовершеннолетнего сына. Водитель «Volvo S-80» припарковал свою машину у края проезжей части, а 32-летнему местному жителю не понравилось, как он это сделал. Мужчина сделал автомобилисту замечание, после чего завязалась драка. В ходе драки 36-летняя супруга местного жителя вмешалась в конфликт и разняла мужчин. После этого водитель сел в автомобиль и путем резкого нажатия на педаль акселератора совершил наезд на мужчину, от которого потерпевшего отбросило на газон. Затем, не снижая скорости, умышленно совершил наезд на женщину и переехал ее колесами автомобиля, после чего с места происшествия скрылся. От полученных повреждений женщина скончалась на месте, мужчина с травмами ног и грудной клетки был госпитализирован в Подольскую городскую клиническую больницу. Следователи уточняют, что все события происходили на глазах несовершеннолетнего сына потерпевших». — Ефим оторвал глаза от экрана. — Вам этого недостаточно?

— Ну и что же вы здесь предлагаете запретить? — спросил Никита Борисович.

— Запретить таких людей, — ответил Ефим.

— Но как можно запретить людей?

— Отстрелом, — ответил, поглаживая бородку, Ефим. — Обыкновенным отстрелом.

— И вы, должно быть, считаете себя интеллигентным человеком? — покачал головой Никита Борисович.

— Отнюдь, — возразил Ефим. — Давайте не переходить на оскорбления.

— Вообще, говорить про отстрелы хорошо, — вступил в разговор студент Дима. — Пока сидишь в этом теплом зале, и знаешь, что вернешься по весенней улочке домой.

— Если тебя Black Devil не собьет, — засмеялся Олег.

— Это точно, — оценил шутку юноша, — Но порой такие мысли посещают, это правда. Возьмите воркутинскую историю. Почитайте комменты — тысячи людей кричат: расстрелять его, мерзавца! И их понять можно.

— А что за история? — спросил кто-то, и все обернулись к нему: как, вы не знаете.

— Одну минуту, — Ефим вновь открыл ноутбук. — Зачитываю: «Камера видеонаблюдения, расположенная на одной из улиц Воркуты, запечатлела, как автомобиль BMW X5 сбивает женщину: пострадавшая падает, машина останавливается, однако затем медленно переезжает лежащего на дороге человека. После этого злоумышленник скрывается с места происшествия. Другой источник указывает, что водитель дорожного стоящего внедорожника сбил не только женщину, но и мужчину, однако этот инцидент не попал в кадр. Оба пострадавших были госпитализированы в тяжелом состоянии. Водителя аварии задержали, однако отпустили на свободу через несколько дней. Известно, что мужчина грозился засудить потерпевшую женщину за материальный вред, причиненный его автомобилю.

В зале наступило тягостное молчание. Прервал его голос Вадима, ставший вдруг тихим и неожиданно мягким.

— Там известно, что это бизнесмен, король металлолома. Останется безнаказанным.

— Остается только кричать, — сказал Дима. — Когда слышишь, читаешь такое, остается только кричать: «Ты, гнида, чтоб ты сдох» — в бессилии. Потому что ты

ничего не можешь поделать, вот я, обычный студент — как я могу противостоять такому? Женщине 38, мужчине 36. Может, семья. Может, семья могла быть. Люди, люди,— он сел, продолжая шептать что-то, словно в исступлении.

— Вообще, я верю, что миры де Сада существуют,— неожиданно заявил Ефим.— Когда я вижу такие сообщения, я понимаю, что де Сад писал о нас. И наверняка, такие, как в Воркуте, а тем более — выше, причастны не к одному убийству и истязанию людей. Мне кажется,— обратился он к собравшимся,— ведь не зря же регулярно появляются объявления, что пропадают люди. Красивые девушки, молодые мальчики. Ведь не НЛЮ же забирает их? Они пропадают без следа, и никто никогда не находит их. И я вам скажу, господа: это де Сад, писатель—реалист. А, что думаете?

— Не знаю, не читали,— недовольно сказал Олег.— Вы зачем нам тему переводите?

— Я не перевожу, я с самого начала говорю об этом,— Ефим развел руками.— О людях.

— Слово люди пишется с большой буквы,— проорал кто-то с заднего ряда, и все увидели молодого неформала в футболке с надписью «Гражданская оборона». Странно, что за все собрание он так и не сказал ни одного слова, и вообще, никак не обращал на себя внимания.— Хой! — крикнул он.

— Возможно, вы что-то хотели сказать? — осторожно спросил ведущий.

— Да,— неформал встал и громко, отчетливо заговорил.— Я Каспер, я панк. Вот это нытье вообще слушаю с трудом. Ныть — это не наш метод, орать — это не наш метод.

Нужно заряжаться на победу! Чего вы ноете над этой бабой в Воркуте? Там, в Воркуте, все такие. Такие, как и везде. Главное понять — любой автомобилист таков, и любой автомобиль может быть использован как оружие. Оружие против нас, мирных людей.— Панк рыгнул, заставив сразу нескольких собравшихся поморщиться.— Он сделал это не потому, что он богат, а потому что он отморозок. Любая мразь на «девятке», любая озверевшая мразь, говорю вам, может повторить то же самое — в любой момент, в любом городе. В Москве, может, откупиться сложнее. Только-то и всего. Но какая, нахрен, разница, откупится он или нет? Нас это не колышет и не колеблет. А колышет нас другое: чтобы этого не случилось. Чтобы мразь до нас не доехала. Что для этого нужно сделать? Правильно, лишить ее оружия. Пусть сидит дома и не высовывается. Нужно крушить автомобили везде, где вы их только увидите — выходишь на улицу — видишь машину — фигачь ее всеми доступными способами. Бутылками, кирпичами, битами, арматуриной. Людей трогать не надо, только машины. Призываю вас: уничтожайте автомобили. Да будет вам честь и слава! А пока мы тут плачем, они нас убивают. Они — не расплачутся.

Панк сел на место, заслужив аплодисменты. Однако ведущий сразу поспешил добавить:

— Эмоциональная речь представителя неформальной молодежи отлично иллюстрирует, в каком мы находимся состоянии. До чего нас всех довели. Но мы не для того здесь, чтобы делать обобщения, чтобы записывать в преступники всех подряд...

— Вот именно,— перебил его Ефим.— У меня, признаюсь, тоже есть автомобиль, и недешевый.

Его слова произвели бурную реакцию: люди зашумели, а Вадим, не выдержав, плюнул со злости на пол.

— Так что вы тут делаете? — крикнул он.— Вы же сами призывали тут к отстрелам. Вы что, призывали против самого себя?

Ефим промолчал, дав окружающим остыть.

— Я вспоминаю «Сталкера». Во всем вашем человечестве меня интересует только один человек — я, то есть. Стою ли я чего-нибудь или я такое же дерьмо, как некоторые прочие.

— Так, — не выдержал Вадим. — С вами все ясно, сначала отстрелы, потом рефлексии. Философов нам достаточно. Мы что, пришли сюда страшилки слушать? Я одного не пойму: все уже сказано, все очевидно, ссылок мы насмотрелись, новостей начитались, да что там этого: у каждого из нас, я уверен, свой опыт, каждый пострадал от автомобилистов или вступал с ними в конфликт. Мы не знаем, какой автомобилист наш Ефим, но доверять ему не станем. Я говорил здесь с самого начала: я выступаю против всех автомобилистов. Против всех! Нам нужно создать движение. Не сообщество, не группу — все это, как наш уважаемый ведущий говорил, мы уже создали, этого у нас не отнимешь. Но уважаемый ведущий, — он приблизился вплотную к Сергею Андрееву, схватил микрофон и резко рванул на себя. — Отдайте, пожалуйста, микрофон. Вы уже все сказали. Ведущий — это тот, кто ведет. А не тот, кто мямлит. Про какое-то воспитание самосознания. На это уйдут годы, на это уйдут поколения, а нам сегодня жить. Нам нужно заявить о своих правах, правильно я говорю, граждане?

— Правильно, — закричали с мест. — Поддерживаю, — твердо произнес рабочий. — Хой! — заорал панк. — Смерть машинам! Смерть бездушным машинам!

— Я буду вашим ведущим, — заорал Вадим. — Идем на митинг. Завтра собираемся у Останкина. Там проспект Королева, там сконцентрировано все телевидение, там достаточно места, чтобы прийти и разместиться множеству людей. Перекроем проспект, пусть они гудят в свои клаксоны, мы и не метр не пропустим их! Пусть слушают нас, пусть знают о наших правах, пусть зарубят себе на носу: мы, пешеходы, себя в обиду не дадим! Пешеход — это звучит гордо! Повторяйте за мной: пешеход — это звучит громко. Телевидение не сможет нас не заметить, мы будем прямо перед его носом. А если будет воротить его от нас, то мы блокируем и их автомобили! Они там трамваями не пользуются. Будут вынуждены нас слушать, будут вынуждены дать нам слово. Ура, пешеходы! Ура! Мы добьемся уважения! Мы отстоим право ходить по улицам и ничего, повторяю, ничего и никого не бояться. Не на тех напали!

В эйфории и радостных криках мужчины не сразу заметили, что дверь приоткрылась, и на пороге стояла Галина Федоровна. Вид у нее был уставший.

— Ребятки, — проговорила она. — Уже по домам пора.

— Ну ладно, — отдышался Вадим. — Утро вечера мудренее! Завтрашний день станет историей, говорю вам! Жду вас всех завтра возле Останкина. Распространяйте сообщения, приглашайте людей, агитируйте на улицах. Вместе мы сила, — повторил он. — Спасибо вам, любезная Галина Федоровна! От души спасибо!

Все расходились, пожимая друг другу руки, с тем удовольствием в душе, какое способна доставить одна лишь причастность к справедливому делу. К правде. В вечернем воздухе пахло весной.

— Красота, — произнес Никита Борисович и глубоко вдохнул. — Свобода!

(Продолжение следует)



Алексей Яшин
(г. Тула)

ЧИНОВНИКИ ОТ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК*



◆ В один из приездов к Прокофьючу после гостеприимного обеда гость, хозяин и обложенный налогом кот Мичман кейфовали в библиотечной комнате. Первые два попивали на десерт чаек, пополняя стаканы малой толикой настоящего французского коньяка, подаренного Прокофьючу на давешний день рождения дочерью, покуривали. Лишенный тяги к вредным привычкам Мичман забрался на топчан, тщательно вылизался после своего обеда и задремал в обязательном пополуденном сне, где ему являлись мартовские иды**, большие котовские бои-профанации и главный приз — соседская Мурка с правом первой ночи — *jus primae noctis* по-латыни. Эти иноземные слова Мичман как-то слышал от высокоученого профессора Скородумова, перевел их на русский, затем на родной кошачий и накрепко запомнил. Известно, что коты помнят все и вся, доброе и злое. Последнего не прощают и не продаются злодею даже за рекламируемый элитный корм «шеба». В отличие от людей, особенно университетских преподавателей, что не только за полушку, но и вовсе без платы продадутся кому угодно: что называется, искусство для искусства. Про них именно писал так нелюбимый Игорем Васильевичем сочинитель Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича»: «Тебя не гребут, ты не подмахивай!»

Под высокосортный коньячок, хранящий аромат виноградников долины Луары, грех было смолить сигареты от питерского ЗАО «БАТ-СПБ», что в Лахте на 3-ей Конной, да еще со зверскими цветными анатомическими картинками на пачке, поэтому приятели потягивали из обкуранных трубок, малая коллекция которых имела у Прокофьюча, дымок настоящего же голландского «кэптэна». Пару пачек табака в те же именины подарил сын. Очень уважали дети вредные привычки отца. Зато и обычных хлопот-головоломок не ведали: что подарить, чтобы не обидеть, но порадовать?

Оно, конечно, Прокофьюч и Игорь Васильевич сугубые патриоты. В советское время пили бы под чаек краснодарский, высший сорт, изумительного аромата «Бакы» или сурово-выдержанный, как Иосиф Виссарионович, грузинский «Грэми» десятилетней выдержки, а в трубках шкворчал и попыхивал искорками отечественный уже «Капитанский» фабрики «Ява», или бы Мичман сладостно принюхивался к медовому тлену «Золотого руна» той же явской фабрики Ростабакпрома Минпищепрома РСФСР, рупь-десять за золотисто-желтую пачку... На худой конец и «Трубка мира» с курящим на картинке коробки Монтигомо — Ястребиным Когтем сошла бы.

Увы, поневоле разменяешь патриотизм на чужестранные, вредоносные деликатесы, когда коньяки теперь сплошь подмосковной подделки (осетинский спирт + H₂O +

*Из романа-новеллино Алексея Яшина «Административный восторг, или картинки с выставки».

**Терминология древнеримского календаря.

чайная эссенция), а явские табаки ушли в небытие вместе с СССР и пятнадцатимиллионной КПСС... Даже патриот не то чтобы страны, а своего дома, Мичман подозрительно с аппетитом кушает «шебу», хотя и воспитан на природной, имманентной его организму пшенной каше с мелкопорубленной печенкой.

Впрочем, при разговорах с Прокофьичем и Тихоновной о рациональном и экологически чистом питании Мичмана, Игорь Васильевич вспоминал, что он доктор наук и профессор по биологии и лекторским голосом разъяснял:

— Э-э, дорогие хозяева! Про печенку все верно, но пшено надо заменить на просо, из которого веники вяжут. Впрочем, сейчас их вяжут из пластмассы Сычуанского химического завода в Китае... Все дело в том, что историческая родина котов — озеро Балхаш в бывшей нашей Средней Азии. Озеро мелкое, с пологими берегами, сплошь заросшими этими просянными вениками.

В этом веничном лесу водится много живности, на которую охотятся балхашские тигры. Вернее, давным-давно охотились, пока их подчистую не истребили. А полосатые коты, дальние предки Мичмана, состояли на службе и жалованье у тигров — тоже свояков по эволюционной линии. Тигр — зверь ленивый, к тому же почти слепой, и уши у него плохослышащие.

После предыдущей охоты, сожрав косулю или еще какое четвероногое, спит себе и храпит целиковую неделю. Уже желудок, все переварив, голодные сигналы подает в усатую башку, а ему лень подниматься, да и как он, плохо видящий и слышащий, на добычу выйдет? А те несколько котов, что приписаны, как атлантические рыбки-прилипалы, к тигру, вовсе лютуют от голода. Знаете, что такое голодный кот... И вот начинают они когтить за все места работодателя, норовя ухватить срамные места. Тигр просыпается, свирепеет и встает-таки.

А коты, ободрившись, вперед него бегут, на добычу выводят. Замечал, Прокофьич, как Мичман, проголодавшись, Тихоновну вроде как выводит на кухню?

Но вот подвели коты тигра почти вплотную к косуле или какой иной козе, тот мигом прыгнул, разодрал несчастную животину и в один час-два всю ее сожрал, а котам оставил требуху с печенкой. Сам брезгует субпродуктом, равно как человек, хворый по пищеварительной системе и слушающийся врача из местной поликлиники.

Тигр вновь на неделю завалился, коты печенок с почками натрескались, но им для правильного питания нужно печенку «залакировать» чем-то растительным. Вот они, не удаляясь от бугра полосатой артели, пригибают к земле просяные веники и выщелковывают из их верхушек зернышки. Вот и получается каша с печенкой.

Сейчас все просо осталось в самостийных ханствах и султанатах, потому приходится Тихоновне крошить печенку в пшенную кашу. Благо пшено и просо тоже кузовья по растительной теории академика Вавилова... Гомологический ряд, по ученому, называется.

◆ — А скажи, Васильич, как маракуюшь, отчего это у нас время от времени власть начинает бороться с винопитием и курением. Вот и при Горбаче то же было. Такое мое мнение, что раз в сколько-то десятилетий нарождается класс чиновников от вредных привычек? Так получается, да?

— Копай глубже, Прокофьич! Здесь два момента следует учитывать первоочередно. Табак дело новое, в смысле наступления на него, ограничимся водкой. Так для краткости будем называть все спиртное. И ограничимся прошлым веком и началом нынешнего.

Первый «сухой» закон ввел царь Николай Кровавый, ныне святой. Ввел из благих соображений с началом Империалистической войны. По наследству этот закон достался советской власти и длился до двадцать четвертого года, когда появилась «рыковка». Немаловажно, что введенный царем «сухач» отчасти протрезвил народ, который его и сверг.

И горбачевский, хорошо нам ведомый, «сухач» снова предварил разрушение агентами влияния СССР. Вот сейчас подбираются к новому гонению на водку. Зачем? Значит, снова нужно раззадорить народ. Это первый момент. Второй — я не сомневаюсь, что все эти три «сухача» были подкинута агентами влияния, в том числе и при дворе царя. Слишком уж явно совпадение: «сухой» закон — переворот во власти!

— А сейчас как?

— Кто же может знать, человеку не дано ведать даже о ближайшем будущем. Поживем, увидим. Думаю, до болотно-цветной революции у нас дело не дойдет: народ наш ко всему привык, не любит горячиться, да и внутренние войска с ментовкой огромны да с хорошей зарплатой. Нет, здесь что-то другое. Все делается по принципу навряд ли слышанного недавно по «ящику» черного юмора: «Говорят, в войну хлеба не было». — «Так что ж, масло прямо на колбасу намазывали?»

— А ведь с куревом кранты и в горбачевщину были. Вроде как вредители эти, агенты, сразу все табачные фабрики на капремонт остановили. Я в те годы самосад у себя на участке растил...

— Я тоже трубку завел, на центральном в городе рынке у торговцев с юга нерезанные табачные листья покупал. Многие и вовсе окурки на улицах собирали, дома потрошили, подсушивали в жестяных баночках из-под монпансье, сигарки фронтовые верстали.

— Полагаешь, Васильич, нынешний табачный карачун от обезьянничества перед Западом? Там тоже вроде как борются...

— Понимаешь, Прокофьич, в наше время все решает высокая политика, причем тайная от народов всего мира. Конспирология, говоря на языке журналистов-политологов. Эта конспирология использует все средства для достижения своей главной цели.

— Какова же цель, Васильич?

— Слово «глобализм» сейчас у всех на слуху, а цель глобализации — весь мир подогнать под единое управление, например, из Вашингтона. Для этого нужно до предела оглушить народ, чтобы ни о чем не задумывался, а пел-плясал под ихнюю сурдинку.

— Да-да, как только по телеку показывают эти самые саммиты «семерок», «двадцаток», так всюду охрана с земли и воздуха, народ бунтует, камнями бросается...

— Вот-вот, Прокофьич. Надо заставить народ дело это с бунтами и камнями завязать, то есть сделать весь мир, кроме управленцев, живыми роботами. Теперь с другого конца подойдем. Почему люди черт-те с каких времен тянутся к спиртному, табаку, наркоте, наконец?

— Баловство, привычка, отдых, да?

— Не так просто здесь. Даже очень сложно. Для чего же, как ты, Прокофьич, спрашиваешь, народ тянется к запретному плоду? Ведь для животных это не характерно; впрочем, и из них кто-то балуется дурманом, мухомором галлюциногенным, травками всякими. Но — наиболее присуще это именно для человека. Ибо у него очень высокоразвитая психика, качественно отличная от всех его биологических предшественников. Человек радуется, психует, раздражается, впадает в уныние... Причем для радости-то мало места остается; жизнь сурова везде, исключая Америку, жирующую за счет ограбления всего мира, и наш бывший СССР, как абсолютно социально ориентированное государство.

А без радости, эйфории, говоря языком биологии, человек превращается в того самого живого робота, то есть оскотинивается. Потому-то еще в доисторические времена люди начали употреблять жидкости спиртового брожения, отыскивая «бод-

рящие» травки, в доколумбовой Америке заходила по кругу индейских партсобраний трубка мира с травкой-никотианой.

И средневековая Европа не отставала от опиумного Китая, конопляной Средней Азии, того же Монтигомо — Ястребиного Когтя, кейфующей Османской империи. Викинги скандинавские взбодряли себя до ярости перед битвой жеванием высушенного мухомора. Кстати и предки наших эвенков и чукчей тоже мухомор уважали. Но в Европе со времен италийских этрусков стало господствовать виноделие. Чем дальше — тем крепче. Те же викинги научились делать из французского вина коньяк, шотландцы — гнать виски. Чуть припозднились со своей медовухой наши русаки, но быстро нагнали западников со своей водкой — зелёным вином*.

...Всеми этими напитками, табаком и наркотическими травками-плодами, опять же, говоря языком биологии, человек создает в своей голове так называемый ложный медиатор эйфории. Хорошо это или плохо для самого человека? — Все мы чем-то жертвуем для того, чтобы оставаться человеком, не превращаться в робота. И сама организация, то есть физиология, людей такова, что цэ-два-аш-пять-о-аш, спирт этиловый то есть, и никотиновая кислота обязательно участвует в биохимических процессах нашей нормальной жизнедеятельности. Вот только наркота чужеродна для организма. Так что самой природой, знающей все на миллионы лет вперед, алкоголь и табак, в допустимых, конечно, дозах, уже изначально заложены как средства взбадривания человека в часы и дни уныния и хандры. Чиновничьих начальственных разгоняев тож...

— А как же, Васильич, непьющие и некурящие без этого... того обходятся? Или они от рождения с этой самой ложной эйфорией всему на свете радуются?

— Люди-то все, Прокофьич, разные — даже однайцовые близнецы с годами различаться по характеру и мозговой работе начинают. Так и с физиологической, психической потребностью в алкоголе и куреве дело обстоит. Во-первых, исходный материал для никотиновой кислоты, благо организму нужна в крохотных количествах, он сам добывает из обычной растительной пищи. А не срабатывает в должной мере этот механизм — человек закуривает. По жизни знаешь: закурил парнишка, подражая взрослым, а потом и бросил это дело. Другой же продолжил на всю жизнь. Заставят такого не мытьем, так катаньем бросит курить — более мрачного и злобного человека не сыщешь!

А про вино — у нас, значит, водку — еще Монтень, если не подводит память, мудрейший философ-афорист, сказал, как припечатал, в том смысле, что совершенно напрасно иные лицемеры сравнивают пьющего человека с животным, дескать, пьян как свинья! Истинно же животному уподобляется абсолютно непьющий человек, ибо вино — высший дар богов человеку на его радость и жизненный оптимизм, говоря современным языком.

— Кстати, Прокофьич, конечно замечал по жизни: нет больших ненавистников и обличителей пьющих и курящих, чем бывшие пьяницы и курильщики-смолильщики, бросившие эти занятия...

— Чего далеко ходить? Сосед мой слева такой, да еще с пяток из нашего поселка таких знаю.

— Вот-вот, это они мстят всему человечеству за отлучение от вина и табака!

— Чегой-то не соображу, Васильич, какая тут связь с этим самым глобализмом и чиновничьими происками против винопития и курения?

— А простая, хотя и конспирологическая, через газеты и телевизор не оповещае-

* Зеленый цвет водки вплоть до середины XIX века — от медного купороса, которым продукт перегонки очищали. Для царского двора очистку производили дорогостоящим анисовым маслом: «Водку пьете, Иван Васильевич?» — «Анисовую!»

мая. Глобализаторам требуется мировое людское стадо: разучившееся думать, покорное, где мышцы заменяют мозг. Словом, как рабы в Древнем Риме: тупые и физически здоровые. Кстати, оттого-то сейчас во всем так называемом цивилизованном мире все большее внимание уделяется здоровью тела. Даже в школах уроки физкультуры все другие вытесняют. Но все это не относится к высшим канонам управленцев в глобализируемом мире. Для них справедливо древнеримское же правило: вино, женщины и искусства принадлежат избранным!

Вино же — у нас водка — и, хотя в меньшей степени, табакокурение препятствуют оскотиниванию рабсилы глобализма. Человек покурит — у него на время проясняются мозги, промелькнет раз-другой антиглобалистская мыслишка: а тем ли мы идем путем? Это как коту дать понюшку валерьянки: тот сразу начнет буйствовать-радоваться, с некоторым изумлением в своих глазах с фотоаппаратной шторкой смотреть на хозяев: дескать, какого хрена они делают в *моем* доме? И почему я, вольный сын балхашских просяных зарослей, должен исполнять капризы этих двуногих: делать вид, что подчиняюсь им, унижительно просить поутру поскорее жратву приготовить, терпеть тетешканье их малых детей и прочие благоглупости?

...При знаковом слове «валерьянка» Мичман тотчас поднял голову, широко расстворил свои фотоаппаратные створки и долгим взглядом окинул говорящих. Затем, выматерившись про себя (издеваются, мол, двуногие твари над бедным котом), вновь заснул, затаив обиду. Коты злопамятны.

— ...Еще пагубнее для антихристовой глобализации винопитие. Сам знаешь: после первой-второй стопок такие святыне и провидческие мысли приходят!

— Да-да, Васильич, как-то мои любимые плоскогубцы, еще отец с войны привез — трофейные, крупповские, никелированные и износу им нет, куда-то запропас-тились. Неделю искал и все без толку! А тут мои из города на выходные приехали, и — как ты говоришь — после второй озарило: в сарае за свиной загородкой лежат! Подвязку проволочную делал, да потом забыл в свою монтерскую сумку положить. Так опрометью со стола и в сарай: вот они, родимые, за загородкой лежат, никелем отсвечивают!

— Вот-вот, именно так. Правда, после пятой-седьмой все это вроде как напрочь забывается, но на самом деле откладывается в подсознание, а значит, в нужный момент все вспомнится. Всякие же светлые мысли и озарение, как правило, антиглобалистические.

◆ В окончании просветительской беседы Игорь Васильевич разъяснил заинтересовавшемуся Прокофьючу, что вино-водка и табак являются, особенно у нас, — головной болью глобализаторов. Совсем водовку изъять из обращения в России никак нельзя: слишком огромен опыт самогонварения, начиная с царева «сухого» закона 14-го года. Да и железо еще не все продали китайцам всякие ООО и ОАО — есть из чего аппараты ваять. Вот только к введенной злокозненным Никитой советской системе ограничения по часам продажи вернулись.

— Помнишь, Прокофьюч, анекдот тех лет про семитов и антисемитов? Дескать, кто такие семиты — это которые успели до семи вечера водку купить. А антисемиты — кто не успел отовариться, матерятся и во всем евреев обвиняют. Ха-ха-ха!

Причем, в каждой области по-своему лютуют чиновники от вредных привычек. У нас, как хорошо знаешь, губернатор еще при вступлении на должность публично заявил, что он сторонник здорового образа жизни, поэтому совсем не пьет и не курит... Завистливый наш народ поговаривает: конечно, имея миллиард доллоров, надо на долгую и здоровую жизнь рассчитывать. Вот он и о здоровье опекаемого им народа заботится: винопитие не с одиннадцати, как в советское время, а аж с двух пополудни! Да еще когда футбольные игрища на стадионе случаются, так в радиусе километра вовсе велено магазинам водку-вино и пиво не отпускать! Одну только закуску.

А вот с табаком некий тайный пока центр мирового глобализма и совсем в свою пользу дело обернул, а именно: повсеместным притеснением курильщиков — законы о запрете курения кроме как в домашних сортирах, диком возрастании цен, а там и самосад запретят возвращать — подтолкнуть их к курению «травки», а от нее до химических наркотиков один шаг... Все думал, что это только я сгоряча так решил, но вот смотрю телик, а там показывают нью-йоркского негра. Тот возмущается: «Сигарет купить — искать спецмагазин надо, да цены дикие. Что ж, теперь, опять к марихуане возвращаться?» Выходит, далеко это не мое открытие? Многие так же думают! И у нас, и за бугром.

Совсем интересный вывод напрашивается: программа глобализации на несколько десятков лет, естественно, просчитана на мегакомпьютерах в институтах, работающих на пока тайное Мировое правительство. Там все учтено. Не сомневаюсь, что на данном этапе глобализации союзником ее является мировая же наркомафия. Да-да, не удивляйся, Прокофьевич! Ведь для глобализованного мира нужны только массы людей-роботов. Мыслить и творить положено только высшему и среднему классам управленцев и творческих конструкторов идей и техники. А наркотизация масс как нельзя лучше и быстрее превращает ее в стадо работ-роботов.

Именно поэтому широко рекламируемая борьба «мирового сообщества» с наркомафией идет как-то шалтай-болтай, проще говоря: дурака валяют*. В Афганистане все поля засеяны маком, в Казахстане — коноплей дикорастущей, в Колумбии — сырьем для кокаина; Нигерия тоже не отстает. И что ж? — Никто не торопится под эгидой ООН, например, выжигать все это напалмом. Только одна говорильня...

Здесь в планах глобализаторов наступление идет с двух сторон: «цивилизованные» государства объявляют беспощадную войну курильщикам табака, якобы озабоченные здоровьем их, бедолаг, и окружающих. А наркомафия, вроде как находящаяся вне закона, туго знает свое дело. Вместе же решается поставленная глобализаторами задача: коль скоро по закону Архимеда — Лейбница, природа не терпит пустоты, где убыло — в другом месте прибыло, — то в поисках активизаторов создания ложных центров эйфории в мозге народ все более и более заменяет табак травкой, а потом и химической наркотой! Опять же — это не мое открытие, но все самодостаточно мыслящие люди думают так же, явно не ошибаясь...

— Извиняюсь, Василий, ты не в первый раз про эту самую самодостаточность речешь. Эт-то как понимать, объясни по рабоче-крестьянски?

— Опять же в науке биологии давно известно, что только восемь процентов людей, независимо от пола, расы, образования и так далее, способны мыслить, что называется, «от себя», полагаясь только на свое разумение, поэтому ими нельзя управлять тем же телевизором, зажигательными речами на выборах, женскими попреками и так далее. Остальные же слепо бредут за управляющими ими.

— Кто же, так сказать, справку о самодостаточности выписывает, ха-ха!

— Смех и грех. Сейчас любую справку за умеренную плату дадут. Вот в Москве в девяностые годы по таксе можно было грамоты и родословные на любое дворянство приобрести: хочешь сиятельным графом или бароном, святейшим князем с родословной от Гостомысла и Рюрика одновременно... Нет, Прокофьевич, справку о самодостаточности мышления ни в Кашенке, ни в Академии наук не дадут. Но есть верное средство самому проверить ее наличие у себя: такие «восьмипроцентники» не поддаются гипнозу! Был когда-нибудь на приеме у гипнотизера?

* У кого ни интересовался: никто не знает происхождения этой присказки! А она появилась в России между революциями 1905-го и 1917-го годов. Так бастующие рабочие дразнили полицейских: встанет ухмыляющийся работяга рядом с городовым и начинает валять пальцами монету с профилем Николашки — целковый, полтину или четвертак...

— Избави бог. У нас в поселке проживает одна полупридурочная, так она как-то обращалась: боится подавиться килькой, что под вареную картошку потребляет...

— Вылечил?

— Куда там, она теперь и картохи опасается. А ты, Васильич?

— Я не поддаюсь. У меня в соседнем доме главный в городе гипнотизер проживал раньше. Как-то разговорились. Узнал, что я профессор по биологии, пригласил к себе в больничку на сеанс поприблизиться. Все заснули, а мне хоть бы в едином глазу! Выпили мы с ним по промилле* разведенного медицинского, и я откланялся.

...Все не закончу про вытеснение табака наркотой. В Европе глобалисты все опыты привыкли ставить на Голландии: в части наркоты той же, педерастии, всяких там аутистов. Вот мы с тобой сейчас голландский табачок покуриваем, а в самих Нидерландах курильщиков почти не осталось, зато среднеслабую наркоту официально разрешено продавать. Теперь этот опыт на весь мир распространяют глобализаторы-стахановцы.

◆ — Так что же получается, Васильич, что все страны, что сейчас успешно строят глобализм, подчиняются, как ты говоришь, единому тайному центру? То есть взял под козырек — и бум сделано!

— Не так все просто, Прокофьич, потому и тайно. Пока тайно. Хотя уже и в прессе, и по телевидению в словах высших должностных лиц факт строительства глобализма без всяких оговорок признается. Даже у нас, хотя и считается, что Россия идет своим, многополярным путем. Но — против лома нет приема! Куда деваться-то? Все делается подспудно, особо не называя своим именем, но — успешно, с нарастающей скоростью. Как бы кто ни хорохорился, но сейчас в мире нет сугубо «самостийных» стран. Даже Украина. Ее слова «незалежность» и «национальный», впридачу к самостийности на каждой доске любого забора начертаны. Она прямо-таки рвется в кабалу Евросоюзу... забыли, братья-славяне, опыт «евроинтеграции» в 41—44-х годах!

Даже слова ихнего премьера Азарова, кстати, в советское время он работал по угодному делу у нас в Тулуповске, что кроме экономических утеснений Евросоюз ставит условием приема «незалежной» в свои ряды полную легализацию педерастов и разрешение однополых браков, не смутили Евромайдан... Вот тебе и глобализация в действии!

Нового я тебе, Прокофьич, ничего не сказал, но, возвращаясь к винопитию и табакокурению — насчет педермостства наша власть пока стоит твердо: хотя и не сажает, как в советское время, но и на уступки не идет. Замечу: в многомиллионном чиновничьем племени выделяется подкласс «чиновники от вредных привычек». Не сомневаюсь, что уже в ближайшие два-три года, а то и пораньше, они сооржизуются в официальные комитеты, комиссии — или еще как там у них называется... Понятно, что и «широкую общественность» заоржизуют. Тем более что опыт горбачевщины еще не забыт.

...Недавно ходил на центральный рынок. Люблю походить по дальним рядам, где народ торгует всякой всячиной — от книг до почти исчезнувших в обиходе примусов. И две любопытные вещицы приобрел: в книжных развалах альбом «Советский плакат 30—50-х годов», а в «наградном» ряду — отштампованный в 1985-м году значок общества борьбы за трезвость: люблю собирать всякие кунштюки, памятники эпохи.

Листая вечером альбом, увидел плакат со стихотворной подписью:

*На папирасы «Ява» я не сетую,
Сам курю и вам советую!*

* Медицинский сленг: то есть сто граммов; полпромилле — пятьдесят.

По части же антиалкогольного значка припомнил, как в свое время увертывался от партийно-профсоюзного начальства, чтобы не вступать в трезвое общество: три рубля за значок, годовые взносы и, желательно, подписка на журнал «Трезвость и культура».

Да что там комитеты и комиссии! Уже сейчас весь чиновный кагал имеет инструкции по «решительной и бескомпромиссной»: от ментовки до вузовских деканатов. Тяжело им, чиновникам, жить в наше беспокойное время бурного законотворчества! Оттого и злые такие, что вволю покурить можно только дома, а напиться, чтобы хоть на время отойти от одури чиновничьей тяготы (ведь и они люди) — только там же, дома или на даче: начать с вечера пятницы и завершить пополудни субботы. Чтобы до понедельника успеть согнать здоровый алкогольный румянец с лица и выветрить из легких и желудка винный запах. А с первого рабочего дня на неделе громить, распекать и тщетно призывать народ к здоровому образу жизни: скучному, конечно, уныло-сухонному — даже страстные женщины бальзаковского возраста остерегаются таких мужиков, — но такому благопристойному и заунывно-тихому.

...Кстати, Прокофьич, мои друзья и коллеги медики, ссылаясь на Павлова, Бехтерева и Пирогова, то есть корифеев этой науки, утверждают: если человек после сорока лет перестает курить, то он наносит своему организму большой вред.

Давай, Прокофьич, по последней. Поехал я домой.



Душевный разговор. Профессор Скородумов в гостях у старика Прокофьича обсуждает тайны «черных дыр» в бюджетах всех уровней



Картинка с выставки. Гласный городской думы: «Жить хорошо! А хорошо жить — еще лучше!»

Владимир Лазарев

(г. Маунтэн Вью, Калифорния, США)



СУДЬБА ОДНОЙ РУССКОЙ СЕМЬИ

Невыдуманный рассказ

Владимир Яковлевич Лазарев, поэт, прозаик, публицист, литературовед, историк культуры. 12 лет возглавлял в журнале «Наше Наследие», со дня его основания, отдел литературы (историко-литературных и философских публикаций). Был членом президиума Российского фонда культуры, председателем Общественного комитета спасения Российской Государственной библиотеки (бывшей «Ленинки»). Автор многих книг, среди них: «Семь цветов надежды» (поэзия), «Брат милосердия» (поэзия), «Тульские истории» (проза и поэзия), «Сокровенная жизнь» (повести), «Всем миром» (повести и рассказы), «Уроки Василия Жуковского» (литературоведение) и другие. В соавторстве с доктором исторических наук Ольгой Тугановой написана социо-философская книга «Круг понятий» (дважды вышла в Москве в 1994 и 1998 гг.). В Нью-Йорке издана книга стихов и поэм Вл. Лазарева «На перетоке времен» (2006 г.). Он лауреат ряда Всесоюзных и Международных премий, первый раз удостоен еще в 1956 году, будучи студентом Тульского механического института, в результате Международного конкурса журнала «Всемирные студенческие новости» (Прага) за поэму «Юность», переведенную на многие иностранные языки. А заключает этот ряд 2-я премия «Нового Журнала» (Нью-Йорк) в 2001 г. «за лучшую прозу на переходе веков», опубликованную в этом журнале.

Его стихи, положенные на музыку, стали широко известными песнями. Среди них: «Березы», «Ночной разговор», «Как не любить мне эту землю», «Мой белый город», «Шум берез слышу», «Не остуди свое сердце, сынок», «Мне приснился шум дождя», «Прощание славянки» и др. Песни этого автора прозвучали во многих кинофильмах (около 30-ти, в том числе и зарубежных). В 1999 году он стал лауреатом Всероссийской премии Алексея Фатьянова «Соловьи, соловьи» за вклад в развитие песенного искусства.

С конца августа 1999 года писатель живет и работает в США. В трех номерах «Нового Журнала» (2010—2011 гг.) опубликованы мемуары Вл. Лазарева «Времена жизни» (журнальный вариант). В полном виде эти мемуары находятся в архиве Гугверовского института войны, революции и мира в системе Стенфордского университета.

Маунтэн Вью, что в переводе с английского означает — Горный Вид, — маленький американский город, расположенный в Силиконовой долине, в Калифорнии. Тамара Евгеньевна Старостина перебралась сюда из подмосковного Зеленограда. Живет она на тихой улице Сьерра Виста, название которой опять-таки свидетельствует о горном виде, но по-испански. Отсюда сорок минут быстрой езды до Тихого океана.

Блещет яркая красота экзотических деревьев: пальмы, кипарисы, магнолии, эвкалипты, секвой, красные деревья. Слегка покачиваются нежные березы и канадские

клёны, на солнце даже почти в безветрии трепещут, пульсируют листья молодых бамбуков. Светятся кусты красных и белых роз. Глаза начинают уставать в этом сообществе растений, собравшихся здесь с разных концов света. А в глубине живой красоты калифорнийского пейзажа прячется, дремлет землетрясение. И порой сквозь летний зной проносятся легкие стремительные тучи, и долетает сюда свежее дыхание океана. Летом всюду пылает агрессивное калифорнийское солнце.

В новой стране чаще, чем прежде, вспоминается Тамаре Евгеньевне начало жизни. Неожиданно открываются самые заповедные уголки ее. Отчетливо проступает, как снится наяву, солнечная поляна на Урале, в лесу, вблизи от просеки. Раннее лето победного 45-го года, ей шесть лет. Она впервые — без мамы, в детском оздоровительном лагере под Свердловском (Екатеринбургом). Девочки и мальчишки свободно резвятся, играют. Воспитательница стоит поодаль, ненавязчиво присматривает за ними. Тамаре сильно захотелось некоторое время побыть одной. Она тихонько отходит в сторону от шумных игр и оказывается на просторной поляне. Вокруг сосны, ели, березы, переливы трав на солнце под легким ветерком. Редкие белые облачка на небе. Небольшие скромные синие, белые, золотистые цветы, земляника. В мягком воздухе трепещут стрекозы, в травах стрекочут кузнечики. В отдалении выются детские голоса. Несказанная живая красота. Она не понимала, что с ней происходит. Странное, неосознанное, проникающее в сердце ранение красотой охватило ее, и она заплакала. Так она стояла одна и плакала, радуясь открывшемуся миру. И лишь успокоившись, вернулась в шумный круг детских забав.

Сейчас она думает, что то был первый запомнившийся случай повышенной чувствительности, как выяснилось позже, свойственной ей. Странно, что при этом она стала учительницей математики в старших классах средней школы: пошла по стопам родителей. Отец преподавал математику в педагогическом институте, мать — в средней школе, была и директором. Наука, связанная с числами, давалась Тамаре Евгеньевне легко, и благоприобретенная логика рассуждений играла в ее жизни немалую роль. В потоке учительства у нее выработалась привычка подводить итоги прожитого дня и намечать то, что следует выполнить завтра. Она неукоснительно следовала этому правилу. Свою повышенную чувствительность научилась скрывать на миру. Школьников и своих собственных детей воспитывала строго, но без нажима. Однако, когда своим, в их малолетстве, читала какие-нибудь трогательные истории, к примеру, про гуттаперчевого мальчика, голос у нее начинал дрожать. Соня, ее младшая, в таких случаях просила: «Мама, перестань». Она прерывала чтение и, лишь справившись с собой, продолжала читать дальше. Когда она смотрела в кинотеатре фильм «А зори здесь тихие», так плакала, что лицо ее распухло от слез, а тело потом покрылось крапивницей. Несколько дней выходила из этого состояния.

А в горе сдержанна: все чувства как бы сковываются в ней. И даже когда остается одна, когда никого нет, желает разрыдаться, облегчить душу и не может... Бесслезна в горе.

В ее облике сияла неброская глубокая приятность. Большие глаза были светлокариые, а приглядеться, — с какой-то золотистой радужкой вокруг зрачка. Она была прямодушна и скромна.

Их было трое у родителей: она и два брата. Один старше ее, другой моложе. Атмосфера, в которой они росли, располагала к умственному развитию: дома на детей никогда не кричали. Воспитывали, не повышая голоса. Огненные волны великой войны не докатились до Урала. И хотя еда была скудной, а жилье тесным — преподаватели пединститута жили в помещении барачного типа: двери небольших квартир выходили в один общий длинный коридор, — детство несмотря ни на что было все-таки относительно спокойным.

* * *

Детство ее ровесника и будущего мужа Кости Старостина, жившего в Куйбышеве (Самаре), сложилось иначе. Отец его, авиаконструктор Леонид Старостин, во время войны неделями не приходил с работы домой: дневал и ночевал на заводе. Спали там вповалку. И в 1943 году, заразившись, он умер от сыпного тифа. Квартиру, которую они снимали, пока жив был отец, пришлось оставить. Старшего ребенка — Таню взяла в свою семью сестра матери. А они с Костей скитались, снимали углы у чужих людей, спали на деревянных нарах, пристроенных друг над другом. Бедствовали, недоедали. Случалось, заплатить было нечем. Тогда мать спешно заталкивала вещи в сумки. Уходили тайком, порознь. Встречались в условленном месте.

Костя, сероглазый худенький мальчик, немало горького испытал в свои ранние годы. Он был любознателен, обладал замечательной памятью и, несмотря на крайнюю нужду, старался учиться хорошо.

Как-то однажды он провожал своего приятеля в музыкальную школу, в которой тот учился одновременно с общеобразовательной. Договорились, что пока он будет заниматься, Костя подождет его в коридоре. А потом они еще погуляют. Хотя дверь в класс была плотно закрыта, Костя отчетливо слышал, как его приятель играл на скрипке. И, когда тот вышел, негромко сказал:

— Мне кажется, ты неверно играл.

— А как надо?

— Я не знаю, как надо, но чувствую, что не так, как должно звучать на самом деле.

На следующем уроке приятель рассказал об этом случае учительнице музыки. И она попросила привести к ней Костю. Проверив его слух, заметила, что слух у него абсолютный и что ему обязательно надо посещать их школу.

— Скажи об этом своим родителям, — напоследок улыбнулась она.

— Отца у меня нет, — отозвался Костя. — А мама будет очень сердиться, если узнает об этом разговоре: у нас нет денег на скрипку... И на вашу школу.

Но учительница музыки оказалась сердечным и настойчивым человеком. Вместе с директором школы они отыскивали Костину маму и сказали ей, что у нее очень одаренный сын и учить его станут бесплатно. А скрипку дадут в школе.

Так у Кости началась новая жизнь, полная неожиданных открытий и неизвестных ранее радостей. Скрипку он полюбил, как живое существо. И берег втайне одухотворенную дружбу с ней.

Время шло, мальчик вырос. Им с матерью государство, наконец, выделило отдельную жилую площадь в коммунальной квартире. Они оба своей комнатой очень дорожили. И он стал замечать, что после игры на скрипке в комнате наступала какая-то особенная животворная тишина, в которой все ладилося, и приходили в голову лучшие мысли. Костя тогда еще не знал, что Альберт Эйнштейн часто перед тем, как приступить к научным размышлениям, играл на скрипке, и наступала высшая сосредоточенность и радость приближения истины. Костя начинал познавать самого себя, свою многогранную талантливость, пределов которой он не знал. К тому же он был очень собранным существом и ко всему прочему, как бы в память об отце, посещал в летние месяцы еще и авиамодельный кружок в городском Дворце пионеров. Это тоже были счастливые мгновения: запускать ввысь легчайшие самолеты, сделанные собственными руками.

Руководитель авиамодельного кружка, молодой человек Анатолий, которого кружковцы между собой называли Тоlichem, обучал ремеслу зорко и обратил внимание на Костю Старостина. Когда пришла пора тому выбирать жизненный путь, рекомендовал поступать в авиационный институт. У Кости был еще выбор: идти учиться в консерваторию по классу скрипки или посвятить свою жизнь науке, что настоя-

тельно советовал ему учитель физики. Юноша выбрал физику. Он успешно сдал приемные экзамены на физико-технический факультет Свердловского политехнического института, на так называемый физтех.

2

В Свердловске, учась на втором курсе физтеха, Костя по случаю познакомился с Тamarой, студенткой первого курса педагогического института. В первую же встречу ее обожгла молодая радость от как бы знакомых черт явившегося ей лица. «Это мой суженый! — подумала девушка. — Откуда я знаю это милое лицо?.. Наверное, он мне снился». У него была неожиданная на серьезном, часто озабоченном лице приятная открытая улыбка. Они быстро почувствовали родство душ. Началось взаимное сильное увлечение, та самая дружба-любовь с первого взгляда, которая не так уж часто дается людям на всю жизнь. Встречались они реже, чем хотелось: Костя много занимался, был сталинским стипендиатом. Да еще время от времени разгружал товарные вагоны на железнодорожной станции. Надо было помогать матери. А еще копил деньги на скрипку, которую заказал живущему в Свердловске знаменитому скрипичному мастеру Кылосову.

Однажды Костя зашел к нему в мастерскую с Тamarой. Кылосов, угрюмоватый пожилой человек, жил бобылем. Помещение, в котором он обитал, было уставлено хитрыми приспособлениями и станками разной величины. Во второй комнате лежала древесина, и стоял электрообогреватель. На деревянном стенде располагалось несколько заготовок, сквозь которые проступали черты будущих музыкальных инструментов. Были и готовые или почти готовые скрипки. «Костя, послушай, как звучит дерево?» — говорил Кылосов. Костя прислушивался и никогда не ошибался в своих оценках материала: у него был не только абсолютный музыкальный слух, но и слух, верно улавливающий тончайшие оттенки древесного звучания, чистоту и красоту его тона. Кылосов хотел со временем передать Косте в наследство свое дело. «Бросай свою физику, — говорил он, — ты прирожденный скрипичный Мастер. Будешь делать скрипки! Я тебе все свои секреты открою... Все оставлю».

В этот раз он мрачновато посмотрел на Костю: «Вижу, ты и физику свою бросать не собираешься, и девушка у тебя такая появилась! Семью заведете, детки пойдут. Скрипичный мастер один должен быть. Это дело всего забирает».

Кылосов отдал Косте скрипку: «На, поиграй месяц — другой, а потом вернешь: довести окончательно надо будет».

Костя рассказывал, что Кылосов время от времени запивает. И запои у него длятся неделю — две. А потом опять с головой уходит в работу, золотой мастер.

Когда Костя играл на скрипке, Тамаре вспоминалась солнечная поляна из ее детства, захватывало дыхание от полноты жизни, хотелось заплакать: какая-то тонкая струна начинала дрожать в душе...

Косте было много дано и многое удавалось. В нем как бы сияла дружба талантов, притягивающая к нему сверстников. На третьем курсе он попал в число студентов, составивших небольшую группу, которая специализировалась на проблемах ядерной физики. Это было очень престижно.

Костя и Тамара решили соединить свои жизни. Окончив учебу, молодые люди сыграли свадьбу и после медового месяца отправились в город Снежинск Челябинской области, в закрытую зону, куда был распределен Костя.

Снежинск притаился в глубине лесов. Ту его часть, где поселились Старостины, окружали несколько озер. Здешнее население составляли в основном сотрудники научно-исследовательского института и их семьи. Заповедные окрестные леса были

богаты ягодой и грибами. В озерах водилось много рыбы. И в свободное время любимым занятием горожан была рыбалка.

Сначала Старостины два месяца прожили в доме молодоженов. Три молодых семьи занимали квартиру: по комнате — на семью. Потом их подселили к другим людям: им была снова выделена одна комната. С ними соседствовали муж, жена и двое малолетних детей. Муж был заядлый рыбак. И жена время от времени в сердцах кричала на него: «Надоел ты мне со своей рыбой!»

Года через полтора Старостины получили отдельную двухкомнатную квартиру. Вскоре Костя защитил кандидатскую диссертацию: у него были наработки еще со студенческих времен. А Тамара устроилась в школу: пошла преподавать математику в старших классах. Они стали привыкать к тому, что их величают по имени и отчеству: Константином Леонидовичем и Тамарой Евгеньевной. В 63-м году у них появился сын: первенец Дмитрий — Дима. А через 6 лет после этого — дочка, которую нарекли Софьей-Соней. Они жили в достатке и в полном согласии. «За что мне выпало такое счастье? — спрашивала Тамара Евгеньевна себя. — Дай Бог, чтобы оно длилось, — думала с замиранием сердца... — Дай-то Бог!»

В дирекции института Старостину предложили приобрести в рассрочку автомобиль «Волгу», пришедший в институт по очередной разрядке. Машина была приятного цвета, названного «голубая ночь». Перво-наперво Константин Леонидович разобрал ее: снял крылья. И они вдвоем с женой соскребли заводскую краску с их внутренней стороны. И нанесли «сурик», чтобы предохранить от ржавчины при соприкосновении с водой эти наиболее уязвимые места в машине. А когда «сурик» высох, поверхность его окрасили в прежний темно-серый цвет. Кроме того Константин Леонидович по малейшему изменению звука в моторе определял, где и что надо исправить. Служивцы знали эту особенность Старосина и чуть что, звали его. Он всегда приходил на помощь. А еще он обладал колоссальной памятью. Молодые коллеги, когда встречались в научной работе темные места, вместо того, чтобы долго рыться в справочной литературе, обращались к нему с вопросами. И он неукоснительно давал им быструю и точную информацию. Некоторые из них видели в нем гения.

Снежинск жил, можно сказать, ровной жизнью. Ставились очередные эксперименты. Ученые ездили на дальние полигоны, где проходили испытания готовой продукции. Негромко праздновались удачи. Константин Леонидович стал старшим научным сотрудником. Тамару Евгеньевну назначили директором школы: ее рассудительность и сдержанность были тому поводом.

Но вдруг неожиданное событие прервало тишину и размеренность снежинской жизни. На атомном реакторе произошла крупная авария: взрыв и большой выброс радиоактивной энергии. Это случилось в тот момент, когда двое однокашников Старостина по физтеху, задержавшись поздно вечером на работе, проводили свой эксперимент. Они оба погибли: один умер на второй день после взрыва, другой продержался почти неделю. Костя был потрясен от случившегося и долго не находил себе места. С его ровесниками, близкими друзьями это произошло впервые. Так могучие внутренние силы природы, сбросив узду, смертельно отвечают человеку при малейшей неосторожности с его стороны, посягнувшему на их таинственную жизнь и вспомнившему, что все на свете подчиняется лишь удачной игре его идей.

Техника безопасности, как всегда, сильно отставала от научного прогресса. Высокое начальство нетерпеливо требовало быстрых практических результатов и не хотело знать, что высокая степень техники безопасности неотъемлемая часть этого самого прогресса. «В жизни всегда есть место подвигам!» — говорилось свыше, подразумевая под этим, что «наука требует жертв», мол, такова жестокая необходимость. И если надо ради общего дела, человеком можно пожертвовать и чаще всего забыть о нем. Это, разумеется, не произносилось вслух.

Началась спешная эвакуация людей, переезд их в центр Снежинска — в так называемый соцгород, который находился в двадцати минутах езды от этой окраины, по лесной дороге.

В общей сложности Старостины прожили в Снежинске десять лет. За этот срок Константин Леонидович порядком подвергся радиации. И его «списали с корабля», как всех тех, у кого доза облучения намного превышала допустимую. Он продолжил работу по специальности в научно-исследовательском институте в Горьком (Нижегород). Теперь он стал физиком-теоретиком. Так Старостины оказались на Волге. Диме к этому времени исполнилось восемь лет, а Соне — два года.

Однажды в Горьком во время ночной прогулки под открытым звездным небом Константин Леонидович сказал жене: «Хотелось бы, чтобы дети наши выросли широко и глубоко образованными людьми, стали настоящими русскими интеллигентами и достойно несли бремя высокой этики. Постигли бы то, что не успеем постигнуть мы. Надо приложить все силы, воспитать их так, чтобы это исполнилось». Тамара Евгеньевна молча поцеловала мужа.

Как-то в другой раз она, улыбнувшись, заметила: «Быстро дети растут. Не успеешь оглянуться, и внуки появятся!» — «Я своих внуков не увижу», — отозвался Константин Леонидович. Ее обожгли тогда слова мужа. Такая горестная ясность неожиданно проступила в них.

3

В 77-м году они переехали в подмосковный Зеленоград. Старостин работал над докторской диссертацией. Время от времени он чувствовал приступы сердечной слабости, ранее не знакомой. Но умел не подавать виду. Обычно упадок сил наступал к четырем часам дня. Через час-другой неприятное состояние проходило. Все-таки это была пора его золотой зрелости: организм справлялся с недугом.

Весной 80-го, в мае он полетел на большую научную конференцию в Ташкент, где делал доклад. После конференции ее участников повезли в горы, на горное озеро. Вслед за купанием предстоял банкет. Константин Леонидович разделся, вошел в холодную синеватую воду, стал растираться. Почувствовал себя дурно и потерял сознание. Его вытащили на берег, сделали искусственное дыхание, привели в чувство.

Вернувшись в Зеленоград, он неделю пролежал в постели. Говорил жене, что ничего не болит, но слабость такая, руку поднять не может. Женщина врач-терапевт осмотрела его, прослушала, но почему-то не нашла нужным сделать кардиограмму. Заметила пожелтение глазных белков и высказала предположение: не желтуха ли? Но анализы дали отрицательный результат. Через некоторое время Старостин сам по себе постепенно оклемался. Отроду крепок был.

Работа над докторской диссертацией подвигалась к завершению. В середине августа она была закончена. Предстояло написать реферат и готовиться к защите. Константин Леонидович пребывал в светлом расположении духа.

К концу лета к ним с Урала приехала погостить теща Зоя Георгиевна. Первого сентября они по семейной традиции собирались отметить День знаний. Пока Тамара Евгеньевна хлопотала на кухне, Константин Леонидович вдохновенно играл на скрипке. Он чувствовал сегодня необыкновенный прилив сил. Зоя Георгиевна завороженно слушала его. «У меня эти трели никогда раньше не получались!» — закончив играть, радостно сообщил он. «Костя, иди бриться, — заглянув в гостиную, сказала жена, — скоро уже за стол садиться будем». Старостин отправился в спальню. И вдруг оттуда раздался его отчаянный крик. Тамара Евгеньевна бросилась к нему. И увидела мужа стоящим на коленях у кровати. Голова его и грудь лежали на постели.

В левой руке он держал электробритву. Первое, что мелькнуло у нее: «Короткое замыкание? Его ударило током!»

— Костя, что с тобой? — испуганно проговорила она.

— Как будто в голову кол вбили,— едва слышно, через силу отозвался он.— Кол через горло в грудь вошел... Не вздохнуть... В сердце боль. Дышать... не могу.

Тамара Евгеньевна помогла ему лечь на кровать. И вызвала скорую помощь. Скорая приехала не сразу. Женщина-врач долго не могла сделать укол в вену. Тамара Евгеньевна растерялась и не попросила вызвать реанимационную машину. На пришедшей скорой они повезли Константина Леонидовича в больницу. Тамара Евгеньевна осталась ждать результатов в приемном отделении. Минут через десять вышел небритый мужчина в несвежем белом халате, сказал, что больной, к сожалению, скончался. «Костя, Костя... Как он играл перед смертью! — подумала она.— Я бышла вслед за ним, если б не дети».

При вскрытии выяснилось, что у него произошел обширный инфаркт, второй по счету. А первый был в мае тогда в Ташкенте, на горном озере: на сердце остался свежий рубец.

Константину Леонидовичу был 41 год.

* * *

В те горестные дни Тамара Евгеньевна видела сон-явь: Костя приходит к ней. Она обнимает его, радуется: «Я же говорила им, что ты не умер!» «Им» — это всему окружающему миру. Проснувшись, долго лежала с открытыми бесслезными глазами... Ее большие глаза как бы сузились после смерти мужа. Мир резко поменял свои контуры, обнажилась его сущность. Прежние предметы и события, рисовавшиеся в мягком свете, приобрели жесткие очертания. Она на многие годы потеряла улыбку.

А в жизни все шло своим чередом. Дети учились: Дима — уже в энергетическом институте, Соня — в школе, в которой преподавала мать. Раз в год Тамара Евгеньевна ездила на Урал навестить родителей. Там она узнала о судьбе выпускников Костинной группы ядерщиков: все они, двенадцать человек, один за другим до срока уходили из жизни. Радиация никого не пощадила. Правда, был еще один, который не работал по специальности в закрытых НИИ, а пошел по комсомольской, потом по партийной линии. И затем вернулся в политехнический институт, стал деканом их факультета.

4

Дима — Дмитрий успешно окончил энергетический институт. Хороший знакомый отца, некто Виктор Наумович, взял его в свою лабораторию в академическом институте физики в Москве. Работал Дмитрий так же, как учился: легко, без натуги. Он унаследовал от отца ясный глубокий ум. При этом был необыкновенно добрым и одновременно с тем чувствительным, незащищенным человеком. Первый раз обжегшись, долго не мог создать семью, пока приятель Игорь не познакомил его с иногородней девушкой Наташей, с виду приветливой и приятной. Дмитрий сразу же поехал провожать ее в Калинин (Тверь), и она оставила его ночевать у себя. Вскоре после этого он сказал Тамаре Евгеньевне:

— Мама, я женюсь.

— Дима, мы с ней даже не знакомы,— мать хорошо знала характер сына.— Присмотрись получше, приведи к нам в дом, познакомь. Не спеши...

— Мама, я должен жениться.

Как выяснилось позже, Наташа тогда еще не ждала ребенка. Они расписались с Дмитрием, сыграли свадьбу, и она переехала жить к ним в Зеленоград.

Первое время предстала тихоней. Но пообвыклась и стала показывать характер. Он у нее дурной, какой-то смутный. Приходит Тамара Евгеньевна домой из школы после целого дня работы, усталая. Видит, раковина на кухне полна немытой посудой. Говорит: «Наташа, извини, пожалуйста, но надо посуду после себя мыть». Та вскинулась и заорала: «Я здесь хозяйка, а не ты, шкрабиха проклятая! Надо тебе — и мой!» Тамара Евгеньевна опешила и отошла в сторону. Возвратился домой Дмитрий, видит на матери лица нет. Узнал в чем дело, сказал: «Я поговорю с ней». Но Наталья не извинилась, а на следующий день обратилась к Тамаре Евгеньевне, как ни в чем не бывало. Все это в разных вариантах нередко повторялось. Она и на Дмитрия стала кричать при матери, стремясь уязвить, как можно больнее. По малейшему поводу — вспышки неистового гнева и вслед за этим — невинная беспамятная тихость. А то устанется в одну точку и так может просидеть несколько часов кряду...

Соня, которая к этому времени выросла, работала в городской прокуратуре делопроизводителем и заочно училась на юридическом факультете Московского университета, однажды решительно сказала Наталье: «Если ты не изменишь своего поведения, тебе придется убраться восвояси. Брат, коль захочет, может последовать за тобой. Эта квартира получена отцом и матерью. И ты не имеешь никакого права так нахально вести себя».

В отличие от брата Соня — крепкий орешек. Наталья почувствовала это, стала помирнее, притихла на какой-то срок. У молодых родился сын и его в честь парня, познакомившего их, назвали Игорем. Клубок непростых отношений в семье, раскручиваясь, все больше запутывался. Задача, как видела ее Тамара Евгеньевна, оказалась нерешаемая. «Безумно жаль Диму!» думала она во время своих бессонниц. И вспоминала, как они гуляли с Костей по ночному городу на Волге, и он говорил, какими хочет увидеть своих детей в будущем, какими их надо постараться воспитать... Как все сложилось на свете: рухнула внутренняя счастливая личная жизнь; вспыхнула, словно в одно мгновение, и завершилась перестройка; а затем рухнула жизнь страны. И теперь в семье сына, как в капле росы, отразилась эта разруха.

5

Соня Старостина, впервые поехав отдыхать на юг, к Черному морю, встретила там с молодым человеком, москвичом Сашей Рашинским. Он был на несколько лет старше ее. Они понравились друг другу, и оба почувствовали, что их встреча будет не мимолетной. Он, коренастый, кареглазый, напористый, энергичный, рассказывал о своих планах: уехать в Америку, продолжить там учебу, а потом остаться жить и работать. Говорил страстно, увлекательно: «Здесь все сейчас беспросветно, все в упадке. Вот увидишь, там совсем другая жизнь! Станем переселенцами!» Солнечный блеск Черного моря и радужные слова Саши Рашинского захватывали дух. Она готова была идти за ним на край света и согласилась отправиться на другой континент, навстречу неизвестности.

Вернувшись из отпуска, Соня пригласила Сашу домой, познакомила с матерью. Тамаре Евгеньевне он приглянулся: Саша был веселый, общительный, и сразу видно, надежный человек — спутник жизни. «У нас с отцом тоже любовь с первого взгляда возникла», — сказала она потом дочери.

Саша отправился в ОВИР и спросил, как переоформить документы, поскольку он собирается жениться и надо будет вписать имя жены в анкету, и ей — заполнить свою. Но ему ответили, что это невозможно. Придется заводить новое дело и все начинать сызнова, с неизвестным результатом. «Тогда я никуда не поеду», — решил Саша. «Нет, поезжай», — твердо сказала ему Соня. — «Если не передумаешь, постарайся устроить мне вызов оттуда. Свадьбу пока отложим».

И Саша полетел в Соединенные Штаты один.

Он звонил Соне, присылал письма. «Я не хочу тебя потерять, Соня!» — писал он. И через год попросил знакомых стариков-американцев пригласить ее. Она прилетела в Бостон по гостевой визе. Александр (или, как переименовал он себя в Америке, Алекс Рашински) и Софья сначала нелегально, а потом законно стали мужем и женой.

Алекс радовался жизни и часто, отмечая точность и деловитость американцев, восхищенно восклицал: «Это Америка!» Он работал и учился: постигал применение статистики в медицине, в частности, в фармакологии. Надо было фиксировать и анализировать результаты употребления новейших, еще не утвердившихся в широкой медицинской практике лекарств, учитывать всякого рода побочные явления негативного характера. От этого зависит судьба нововведений: приживутся они или нет. В обязанности работника, занимающегося этим, входит также часто бывать в командировках — посещать разные американские города, вылетать за рубеж, собирать конференции медперсонала в тех клиниках, где взялись испытывать на больных еще не апробированные препараты. От сообразительности, энергичности, организационных способностей такого сотрудника зависело немало. Алекс с успехом овладел новой для себя профессией, высоко оплачиваемой и весьма ценимой в фармакологических компаниях. Он сделал верный выбор: эта профессия была ему по нутру. Полный сил и обаяния, Алекс быстро усвоил жестокую формулу естественного отбора, бытующую среди преуспевающих американцев: «помогать надо сильным, а не слабым».

Первый штат, куда после окончания его учебы они отправились с женой, был Луизиана. Летом там очень душно, жара невыносимая. В Луизиане они пробыли год. Там у них появился первенец: сын Майкл (Миша). Потом перебрались в Калифорнию, в город Маунтэн Вью. Когда Мише исполнилось два года, Софья, наконец, получила право учиться и работать. Она решила не продолжать учиться на юриста, прошла краткие курсы и стала агентом по путешествиям. Работала в маленьком турагентстве. Хлопотливая эта работа ей нравилась. Но вскоре маленькие турагентства стали одно за другим закрываться. И она пошла учиться на программиста. Работала Софья программистом год, занята была с шести часов утра до шести вечера. В это время у нее родилась дочь Мария (Маша). Она оставила обретенную профессию. Какое-то время сидела дома, занималась своими малышами. А когда они подросли, устроилась воспитателем в американский детский сад. Такое занятие более всего пришлось сейчас ей по душе.

* * *

После отлета Сони в Америку жизнь Тамары Евгеньевны в собственной квартире стала совершенно невыносимой: невестка заклеивала ее. Она ушла жить к своей подруге Людмиле Андреевне, учительнице биологии. «Мама, она вампир,— опустив глаза, говорил о своей жене Дима,— ей нужны скандалы: высасывает из других нужную ей энергию». Вскоре Тамара Евгеньевна вышла на пенсию (скудную учительскую пенсию). А в семье Димы произошло прибавление: появился на свет еще один мальчик, Владик. Димина жена Наталья относилась с неприязнью ко всему интеллектуальному, особенно в ситуации нового смутного времени. Чуть что, кричала: «Подумаешь, твоя диссертация! Кому нужны эти корочки! Нам не на что жить! Вы со своей наукой никому не нужны, вам ничего не платят или платят мизер какой-то, и то через раз. Посмотри на своего друга Игоря: он настоящий мужчина! К отцу в авто-сервис пошел и живет — не тужит».

В академическом институте физики с оплатой труда в самом деле было туговато.

После перестройки и распада СССР на большую науку у государства не хватало денег. И многие ученые, особенно из молодых, подрабатывали на стороне: это стало их основным заработком. Дмитрий тоже решил на время отложить свою диссертацию и устроился в автосервис слесарем-механиком. Вставал чуть свет и отправлялся в Москву на работу. Возвращался домой затемно, часто подвыпившим. А дома попадал в сущий ад. Лежа под машиной на бетонном полу в любую погоду, в конце концов, простудил себе почки. Не говорил матери об этом. Она чувствовала, что с ним творится что-то неладное. Сильно похудел, помрачнел. Но чем она могла ему помочь, кроме слов поддержки и кратких мгновений взаимного тепла, когда они изредка виделись.

6

Тамара Евгеньевна гостила у Сони в Америке, когда узнала, что мать ее тяжело заболела. И, прервав свое пребывание в Калифорнии, тотчас вылетела к своим родителям на Урал. Успела побыть у постели больной в крайние дни ее жизни. Проводила мать в последний путь. И осталась пожить в родном гнезде, помочь отцу в эти скорбные дни. Но одно — к одному. Беды обрушились на ее бедную голову. Из Зеленограда пришла весть, что Дима покончил с собой, бросился из окна с одиннадцатого этажа дома, где находилась их квартира. Загнанный в тупик, свел счеты с жизнью, как тысячи других людей в России. Это произошло 26 июля 1998 года. Ему было 35 лет.

В момент Диминого самоубийства его сестра в Америке была в тяжелом состоянии, беспокоилась, металась, не могла найти себе места.

Дмитрия Старостина кремировали и похоронили рядом с отцом.

Тамара Евгеньевна долго не могла прийти в себя. Ее материнское горе не имело границ. Оно не облекалось в слова.

Внук ее, сын Димы, Игорь испытал страшное потрясение от случившегося и надолго замолчал. Он не отвечал на вопросы учителей во время занятий. Не отзывался на обращения к нему сверстников. Все молчало в нем. Он жил в состоянии крайнего отчуждения по отношению к людям. Душа его замкнулась в своем несчастье.

По всем предметам Игорю ставили низкие оценки, на него уже махнули рукой, принимая его молчание за редкую тупость. Мать на вызовы классной руководительницы не реагировала.

Тамара Евгеньевна стала заниматься с ним, пошла в школу, где учился Игорь, и объяснила его классной руководительнице, что с ним происходит, он вовсе не тупица и может хорошо соображать. К нему стали относиться внимательней. Постепенно успеваемость Игоря выправилась. Но в основном молчание не оставляло его. Оно длилось около двух лет. Не заживала в душе рана...

* * *

Прошло два года, и Виктор Наумович, доктор физико-математических наук, в лаборатории которого работал Дмитрий, предложил Тамаре Евгеньевне пожить с внуком два летних месяца у него на даче, в деревне Никулино Калужской области. Он их отвез туда на своей машине. Там он, ко всему прочему, показал парню ящик с садовой электропилой нового образца, разобранной на части, и сказал: «Игорь, посмотри, как собрать эту штуковину, чтобы она заработала, как следует. У твоего отца руки были золотыми, с любым механизмом справлялся. Верно, и ты в него». И пока бабушка беседовала с Виктором Наумовичем, Игорь, ничего не спрашивая, возился с электропилой. И разобрался, она заработала. «Вот и славно. Спасибо тебе», — сказал маститый ученый.

Деревня Никулино стоит на берегу речки Шани. Здесь есть и пруд. Деревня старая: осталось пятнадцать дворов, два из которых принадлежат местным старикам-крестьянам. Избы у них ветхие и потемневшие от времени. У остальных дети вернулись и поставили новые дома, поблескивающие свежей, незамутненной краской. Да еще несколько домов с участками купили посторонние — горожане, чтобы приезжать сюда летом.

Светлыми вечерами Тамара Евгеньевна вместе с Игорем сидела на крыльце, иногда переговаривались. Первая звезда появлялась на небе. Они слушали тишину. Дышат — не надышатся чистым, живым, прохладным воздухом. Здесь в прозрачной тишине, в глубине России ей безмерно жаль Костю, сына Диму, внука Игоря... Она непроизвольно подумала о том, как размываются, исчезают Костины черты, еще явные у Димы и Сони, в новоявленных лицах внуков. Выражение его лица, цвет глаз, жесты... Кудрявость волос перешла почти ко всем, а вот цвет глаз серый с некоторой голубизной повторился у одного только Игоря. Как сложится его судьба в резко изменившемся мире? Как проявится его ум, воля? Будет ли он хоть как-то похож на деда?.. Встретит ли подходящую подругу, чтобы они стали нераздельны на всем пути, как Костя со мной, как Саша — Алекс и Соня?.. Ведь какую душевную травму получил он в начале жизни!..

— Бабушка, — обращается Игорь к ней, — возьми себе в Америке фамилию Стар. Будешь не Старостина, а Стар. Тамара Стар — Тамара Звезда. Красиво!

— Нет уж, Игорек, я останусь Старостиной, — улыбнулась она. — Мы с тобой навсегда будем Старостины.

Когда над деревней высоко в светлом небе иногда едва заметной точкой пролетал самолет, оставляя за собой тонкий белый след, Тамара Евгеньевна вспоминала свои полеты в Америку и думала, что такая же зыбкая нить связывает ее с дочерью. Возвращаясь в Россию, она не могла пребывать с невесткой под одной крышей, где была прописана, и по-прежнему жила у своей подруги Людмилы Андреевны. С Игорем они, как раньше с Димой, улавливались о встрече по телефону и виделись на стороне. В последний раз она привезла в подарок внуку компьютер. И он с увлечением проводил многие часы в компьютерном мире. Игорь сказал бабушке, что после девятого класса намерен пойти в строительное училище, а по окончанию его — в строительный техникум. Не высока планка, конечно. Понятно, тыл у мальчика непрочный, почти никакого нет. Но, кто знает, в отрочестве, в юности стремления часто переменчивы. Ему без поддержки самому барахтаться в волнах жизни. Да к тому же у него еще есть малолетний брат Владик, которому он должен будет помогать...

7

Тамара Евгеньевна перебралась в Соединенные Штаты Америки на постоянное место жительства по статусу — «воссоединение семьи». Сначала жила у молодых, как во время гостеваний. Потом, когда они продали дом, купленный в рассрочку, и на вырученные деньги приобрели в полную собственность большой дом в маленьком городке, севернее прежнего, в двух с половиной часах езды от него, Тамара Евгеньевна осталась в Маунтэн Вью. Тому было несколько причин. Прежде всего, на новом месте не было русскоязычных жителей, а здесь она обзавелась знакомыми из России, которые ей пришлись по душе. Кроме того у нее появился свой небольшой огород по соседству с другими, который она любила обихаживать и с наслаждением работала в нем. Огород — опора душе на малознакомом месте. Она выращивала огурцы, помидоры, картофель, капусту, кабачки, сладкий перец, лук, чеснок яровой и озимый, петрушку... И если поблизости никого не было, приходя, здоровалась вслух с каждым

стебельком, с каждой веточкой говорила им добрые слова. Теперь ей казалось, что лучше бы она не математиком стала, а ботаником или биологом, как Людмила Андреевна.

Поселилась она на улице Сьерра Виста, арендовала небольшую квартиру в субсидированном комплексе домов. 700 долларов на это ежемесячно высылает ей дочь. А на еду и прочие расходы Тамара Евгеньевна зарабатывает тем, что ухаживает за очень пожилыми и больными стариками: готовит им еду, убирает квартиры.

Время от времени приезжает за ней Соня или Алекс и забирают ее к себе. Она у них живет неделю — дней десять, общается с внуками, помогает по хозяйству.

* * *

Неожиданной новостью стало появление в Маунтэн Вью отца Саши Юрия Наумовича Рашинского, профессора — кардиолога, эмигрировавшего из Москвы со своей второй женой Аллой Викторовной, намного моложе его. Первая жена Рашинского умерла. Саша — Алекс, который очень любил мать, не выносил Аллу Викторовну, занявшую рядом с отцом ее место. Причиной эмиграции пожилого профессора именно сюда кроме отцовских чувств было надежное экономическое преуспевание сына. Они условились, что все располагаемые отцом доллары Алекс положит в банк на свой расчетный счет, и каждый месяц Юрий Наумович будет снимать с этого счета определенную сумму.

Рашинский-старший чувствовал себя вольготно в школе для эмигрантов, изучающих английский язык. Постоянно раздувал свой авторитет. Вел себя так, как будто над ним сияет нимб московской знаменитости и среди школяров ему нет равных. Говорил громко, что его сын зарабатывает больше чем президент Соединенных Штатов. Замечал с надменной гримасой: «Моя жена, преподававшая в Москве в институте международных отношений, знает язык не английский по-американски, чему обучаемся мы, а чистый английский. У нее — настоящий «бритиш»!».

Многие завидовали его прочной защищенности в жизни. Но вдруг произошло непредвиденное: Юрию Наумовичу потребовалось с расчетного счета сына снять денежную сумму, заметно превышающую договоренную, что он и сделал, не предупредив об этом Алекса. И тот в свою очередь, ничего не сказав, перекрыл отцу доступ к расчетному счету. Юрий Наумович пришел в полное бешенство и вызвал к себе сына. «Вы живете слишком широко, — сказал тот, — я вот вижу у вас на столе оливковое масло, оно вам не по карману, покупайте попроще и вообще живите поскромнее. Не шикуйте». Юрий Наумович задохнулся от негодования, побагровел. Алла Викторовна, взглянув на мужа, заметила: «Алекс, негоже так вести себя с родным отцом!». «А ты заткнись, шлюха...» — бросил, сорвавшись, Алекс в ее сторону. «Я не позволю подобным образом оскорблять мою жену», — прохрипел Юрий Наумович. Алекс повернулся и ушел. Алла Викторовна разрыдалась. Но финансовые отношения не давали им порвать с Алексом.

Спустя некоторое время, по звонку отца сын снова явился к ним. Не сказал чистосердечно «извините меня», а произнес, не желая уронить свое достоинство, в американской манере: «Я сожалею, что так произошло».

* * *

Просторный дом Алекса и Софьи возвышается на холме в окружении редко растущих старых мощных деревьев. Рядом, пониже — несколько хозяйственных строений. Никаких соседей у них на холме нет. Большой изогнутый участок земли, поросший травами, с дорогой, поднимающейся от шоссе к дому. Вольный дух сквозит во всем. На холме, на открытом возвышенном пространстве набегающие ветры сотря-

сают дом. И тогда он весь гудит, деревья скрипят, словно бы напоминая о жизни американских первопоселенцев. Сюда наведываются олени. Изредка мелькает вдали обитающий в этих местах горный лев.

Сухие травы — источник пожаров. Алекс приобрел сенокосилку и скашивал их, но затем скошенные травы надо было куда-то сбывать. На это требовалось достаточно свободного времени, которого у Алекса нет. По совету пожарных он приобрел лошадь, несколько овец и небольшое стадо коз. Они постоянно паслись, и таким образом травы исчезали. Но загон для овец находился на отшибе от дома. И овец, одну за другой зарезал охотившийся здесь горный лев. Овцы даже полезнее коз: съедали траву начисто, под самый корень. Однако после случившегося их больше не заводили. В этих местах опрометчивым быть нельзя.

Чаще всего Софья, а иногда и Алекс отвозят детей в школу, а после занятий забирают их оттуда. Понятно, в школе, но и дома с ними говорят только по-английски. Миша, поев, тотчас садится за компьютер и большую часть времени проводит за этим занятием. Кроме того он увлекается теннисом и восточным боевым искусством — каратэ. Маша читает книги на английском языке, берет уроки пения и танцев, тоже увлечена теннисом, а еще конным спортом. Одним словом, они оба ведут насыщенную жизнь, характерную для детей обеспеченной американской семьи.

Тамара Евгеньевна, обычно не вмешивающаяся в жизнь молодых, как-то спросила Алекса и Соню, почему они дома совершенно не разговаривают с детьми по-русски. Соня промолчала. Алекс же, слегка нахмурясь, заметил:

— У них и так большая загрузка помимо школьных занятий. На русский язык просто не хватает времени. Да он им и не понадобится.

— Вы уверены? — спросила Тамара Евгеньевна.

— Абсолютно уверен, — сказал Алекс. — Они родились в Америке. И должны как можно успешней войти в американское общество. Им надо совершенно свободно говорить по-английски, глубоко овладеть им. Русский язык будет только отвлекать их внимание. Начнется путаница. Мне рассказывали, что даже праправнуки Льва Толстого, живя в Швеции, полностью утратили русский язык.

Соня потом призналась матери, что пыталась преодолеть нигилизм Алекса по отношению к русскому языку в его системе воспитания их детей. Но он неумолим. Как-то сказала ему, что очень хочется съездить с детьми в Россию... Несколько раз подступала к нему с этим. Он отмалчивался. В конце концов, отозвался, что не видит смысла в этой, как он выразился, затее. «Мама, я даже заметила ему, — говорила Соня, — что Россия страна великой гуманитарной культуры, и никогда в жизни не прощу себе, если мы отлучим своих детей от нее. Да и мы сами без нее будем, как засохиные деревья... Саша раньше не был таким и на Родине, и в первые годы нашего пребывания здесь. Он тогда не притворялся, я бы заметила... Просто он стал меняться, он меняется прямо на глазах». Тамара Евгеньевна вздохнула: «Какие надежды возлагал отец на Диму и тебя! Дима погиб. Дай Бог тебе не сломаться». Они помолчали. Соня добавила: «Я все больше не узнаю Сашу... Оттого горше, мама, что я люблю его».

Тамара Евгеньевна расстроилась от этого разговора с дочерью, долго не могла заснуть, все думала: «Есть люди, которых, век живи, не постичь. Как мне Саша понравился при первой встрече: надежный, открытый, жизнерадостный, казалось, сочувственный...» Сознание стало преломляться, ей приснился безумный сон: она встречает Костю, живого, здесь в Америке. Он ничуть не изменился. Смотрит серьезно на нее и не узнает. Она, волнуясь, говорит ему: «Костя, это я, Тамара!» Он не понимает ее и начинает бормотать какие-то, как ей кажется, несвязные английские слова, смысл которых она не может постичь. Ей становится не по себе, оттого что она не может прорваться в его внутренний мир, как не может прорваться к своим

внукам. «Костя, Костя,— кричит она,— неужели мы потеряем внуков?» И просыпается от собственного крика. Какая реальность предстает перед ней: Миша знает по-русски несколько примитивных фраз: «Я хочу есть», «Спасибо», «Скоро в школу», с которыми обращается к ней, и самоуверенно больше ничего не желает знать. Другое дело, Маша: у нее явные гуманитарные наклонности. Надо постараться обучить ее русскому алфавиту. И приносить ей книги русских писателей. Может быть, так возникнет в ней тяга к великой литературе, к пока потустороннему родному слову. Начнет читать, а там, глядишь, и писать по-русски обучится. И тогда этот живой интерес пересилит отца, успокаивала себя Тамара Евгеньевна...

Когда справили Мише бар-мицву, отец на подаренные гостями деньги купил по желанию сына авиабилет ему, и они полетели вдвоем на две недели в Израиль, в туристическую поездку по стране давних предков Алекса.

Теперь пришла пора праздновать бат-мицву Маше: ей исполнилось 12 лет. Она усердно готовилась к этому. Целый год, каждую среду брала уроки разговора и письма на иврите, изучала соответствующие места из торы, училась ритуальному пению.

Бар-мицва для мальчиков и бат-мицва для девочек — акты раннего совершеннолетия, связанные с древнееврейскими религиозно-духовными традициями. В этих празднествах — испытаниях, как правило, принимают участие раввин и кантор. В бат-мицве у Маши кантором была молодая женщина. Маша прочитала на иврите предложенный ей отрывок из торы. И потом толковала его на английском языке.

Тамара Евгеньевна несколько дней помогала дочери готовить угощение для Машиных гостей. Разрезали по окружности на две равных части бейгель — хлебцы типа русских бубликов, но с меньшим отверстием по середине. И приготавливали разного рода сырные намазки, яичный и другие салаты, семгу, красную икру, шоколадную пасту... Запаслись легким красным сладким вином.

Машин праздник прошел успешно. Она была в приподнятом настроении и, когда родители спросили, что ей подарить на память об этом дне, сказала: «Собаку».

У них уже был Лабрадор Макс. Теперь в доме появилась еще одна собака: какого-то дымчато-серого окраса ирландский терьер Дикси. Ее взяли из питомника по Машиному выбору. Вскоре после этого, резвясь с Максом на холме, Дикси обнаружила двухметровую гремучую змею, гревшуюся на камне под солнцем. В таком случае Макс предпочтает лаять издали. А Дикси, увлекая его за собой, отважно бросилась на пресмыкающееся. Змея стала издавать предупредительно угрожающие звуки, похожие на электрические разряды. Но Дикси, не обращая на это внимание, напала на нее. И завязалась схватка. Собаки разодрали змею на куски. Но она успела дважды ужалить Дикси в голову, рядом с виском. Дикси радостно лаяла, верно, оттого, что спасла жизни своих близких от опасного существа. Через час-другой голова у Дикси сильно распухла. Собака была в тяжелом состоянии, стала скулить, моментами терять сознание. Алекс с Машей срочно повезли ее в ветеринарную клинику, и там ей впрыснули очень дорогую, сильно действующую противоядную вакцину. Шерсть вокруг следов от укусов выстригли и их прижгли. Через некоторое время Дикси пришла в себя.

Но через несколько дней история повторилась. Дикси, гуляя, обнаружила еще одну гремучую змею и бросилась на нее. На этот раз собаку с великим трудом вывели. Она чудом осталась жива. С тех пор ее в отличие от Макса не выпускают вольно гулять по холму. И выводят всегда на поводке. Она обитает в свободном состоянии только в доме. Маша еще больше полюбила свою Дикси, с ее выстриженными местами на морде и шрамами, за ее храбрость и самоотверженность. Собака чувствует это и любит бывать в Машинной комнате, лежать у ее ног.

Тамара Евгеньевна, наблюдая за внучкой, замечает у нее черты, схожие со своими, когда была в таком же возрасте. Особенно — чувствительность. Ее должен увлечь русский язык, надеется Тамара Евгеньевна. Она привезла Маше «Азбуку» и помогла освоить ее. Маша быстро научилась читать. Но зачастую не понимает смысл прочитанного и нередко неправильно ставит ударения в словах. Тамара Евгеньевна поправляет ее. И кратко объясняет смысл. Это самое сложное: внучка не знает русский язык, бабушка очень немного знает английский. Помогает русско-английский словарь. Сначала в дело шли тонкие книжки с незатейливыми стихами и простыми короткими рассказами. Потом бабушка дала Маше «Детство. Отрочество. Юность». Льва Толстого. Медленно стало двигаться чтение, постижение языка. Но постижение радостное. Вот они сидят в Машинной комнате. У ног девочки, закрыв глаза, растянулась Дикси. Маша читает вслух «Детство»: «...Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом все как будто веселело. Если бы в тяжелые минуты жизни, я хоть мельком, мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе. Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотой лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно».

— Бабушка,— спрашивает Маша,— о чем здесь написано? Что такое «тяжелые минуты жизни»?.. Что есть — «горе»?.. Как понять — «улыбка прибавляет прелести лицу»?.. Улыбка, это — smile?..

8

Алекс Рашински не сразу узнал о новом увлечении дочери, а узнав, недовольно спросил ее по-английски, не помешает ли оно ее основным занятиям. «Нет, нет, наоборот! — по-русски ответила Маша.— Мне нравится русский язык, его звук мне — в радость. И он, не знаю, как сказать... Очень просторный!»

В последнее время Алекс стал дома раздражительным, нервным. По всяким пустякам придирался к детям, что прежде не похоже было на него. Иной раз Соню обрывал на полуслове. Она жалела его. Как-то спросила:

— У тебя нелады на работе?

— С чего ты это взяла?

— Нервничаешь. Ты, наверное, устал? Может быть, взять короткий отпуск?

— Подумаю,— отозвался он.

* * *

Алекс позвонил с работы отцу:

— Папа, я должен с тобой доверительно поговорить.— И подчеркнул: — Наедине.

— А что случилось?

— При встрече расскажу. Заеду сегодня после работы.

Опять, наверное, по поводу финансовых дел, с тревогой и неудовольствием подумал Юрий Наумович.

Сын позвонил с дороги, и отец вышел ему навстречу. Стояла прохладная осенняя звездная ночь.

— Папа,— сразу же сказал Алекс,— я полюбил другую женщину.

— Она американка?

— Да, Сюзан. Мы работаем вместе. У нас общие интересы и стремления. И она прекрасна.

— Вы живете уже?

— Да. Я помолодел на пятнадцать лет. И не могу жить без нее.

— А как же Соня?

— Соня слишком ясна и уравновешена. Я начал увядать с ней, затухать как личность и как мужчина. Ты должен понять меня. Сюзан непредсказуема, своенравна. Ее каждый раз побеждать надо. Но побежденная, она отдается несказанно. С Сюзан я оживаю, она разжигает меня. Я с ней становлюсь, умнее, острее. Некоторые ее считают стервой: колючая, неподатливая... Но я понял, что вообще люблю таких.

— Стерва в изначальном смысле — падаль. А те, кто питаются ими, стервятники. Я не думал, что мой сын — стервятник.

— Сейчас другой смысл вкладывают в это слово. В Сюзан — захватывающее чувство жизни. Мне это близко. И, наверное, всегда было близко... Я сам не знал, кто я такой. Я хочу быть осязательно живым, остро живым. Я только здесь почувствовал свои возможности в этом смысле. Хочу жить во всю полноту натуры, не укрощая себя.

— Саша, подожди делать решающий шаг. Не спеши уходить от жены, от своей семьи. Бурное пламя спадет. А, как говорят, хороший левак укрепляет брак. К тому же большинство американок плохие хозяйки, особенно, наверное, такие, как Сюзан. Готовя обед, водят пальцем по раскрытой книге рецептов и покупают в магазинах полуфабрикаты. Будете всегда бродить по ресторанам.

— Ну что ж, побродим стгоряча, а со временем найдем хозяйку-стряпуху. Особенно хороши в этом деле украинки.

— Опомнись, опомнись, сынок. Такая светловолосая, ясноглазая Сонюшка — Русь-матушка! Основа крепкой семьи. У тебя семья, как цветущий сад. А ты хочешь его вырубить одним махом!

— Я не вырубаю. Я им квартиру сниму, буду помогать. Дети, если захотят, смогут в дальнейшем две недели в месяц жить у меня.

— О чем ты говоришь! Подумай только, Соня прилетела на твой настоятельный зов из далекой другой страны. В тебе нет Бога.

— Я не в силах пожертвовать этой своей любовью.

Так они расстались, каждый при своем. Когда Юрий Наумович передал их разговор Алле Викторовне, она спросила: «Он всегда был таким или только сейчас оподлился?»

* * *

В этот воскресный день Алекс и Соня были одни в своем доме на холме. Дети, ничего не подозревая, придавались своим любимым играм: Майкл борьбе в спортивном зале, а Маша теннису на теннисном корте.

Алекс занимался деловыми бумагами в своем кабинете. А Соня с утра тревожилась, беспокоилась, не находила себе места, предчувствуя приближение какого-то непредсказуемого разговора. Автоматически занималась домашним хозяйством. В доме витала беспокойная тишина. Она обернулась, услышав шаги мужа. «Я должен с тобой поговорить», — сказал он. Она вопрошающе посмотрела на него... «Соня, я полюбил другую женщину, — не глядя в глаза жене, промолвил он. — Я тебе с детьми сниму подходящую квартиру в городе, где скажешь, и буду помогать вам». Жизнь в одно мгновение перевернулась. Лицо Софии сделалось белым, губы задрожали. Она не заплакала, ничего не сказала. Безмолвная скорбь охватила ее душу.



Тимур Зульфикаров
(г. Москва)



АПОКАЛИПСИС XXI ВЕКА*

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амуре Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек ухаживает за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Сабля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра» и в журнале «Приокские зори».

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

...Мудрец сказал:
— О, Великие Идеи!

Я вспоминаю страдания скитанья в пустыне Боговидца Моисея...

Я вспоминаю Муки Христа на Кресте и кровь мучительную долгую первохристиан...

Я вспоминаю Священные Войны Пророка Мухаммада и Вечно Живой Меч Ислама...

Я вспоминаю кровавые победные тюмени Чингисхана и степную «Книгу Яссы»...

* Продолжение; начало см. в «ПЗ» № 1, 2015.

О, Господь!..
Ты знаешь! Ты попускаешь!..
Ты не даешь уснуть человечеству во сне живота и плоти тленной его..
Ты насылаешь на людей Великие Идеи!.. Великие Религии!.. Великие Дея-
ния!..

Увы!.. Великие Идеи живы и плодотворны, пока Они поливаются, орошаются
Великой Кровью Жертв и Героев, как розы поливаются обильною водою..
Увы! Увы! Увы!..

И Великие Идеи засыхают, умирают, когда иссякает Великая Кровь Великих
Жертв... Кровь великих безымянных героев!..

Вот нынешняя «Великая Империя USA» проливает Многую Кровь в мире и по-
тому Она — Хозяин мира, как бы народы ни проклинали Ее... Увы! Увы!..
Остановится, пресечется Великая кровь — остановится, рассыплется Империя,
как засохшая гранатовая роза...

Сладкий нежный мир убивает Великие Идеи и Великие Империи...

И вот — бывшие герои пьют вино, любят многих жен и чад и наслаждаются золо-
том...
И Мечом режут хлебы, как ножом...
Тогда Великие Идеи и Великие Империи настигает смерть...
Так погиб СССР...

Только Войны и Многая Кровь — Садовники Великих Идеи и Великих Импе-
рий...

О, Господь!.. Бездонны Тайны! Промыслы Твои...
Великие Идеи и Религии — Кровавые Розы гранатовые в Саду Человечества...

А мы — лишь слепые муравьи, что бродят по тысячелетним плитам Древних Пи-
рамид!..

Фараон Хеопс! Где Живые Великие Идеи?.. Империи?.. Войны Твои?..

Одни Пирамиды в пустыне знают, но молчат о Них...
И мумии знают, но молчат...

Блаженные Времена Фараонов...
Засохшие Времена Мумий...
Увы... увy...

БЕГСТВО КАПИТАЛА

I.

...Вот ты вырастил урожай золотой пшеницы и вышел в поле с серпом...
Сутул, горбат, все поле перескакал... Серп...

Время жатвы пришло... сладкое время золотой жатвы золотой пшеницы...

Но тут в твоём поле золотом явилось множество пришлых людей с мешками...

Они быстро собрали, выдернули урожай твой и пошли, побежали по полю голому прочь...

Ты закричал: Кто вы?.. Почему воруете мою золотую пшеницу?.. Мою неприкосновенную святую частную собственность?..

Они скалятся в ответ: Мы бизнесмены... А ты — раб... комуняка слепой... совок... сорняк!..

Я кричу, размахивая ненужным серпом и забыв, что серп может быть мечом: Зачем воруете мою пшеницу?..

А они смеются: Бегство капитала!..

И убегают с моей пшеницей...

А я стою, разинув потрясенный, доверчиво щенячий рот, в голом поле...

Посреди голой, обобранной дотла, до последнего колоска, Страны моей...

И шепчу, безнадежно, как попугай: Бегство капитала!.. Бегство капитала!..

От этого лютого бегства народ наш наивный, детский, православный, смиренный стал необъятно нищим... голым, как обворованное поле!..

«Бегство капитала! Бегство капитала!» — звучат, стучат в голове моей наивной гнилые, чужие, бесовские словеса...

...И тут, в поле голом внезапно набегает ветер гнилой, западный, и наносит в уши мои и в душу мою вихрь кошачьих английских мертвых словес...

И будто чей-то сатанинский ласковый, льстивый голос с так полюбившимся нам английским акцентом — кричит, поет мне в ухо, как ворон, в поле:

— Бизнес!.. Демократия!.. Политкорректность!.. Сексуальные меньшинства!.. Консенсус!.. Президент!.. Спикер!.. Биржа!.. Профицит! Дефицит! Банки!.. Офисы!.. Реформы!.. Перестройка!.. Встречи!.. Симпозиумы!.. Встречи без галстуков!..

...О, Боже!..

Я затыкаю уши от этого сатанинского бешеного вихря чужебных словес в безвинном русском поле... в беззащитном русском народе...

Но в одуревшей голове крутится адское: Встречи без галстуков!.. Встречи без галстуков!..

...О, Боже!

А мы уже от этих «встреч без галстуков» — остались без штанов...

Ура! ура! ура!.. Гойда!

В русском поле голом так сладко бегать без штанов!..

Без украденной пшеницы!..

Без родной еды!..

Без разграбленной избы!..

Без разрушенной Страны!..

Без убитой тысячелетней Судьбы!..

Айда, господа братцы, в бурьяне паленую водку пить!..

А на кишащих необъятных погостах уже некого и некому хоронить...

Айда!.. Гульба!.. Гулянка!.. Пьянка!..

В бурьянах необъятных...

В деревнях заколоченных, гвоздями распятых... (не те ли Гвозди, что шли в Запятья Христа?.. Те!.. Те!..)

В городах пропащих пьяно... чужеземцами удушенных, задавленных...

Айда!.. Гуляй!..

И Стенька Разин, и Емелька Пугачев, и дедушка Ленин с пролетарским маузером радостно гуляют, бегают в необъятном русском демократическом голом поле!..

Вот Он, наступил — долгожданный Час Русской Необъятной Воли и Свободы!..

...О, Боже!..

Да что-то плачется... что-то недужится... что-то печалится в сиротском голом русском родном безвинном беззащитном, как ребенок, поле...

А где Русские витязи?..

Где Заступники?..

Где Святые воины?..

А не ты ль, брат мой?..

А не я ль, брат мой?..

Но!..

БЕГСТВО КАПИТАЛА

II.

Но!..

Каждое утро ласково, любовно, нежно объявляют, что из страны уходят деньги.

Это наглое, бесстыдное воровство называют «бегством капитала».

Вот у вас, из вашего дома, каждый день уносят вещи, мебель, одежду, деньги, ковры... люстры... носки... домашние тапочки... ночной горшок...

Пустеет, нищает дом ваш... ваша «святая частная собственность» превращается в «святую частную собственность олигархов»...

Вашу собственность можно грабить, а их — нельзя!..

Вначале у нас увели умыкнули уворовали страну СССР!

Потом все деньги — потные, трудовые, мозолистые — стали прахом бумажным...

(Известно еще со времен Адама Смита: хочешь убить страну и народ — убей их деньги...

Самое страшное зрелище — горящие на помойке горы былых денег... Это горят человеческие жизни... человеческие судьбы...

Эй, господа банкиры, вы чувствуете этот дьявольский запах всенародной гари и смерти?..

Это убийца-доллар сжег рубль...

Щука вошла в пруд и сожрала всех кротких, покорных карасей...)

Потом родную землю распродали...

Потом умыкнули и разграбили заводы... фабрики... колхозы...

Потом лишили работы и смысла жизни миллионы людей...

И все это назвали сладким словом «реформы»!..

Торговцы, которых некогда Спаситель изгнал из храма — пришли к власти...

Они умеют только торговать-продавать...

Строить-созидать они не умеют...

И вот вся Русь превратилась в необъятный базар, рынок, торжище...

Все торгуют, все продают и все продают...

Ад — это базар!..

Реки русских денег потекли на Запад... а за ними двинулись миллионы казнокрадов и мелких воров...

Реки русской крови потекли по русской земле вослед за реками денег...

Деньги — кровь государства — и вот кровь уходит бурно на Запад...

Государство — молчит... Государства — нет...

Есть главы государства, есть государственная дума — а государства нет! Как трогательно!..

Вот в человеке бьется пять литров крови — и четыре литра украдены...

Наступила сладкая предсмертная анемия... нирвана... государственная энтропия...

Как может жить человек с одним литром крови?..

Как мы живем?..

А мы умираем покорно и миллионами переселяемся с земли мертвой, брошенной — на свежие кишаси родные кладбища!..

Вот где бушует нынче жизнь!..

На русских погостах, разлившихся, как реки в наводнение!..

...У меня на даче бочка для воды стоит. Я всякий вечер таскаю ведрами в бочку воду, а утром бочка пуста — у нее днище пробито, вода за ночь и уходит, а я все таскаю тщетные ведра с водой...

Так и мы таскаем... тщимся...

Наша страна, наша жизнь и есть эта Протекающая Бочка...

И это — Главная проблема нынешней России.

Те, кто молчат о Ней — трусы и демагоги.

Только о Ней надо кричать, говорить, вопиять!..

Решить эту проблему можно в один день.

Не надо слушать кровопийц — банкиров, политологов, продажных лжеэкономистов и др.

Рузвельт в течение одного дня решил эту проблему, подвергнув санации банки... Страшно ему было, ведь Америка — страна всемогущих банков, но Рузвельт решился...

Ау, где Вы, наш уважаемый Президент?..

Увы, на Руси все зависит от Первого Лица (это ахиллесова пята всех империй)...

Американцы прекрасно поняли это и, разрушая, соблазняя Горбачева-Ельцина — разрушили и соблазнили СССР...

...Я вспомнил одну картину из своего романа. Жена в красном древнем сарафане-кумачнике лежит на холме, а все вены Ее перерезаны, и кровь руда Ее безвинная стекает ручьями по холму...

А у подножья холма стоят радостные американцы и европейцы с золотыми кубками и хрустальными бокалами и собирают эту кровь гранатовую парную покорную в золотые кубки, в хрустальные бокалы и в ладони, пахнущие французскими духами...

Умываются сладко нашей кровью... пьют кровь нашу...

А мы стоим и молчим...

А эта Жена в сарафане-кумачнике — наша Мать! Наша Святая Русь исколотая, изрезанная чужеземцами...

А некоторые из нас подносят им лстивые подлые иудины ножи: Режьте, господа, нашу Мать плодоносящую! Кровеобильную! Пейте кровушку нашу!.. Наполняйте Ею ваши золотые кубки!..

О, Боже!..

Доколе?..

Когда я вижу бесконечные воровские поезда, несметно бредущие на Запад с нашим русским лесом, с нашей русской нефтью, с нашей русской рудой и алмазами, с нашими красивыми девами, женами и талантливыми инженерами — мне хочется броситься под них...

Да разве это остановит их дьявольский тайный бег?..

Да разве остановит?..

А, может, Божье Слово их остановит?..

О, Господь!..

Доколе?..

(Продолжение следует)



Рудольф Артамонов
(г. Москва)

РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ПОЖИЛОЙ ПАРЫ В ВЕЧНЫЙ ГОРОД



Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 г. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член союза журналистов Москвы. Пишет прозу. С 2007 года публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова

Эти заметки не следует рассматривать как путеводитель по Риму для туристов. Во-первых, из-за недостатка знаний о достопримечательностях древнего города. Во-вторых, из-за малости времени, отпущенного на путешествие. Наконец, в-третьих, как следствие «во-вторых», вторая половина дня «обхода» города осуществлялась в сумерках, переходящих в темную южную ночь. Что-то просто не удалось рассмотреть, как следует. По приезде домой раскрыли книжки и путеводители и увидели, что многое не заметили и даже назвали не так. Но поправлять не стали. Как видели, так и записали. Эти строки память о наших впечатлениях от города, в котором всегда мечтали побывать, не более того.

Аэропорт Фьюмичино самый бестолковый из виденных ранее. Мы метались в зале прилета в поисках своего багажа. Стрелки с надписью “luggage” приводили туда, где «лагиджем» и не пахло. Служащие аэропорта, не останавливаясь, легкомысленным и небрежным жестом одни указывали налево, другие направо, но ни там и ни там ничего похожего на выдачу багажа не было.

Через полчаса, не меньше, наконец, уставшие и сердитые, мы воссоединились со своим чемоданом и сразу устремились к стоянке такси.

Видимо, первый наплыв прибывших схлынул, очередь была в три человека, машины подкатывали одна за другой, и через пять минут мы уже сидели в беленькой иномарке.

«Отель Фарнезе», — сказали шоферу.

“Forty euro” — сказал он, обернувшись к нам, и для убедительности показал листок с колонкой цифр. “Via Alessandro Farnese forty euro”. Сорок, так сорок.

Ехали быстро, разглядеть что-либо было трудно, и быстро приехали.

* * *

По ступенькам великолепного старинного здания поднялись к двери, открыли ее и оказались сразу в ресепшн перед стойкой и портье. Предъявили паспорта. Несколько быстрых касаний по клавишам компьютера, сделанных мужчиной средних лет в черном костюме, черном галстуке на белой рубашке, и нам вручили ключ, подвешенный на деревянном шаре величиной с теннисный мяч.

“*Second floor, number six, per favor*”, — молвил портье с мягкой улыбкой.

Я было нагнулся к чемодану, как меня опередил пожилой мужчина в форменной пиджаке, подхватил его и направился к лифту. Мы за ним. Кабина, похожая на маленькую уютную комнатку, бесшумно пошла вверх и через пять секунд остановилась на втором этаже.

У двери № 6 произошло некоторое замешательство с ключом. Услужаящий показал, как надо сделать, чтобы ключ сработал — сначала вставить в щелку пластиковую карточку. Вставили, и мы вошли в номер. Перед тем как вошли, Надя на удивление ловко, как бы привычным жестом, что-то, конечно, деньги, вложила ему в руку, он поклонился — “*grazie*” и пошел к лифту.

* * *

Мы вошли в номер и легонько ахнули. Подобного раньше не видывали. Он представлял собой как бы спальню в старинном доме. Огромная кровать с огромным же резным по дереву изголовьем. Над ним тоже большая картина в стиле галантной живописи XVIII века, изображающая молодого человека в окружении «пастушек», сидящих под ветвистым деревом. Все это в золоченой резной раме. Рядом старинное, кажется, не имитация, бюро. Чтобы убедиться — не бутафория ли, откинул крышку, лежит кожаная папка с теснением, а в ней заточенный карандаш, ручка для письма и листы фирменной бумаги с гербом заведения в виде рыцарского щита с HF, над ним четыре золотые звездочки полукружьем. И еще два старинных кресла с плюшевой темно-бордовой обивкой.

* * *

Отдохнув с час времени, решили идти в город. Не терпелось. Большим преимуществом отеля оказалось его расположение всего в ста метрах от станции метро. Спуск по лестнице, несколько ступенек вниз и мы на платформе. Метро, как правило, под землей, но первое впечатление, что спустились в подземелье. Никакого мрамора на стенах и гранита под ногами. Серые стены, исчерченные электрическими кабелями, вода между шпалами. Сыро и холодно. Неуютно. Но вагончики симпатичные. Светлые, небольшие. Громкое объявление — “*Proxima fermata Piazzadel Popolo!*” Значит, следующая остановка наша. Это первый «объект», который мы наметили посетить, изучая карту Рима еще в Москве.

* * *

Выйдя из метро, повернули направо, прошли в арку какого-то большого здания, и — перед нами площадь. Она немножко внизу и хорошо видна от края до края. Народная площадь — *Piazza del Popolo*. Спускаемся к ней и попадаем в народ. Народ праздничный. Скорее всего, туристы. Оглядываемся по сторонам. Посередине высокая колонна. Справа скульптурная группа белого мрамора — фонтан. Слева за изгородью арена, засыпанная песком. Около толпа. На песке происходит какое-то действо. Подходим. Худенький парень в черном облегающем трико бежит по кругу, делая разнообразные движения руками и телом, словно его дергают за ниточки. Потом появляется кавалькада лошадей без седоков. Объехав арену по кругу, удаляются. Снова худенький парнишка со своими упражнениями. Все это повторяется раз за разом совершенно одинаковым образом. Мы отошли. Откуда-то появились молодые ребята, ряженные, на ходулях. С ними были девушки, тоже ряженные, похоже, в национальные костюмы. Они что-то выкрикивали, как бы зазывая куда-то. Народ гулял.

Схватились за камеру. Она была «мертва»! Тихая паника: что? — так до конца поездки?! Как всегда поиск виноватого.

— Надо было проверить дома!

— Вот бы и проверил.

Хватаемся за мобильник, как за соломинку. Что если и он *out of order*? Звоним сыну. Наш многомудрый в современных технологиях сын успокаивает. Оказывается, неправильно вставлена батарейка. Камера, доселе похожая на безжизненный булыжник, оживает, выдвигается объектив. Облегченный вздох, и фотосессия началась. Только начав фотографировать, замечаем, что с площадью что-то не так. В кадр то и дело попадают белые шатры, полукружьем обступившие ее по краю. Кафешки, палатки с сувенирами. Руки опускаются. Пошел мелкий редкий дождик. Настроение упало. Заметили, что ходить трудно. Площадь застелена булыжником не ровно, некое подобие мелкой ряби на воде, которая чувствуется через подошвы. Присаживаемся за столик на тротуаре кафе *Casanova*. Капучино и булочка. Идем «домой». В лифте замечаем в стенке телеэкранчик величиной с книжку, и поющего в нем Бочелли.

— Какая прелесть!

— Верди. Риголетто,— оба угадываем безошибочно.

В коридоре на подставках вазы разноцветного (неужели венецианского?) стекла, статуэтки «апполончиков» и «венерочек», на стенках гравюры на античные сюжеты. В номере к всеобщему восторгу обнаруживаем в ванной комнате джакузи. Как кстати! Закусываем «говнобутерами», которые не смогли съесть в самолете, где нас ими угощали сразу после набора высоты при пересадочном перелете из Мюнхена сюда, в Рим. Слово сие изобрел сын, испытавший такой же перелет до нас. Видимо, на него произвело неотразимое впечатление вкус и консистенция бутерброда с колбасой в черством хлебе, названное старшим стюардом по громкой связи «завтраком». И спать, спать. Слишком много впечатлений за один день. Бестолковое Шереметьево, длительный ночной полет, долгое ожидание в Мюнхенском аэропорту пересадки на рейс в Рим.

И запруженная народом *Piazza del Popolo*!

* * *

С утра дождь. Римский — мелкий, реденький, но дождь. В это утро первым номером был Моисей в *San Pietro in Vincoli*. Забыли зонт в чемодане. На сей раз виноватых не искали. Наверное, потому, что отдохнули, выпались, и было предвкушение свидания с Микеланджело. На туристской карте *chiesa San Pietro in Vincoli* рядом со станцией метро *Cavur*. Вышли из метро, оглядываемся на все стороны света, ничего похожего на церковь нет. Спрашивать прохожих итальянцев дело нестоящее. Во-первых, в ответ итальянская речь, во-вторых, коротенькая фраза, легкомысленный неопределенный жест, указывающий направление, и — «ариведерчи». Помогла смекалка, на сей раз посетившая меня: надо идти против потока туристов, ведомых экскурсоводом. Это означало подыматься вверх по не малой крутой лестнице, очутиться в узком переулке и, повернув налево, выйти к площадке перед церковью. Фасад ее оказался вопреки ожиданию довольно неказистым, простеньким. Да и интерьер, по сравнению с виденными в венецианских кьезах более чем скромный. Сразу стало ясно, куда двигаться: к толпе туристов, потому что смотреть на что-нибудь другое было нечего.

По мере рассасывания толпы мы все ближе подвигались к цели нашего посещения — Моисею творения Микеланджело. Смешанное чувство вызывало это грандиозное сооружение. Зная, что это суть надгробье папы римского Юлия II, заказанное им самим скульптору, поражались тщеславию этого «наместника Бога на земле». Про микеланджелового Моисея читал разное, но всегда это было написано с неким пиететом, типа — фигура вождя евреев исполнена величия, поворот головы вызывает

энергию и силу, взгляд суров и властен и т.д. в том же духе. Я смотрел и не мог понять, почему рожки на голове. По-моему, они принижают Моисея, по-настоящему великого человека, совершившего один из самых грандиозных подвигов в истории человечества — освобождение из плена целого народа. Делают из него подобие идола, языческого божества. Потом, почему он сидит? Устал? Сел судить народ? Вождю, а он, несомненно, вождь, пристало быть в вертикальном положении. Взгляд более задумчив, чем суров или гневен. Впрочем, мысли эти не озвучивал, потому что вряд ли они были бы разделены Надей. Принято восхищаться тем, чем восхищаются все.

Далее по программе *chiesa Santa Maria Maggiore*. Пишу кьезы, вроде бы церковь по-итальянски, но назвать их так или храмом, язык не поворачивается. Если и храм, то храм искусства. В Риме, да, видимо, и по всей Италии, это храмы искусства. В православном храме тебя ничто не отвлекает от молитвенной сосредоточенности, ибо окружен ликами Христа и святых, выполненных по церковным канонам, без ненужного в церкви реализма и эмоциональности. Здесь, как и везде в виденных ранее кьезах, по стенам огромные скульптуры святых и пап, надгробья, столь великолепные, что думаешь не об усопших, что под ними лежат, а восхищаешься искусством итальянских мастеров. Не знаю, можно ли в столь пышном и изысканном великолепии сосредоточится на молитве, на общении с Богом.

На сей раз поделился этими соображениями с Надей и не нашел понимания. Лишь раздражение и надутые губы. Прав, кажется, Оскар Уайльд: «с женщинами не следует говорить о серьезном».

Святыней в *Santa Maria Maggiore* почитается колыбель Младенца Иисуса. Она за стеклом. Приложиться к ней нельзя. Но, Господи! разве так можно: напротив колыбели огромной белой мраморной глыбой стоит коленопреклоненной папа римский. И именно он является акцентом пространства, и без того довольно тесного.

Третьим пунктом полуденной программы была кьеза *San Giovanni in Laterano*. Ах, как удачно она расположена! На вершине холма, видна издалека, перед ней большое открытое пространство. Она мало похожа на церковь, скорее, это вила, но до чего красива: в два этажа, удлиненные окна, на втором этаже полуаркой сверху, придают ей стройность и изящество; поверху балюстрада, на середине которой статуя Христа с лаконичным католическим крестом, по обе стороны от Него апостолы. Здесь хранятся нетленные главы апостолов Петра и Павла, казненных в Риме, и столешница, на которой совершалась Тайная вечеря. Как много христианских святынь в одном городе!

Ноги просили отдыха. Единодушное решение — отправиться «домой», отдохнуть и продолжить. По достоинству оценили, что отель рядом со станцией метро Levanto. Полчаса дороги и мы возлежим на широченной кровати, давая отдохнуть нашим, увы, не молодым ногам, в то время как голова еще жаждет впечатлений.

* * *

Мы на *Via del Corso*. Говорят, улица с таким названием есть в каждом итальянском городе. Улица магазинов. Стоим на остановке, от которой вчера бегали небольшие автобусики, появлявшиеся каждые пять минут. Стоим десять минут, двадцать. Смотрим на часы — прошло полчаса. Автобусиков нет. Улица запружена медленно прогуливающимся народом, как на пешеходной зоне в любом большом городе. Наконец, нас осеняет — сегодня суббота. И мы пускаемся пешком к видневшейся вдали, в конце улицы как белый айсберг, «пишущей машинке». Такое прозвище получил у итальянцев Алтарь Отечества

Договорились, *shopping* делаем в последний день. Проходим, не останавливаясь, мимо магазинов. Надя только мельком взглядывает в витрины, видимо, намечая бу-

душие объекты посещения. Проходим мимо здания, где, согласно путеводителю, работает премьером самый веселый итальянец по имени Берлускони. Перед ним колонна и фонтан. Набираем в пластиковую бутылку вкуснейшую итальянскую воду, запивать вечером лекарства.

И вот *Piazza Venecia*. Мчатся по кругу машины, мотоциклы. Кстати, мотоциклов на улицах Рима много. Проворство мотоциклистов феноменально. Как они прошмыгивают перед самым бампером мчащихся автомобилей, вообразить трудно. Восхитительно был видеть лихо мчащуюся на мотороллере пожилую, очень пожилую сухощавую синьору, ловко обгонявшую автомобили. Казалось, что под этой симпатичной «Бабой Ягой» не современное средство передвижения, а метла.

А вот и Алтарь Отечества. В самом деле, нелепое сооружение, трудно догадаться, что в нем может происходить — собрания, концерты, заседания. Глухой билдинг без окон, без дверей.

Поднимаемся справа от Алтаря на холм и сверху хорошо видны в раскопах античные сооружения. Знать бы, что это такое — храмы, термы, жилые дома? Форум Траяна, говорит Надя. Перед отъездом она читала книгу про Рим. В надвигающихся сумерках внизу белеет мрамор...

Смотрим в карту и видим, что недалеко Колизей. Впрыгиваем (конечно, не прыгиваем, а с некоторым усилием поднимаемся, все-таки «вторая смена» и усталые ноги) в автобус и через две коротких остановки на месте.

Колизей. Когда мы подъехали к этому чудовищному сооружению, уже стемнело. Темная громада с подсвеченными «окнами» производила гнетущее впечатление. В темноте отчетливо был виден только свет этих окон. Самое сооружение угадывалось неотчетливо в черноте южной ночи и представлялось как огромный стакан с отбитым краем. Мы обошли его вокруг. С каждым шагом усиливалось гнетущее чувство от знания, что место это место ужасных оргий, убийств и кровопролития. Никакого эстетического удовольствия не получили. Отметим.

Заканчивать день столь негативным впечатлением не хотелось. Даже к белевшей неподалеку арке (сколько их в Риме!) не пошли. Единодушно решаем ехать к фонтану Треви. Все прекрасное должно даваться с трудом. Найти эту самую популярную достопримечательность Рима оказалось непросто. Куца туристская карта не дает ни малейшего впечатления, как от станции метро дойти до фонтана. Обращаемся к девушкам, идущим навстречу: “*Where is fountain Trevi?*” «Прямо, потом вниз по улице и направо», — чистейший русский с украинским акцентом. Совет такой же приблизительный, как и ориентиры по туристской карте. Применяем уже испытанный метод — идем навстречу людскому потоку. Изобретенное *know how* не подвело. Еще десять минут — и Фонтан. Его можно писать только с большой буквы. Сцена потрясающая. Сцена, потому что на фоне сказочно красивого палаццо из арочной ниши его выезжает огромный Посейдон (может быть Нептун). Перед ним бассейн (это как бы подмостки), из воды его вздыбились белоснежные кони, порыв которых сдерживают за уздцы тоже беломраморные существа (может быть наяды, тритоны, не знаю). А далее ступеньки амфитеатром, которых не видно из-за огромной толпы людей. Мы на «галерке», потому что пробраться к бассейну нет никакой возможности. Из-за этого съемку ведем из самой невыгодной для этого позиции. Темная южная ночь, и веселящиеся люди, нет, не только молодые, они «отрываются по полной программе», много взрослых людей и даже нашего почтенного возраста. Говорят, что так будет до утра.

С обратной дороги мы сбились. То есть не нашли ту, по которой пришли к фонтану. Черда разных поворотов налево, направо, подъем, и мы на Квиринальском холме. Здесь все сплошь здания каких-то официальных учреждений. Некоторые охраняются солдатами с автоматами наготове. Перед одним из зданий черная скульпту-

ра всадника на коне. Темно, уже не разглядеть кто. Рядом флашток с итальянским знаменем. Удивила группа туристов, одни школьники, в столь поздний час на безлюдной площади, окруженной официальными зданиями.

Домой! Скорее домой. Слишком много впечатлений для одного дня. Дома погружаемся в джакузи по очереди. Пока там плескается Надя, подхожу к картине над изголовьем кровати и стараюсь разобрать витиевато написанное в ее углу. Разобрал: *Hunt the Slipper Published March 16th 1787 by W. Palmeri: 163. Strand*. Значит, ошибался. Не пастушок с пастушками, а башмачок, соскользнувший с прелестной ножки, привлек внимание галантных молодых людей. В одном не ошибся: восемнадцатый век. Отель стильный. Не похоже, что его «делали под старину». Ни одной случайной детали, все на своем месте и в холлах, и в нашем номере... Настала моя очередь погрузить уставшее тело свое в теплые воды джакузи. Вытянуть ноги, что невозможно в нашей коротенькой ванной дома... Надя уже спала, когда закончилась моя водная процедура. «Спокойной ночи, солнце мое», было мое доброе пожелание, хотя после вчерашней размолвки по поводу разницы между кьезой и православным храмом, приведшее к слегка напряженным отношениям, еще не прошло. Спорить с женщинами занятие совершенно бессмысленное.

* * *

Начало дня застало нас на *Piazza di Spagna* — Площади Испании. Это тоже одна из достопримечательностей Рима. Собственно не сама площадь, а лестница, огромное количество ступенек которой ведет вверх к храму *Santa Trinity*. Как Наде удалось преодолеть ее, мне было непонятно. Не переставал удивляться ее неукротимому желанию, как можно больше увидеть, не щадя ног своих, все первые три дня в Риме.

Утро, а на ступенях лестницы одиночками и группами сидят парни и девушки, словно воробьи на проводах. Как им сидится, легко одетым на холодных мраморных ступенях? Был врачебный порыв сказать им, что это вредно, особенно для девушек. Но тщетность такого благого порыва была очевидной заранее — традиция! — да и слов итальянских бы не хватило.

Взошли наверх. Перевели дух. Но «дух захватило» еще от открывшейся с высоты панорамы вечного города. Кстати, это первое восхищение видом города сверху испытали утром второго дня, когда на завтрак поднялись на пятый этаж, где в отеле располагалось кафе. Предусмотрительный хозяин отеля две стены сделал полностью стеклянными. Обзор широкий. На вершинах никогда не виденные и невиданной красоты итальянские сосны — пинии. Длинный голый ствол, а на его вершине шапка, нет, не шапка, а, скорее, пышно взбитая женская прическа темно-темно-зеленых волос.

Спускаться вниз с испанской лестницы тоже дело нелегкое. Внизу мы застали, как и в день приезда на *Piazza del Popolo*, ребят на ходулях и разряженных под средневековых итальянок девушек. Подивились, что здесь, что ни день — праздник? Потом вспомнили — *domenica* — воскресенье. Среди публики снуют темнокожие индусы, предлагают зонты, сумки, безделушки.

Перекус заранее планировали в кафе *Babington*. Наш милый Гоша был здесь и настоятельно советовал его посетить. Оно знаменательно тем, что когда-то в Риме поселились две сестры англичанки. Они прожили здесь всю жизнь и основали у подножья испанской лестницы кафе в английском стиле. Другого такого кафе в Риме нет. Чай, который там подают, наивкуснейший, говорил сын.

Входим, занимаем столик. Подходит официантка. По-моему, сделано все, чтобы не привлекать внимание к своему внешнему виду: что-то вроде старушечьего или сиделки белый чепец на голове, темное платье, под белым фартуком. Огляделись, все официантки не только как одна на одно лицо, но и одного роста. В обращении сама

вежливость и сдержанность, без улыбки, торопливости или угодливости. Подают большой белый фарфоровый чайник, белые же фарфоровые чашки на толстых блюдах с серебряной ложечкой. Серебряная же и песочница. Наливаем, отпиваем — чая ароматнее и вкуснее не пивали. Мне Надя заказала творожный торт. Принесли большой толстый кусок треугольником. Себе же взяла *apple-pie*. Пьем, оглядываемся. Рядом за столиком пожилой мужчина в чем-то напоминающем телогрейку сидит с газетой, я посмотрел, английской. Перед ним чайник и чашка на блюде, как у нас. Надя пробует мой торт и ругает себя — «дура, надо было заказать и себе такой же». Отламываю кусочек ее яблочного пирога — ничего особенного, такой можно и в Москве получить. Мой же торт — шедевр кондитерского искусства. Посматриваю на «англичанина». Он спит. Насладившись чаем, расплачиваемся — не дешево, однако. Уходим. Оборачиваюсь. Человек в «телогрейке» спит. Перед ним чашка с чайником, рядом английская газета. Наверное, снится ему Англия.

Дальше по плану вилла и музей Боргезе. По пресловутой карте они вроде рядом с метро *Spagna*, где мы находимся. Спускаемся в переход и видим стрелку *Villa Borghese*, указывающую в коридор направо. Входим в коридор и становимся на движущийся эскалатор, бегущую дорожку. Она поднимается очень полого. Движемся пять минут, десять. Медленно, но верно, полого поднимаемся вверх. «Ехали» таким манером минут двадцать. Выходим и оказываемся в парке. По-видимому, в самом его начале, на задворках, потому что видим конюшни, лошадей, сараи. Потом, спросив, где *Villa Borghese*, выходим на широкую дорогу, обсаженную высокими деревьями. Следуем по ней, обгоняемые лошадьми, запряженными в повозки с туристами и роняющими нам под ноги душистые «яблоки». И вот перед нами белоснежный дворец. Это *Villa Borghese*.

С благодарностью вспоминаем сына. Еще в Москве по интернету нам заказан билет на две персоны. Один недостаток — указано время, когда дозволено будет войти в этот храм искусств. Ждать два часа. Уговариваю Надю не обследовать парк. Там и Ротонда, и пруд и другие достопримечательности. Ей будет не по ее ногам. Их лучше побережь для обхода залов музея. Судя по размерам дворца их много. Нехотя, надув губы, соглашается и два часа сидит на лавочке рядом и со мной не разговаривает. Что делать — и характер, и усталость. Мимо нас проезжают повозки с туристами, велосипедисты, ребята на роликах. День теплый, солнечный. Тишина. Ни малейшего впечатления, что находишься в большом городе, где мчатся автомобили, а между ними снуют на сумасшедшей скорости мотоциклы.

Наконец, мы в музее. Бернини. Много Бернини. Почему-то у нас на слуху Микеланджело, Леонардо, Рафаэль... Бернини тоже велик, больше скульптор, архитектор, поэтому, видимо, мало известен «широкой» публике. Потрясли две его вещи. Давид. В отличие от Давида Микеланджело, у Бернини фигура юного израильтянина исполнена движения, она больше похожа на античного метателя диска: вот-вот его тело, напряженное, как натянутый лук, распрямится, и он метнет из пращи камень, провожая его гневным взглядом. Плутон и Прозерпина. Бородатый мускулистый мужик схватил юную деву, сжимает в своих могучих руках нежное гибкое тело. Ее взгляд, обращенный к небу, молит о пощаде. Сильное впечатление. Здесь же Паулина Боргезе, урожденная Бонапарт, сестра Наполеона, Антонио Кановы — любителя плавных линий, изысканных поз и изящных женских тел. Есть даже античные скульптуры, до и после Рождества Христова. Богата живописная коллекция. Рафаэль, Тициан, много Караваджо. Есть и не итальянцы — Рубенс, голландцы. Понимал толк в искусстве Боргезе. Малый Эрмитаж! «Переварить» увиденное, можно только позже, листая дома купленный на лотке альбом "*Galleria Borghese*".

На автобусе доезжаем до *Piazza del Popolo* и, преодолевая накопившуюся тяжесть в

ногах, решаем подняться на холм *Pincho*, где, согласно путеводителю, смотровая площадка. Подъем дается тяжело, но усилия стоят того. Вечный город «как на ладони». Штамп, конечно, но очень точно отражает увиденное. Солнечный день. Город хорошо виден во всех деталях: дворцы, колонны, *Via Corco* пронизывает его от *Piazza del Popolo* до «пишущей машинки». Там же на холме сквер. По периметру его на столбах-пьедесталах поименованные белоснежные мраморные бюсты. Имена незнакомые. Только имя *Volta* напоминает курс физики в средней школе. А может, это и не физик, а какой-то другой Вольта, память о котором хотели сохранить сограждане.

Пора на полуденный отдых на широченной кровати под «Башмачком».

* * *

Проспали с устатку до сумерек. Но долг путешественника зовет на улицы вечно-го города: не спать приехали. На *reception* узнаем, как добраться до *Piazza Navona*. Пятнадцать минут на 72 маршруте автобуса — и вот она эта *Piazza*. Продолговатая площадь, на одном конце ее знаменитый, но менее чем Треви, фонтан Нептуна. Здоровенный мужик с гарпуном в руках по ногам обвитый то ли змеями морскими, то ли угрями. Из вод бассейна, его окружающего, вздыбились длинногривые кони. Другой фонтан вокруг обелиска. По-моему, это уже пятый. Сколько их в Риме?!. Называется Фонтан Четырех Рек, их символизируют девы с кувшинами, из которых льется вода. Реки сии суть Ганг, Нил, Дунай и Рио делла Плата, что течет в Южной Америки. Где текут три другие, догадаться нетрудно. Для Волги-матушки места не нашлось. Красивы фонтаны Рима! Изысканная подсветка в темноте южной ночи создает волшебный, сказочный эффект. На мраморных скамьях сидят люди и созерцают это волшебство. Мы тоже присели. Но быстро почувствовали одним местом нестерпимый холод и встали. Полюбовались стоя и пошли дальше.

А дальше наш путь лежал к Мосту Ангелов. В некоторых изданиях для туристов он называется мост Адриана, римского императора, который его построил в свое императорство. Конечно, не сам он строил, но так принято писать. Этот мост через Тибр был выстроен, чтобы вести к мавзолею, где должен был обрести вечный покой император. Однако, видимо, потому что на круглом невыразительном здании стоит скульптура ангела, а мост украшен статуями ангелов, мост получил свое «ангельское» название, да и круглое здание называется теперь Замок Святого Ангела.

Было совсем темно. Белые ангелы на мосту, подсвеченные снизу, казались неземными созданиями, готовыми вот-вот взлететь в почти черное ночное римское небо. Малолюдность в это время еще более усиливало впечатление сказочности, нереальности окружающего мира. Да и тихо было: мост пешеходный. Мы прошли к самому замку. Глухое, без окон темное здание усиливало ощущение того, что в нем находится мертвое тело.

Пора было возвращаться в отель. На нашу беду случилась в городе не забастовка, которыми славится Рим, нет, а отмена движения метро с двадцати одного часа. Взамен предлагалось пользоваться автобусом. Было же 11 пополудни. Темно. Улицы безлюдны. Нашли остановку нужного нам автобуса. Последний автобус в 23.30. Стоим, обреченно ждем...

* * *

Настал день Ватикана. Так распорядился билет, который предусмотрительный и многоопытный в таких делах путешественник Гоша заказал нам по интернету — 07.03.2011 в 11 до полудня. И был прав. Когда мы подошли к высоченным, как крепостные, стенам этого знаменитого места, увидели хвост очереди, который постоянно прирастал все подходившими и подходившими людьми. Держа в руках заветную

бумагу, где было прописано, что две персоны имеют право на внеочередной проход в объект, мы двинулись вдоль очереди. С каждым шагом мы убеждались, как прав был наш сын, заблаговременно обеспечив нас билетом. Очередь казалась нескончаемой, за каждым поворотом стены открывалась длинная череда людей. Наконец, мы у заветных дверей. Предъявляем бумагу и беспрепятственно проходим ультрасовременный вестибюль. Несколько переходов по мало значащим залам и мы собственноручно в ватиканском дворце. Перед нами длинный коридор со сводчатым потолком. На стенах огромные карты разных областей Италии — Тоскана, Лигурия, Умбрия... Стены выше карт и потолок в медальонах расписаны на различные библейские сюжеты. Но где Страшный суд? Где Сикстинская Капелла? Нетерпение увидеть этот шедевр толкает меня на дерзкий поступок: несколько раздраженно спрашиваю одну из многих по сторонам коридора расположившихся лоточниц, торгующих открытками, буклетами и другим туристским товаром — “*Where is Last Judge Michelangelo?*” Как уже было в аэропорту, небрежный, легкомысленный жест в конце коридора. Понять можно: сотни бестолковых туристов каждый день. Перестав подробно рассматривать роспись потолка, да и шея уже затекла от постоянного задранных вверх головы, устремляемся в конец коридора. Несколько ступенек вниз и небольшая зала, густо заполненная людьми. *Capella Sestina*. Стоят впритирку друг к другу. И все смотрят в одну сторону. Поворачиваемся туда, куда устремлены взгляды, и вот он — Страшный суд! Огромное во всю торцевую стену полотно. В самом деле, страшно. Разгневанный Христос спускается в ад. Такого Христа еще ни разу не привелось видеть. Его жест энергичен и решителен. Он не может уже простить грешников, время для покаяния прошло, пора отвечать за свою греховную жизнь. Ему горько, что для многих его жертва собой оказалась напрасной. Так читалось мне это грандиозное произведение, равного которому не существует. Стоять было трудно, потому что походить, посмотреть с разных сторон на картину было почти невозможно из-за большой скученности людей. Явился на подмостки служитель и попросил выходить в дверь, противоположную входу. После «Суда» смотреть что-либо еще не хотелось. Хотелось как можно дольше удерживать в памяти увиденное и сохранить испытанное переживание.

Вышли из здания на площадку. Внизу сады Ватикана. Ходят люди в сутане. Ходят редкие люди в партикулярном платье. Мужчины и женщины. Это территория Ватикана. Туда доступ только по приглашению. Посидели на лавочке, дали отдых уставшим ногам. Потом посмотрели в анфиладе залов коллекцию картин европейской живописи, собранную римскими папами. Разбирались в искусстве их святейшества и неожиданно для себя вышли в небольшой зал и увидели Пьету Микеланджело. Вот безукоризненное произведение! Если в Давиде что-то смущает — уж очень спокоен юноша, почти подросток перед страшным великаном, будто позирует неведомо кому, после совершенного подвига, то Пьета само совершенство. Слезы наворачиваются на глаза — мать скорбно смотрит на безжизненное тело ее Сына, который, как говорили Архангел и Симеон, станет Спасителем, который принесет славу народу Израиля. А вот Он лежит на ее коленях мертвый после ужасных страданий и унижений. Неужели не сбылось обещанное ей при его рождении!? Горе и разочарование. Какой-либо пафос или экзальтация при изображении оплакивания Христа Его Матерью были бы неуместны и оскорбительны. Отворачиваюсь, чтобы Надя не заметила навернувшиеся на глаза слезы.

Пьета в этом зале копия. Оригинал в Соборе Св. Петра.

Становимся в длинную очередь на огромной площади перед Собором. Жарко. Итальянское солнце в зените в марте греет, как наше русское в полдень в июле. Подвигаемся медленно. Надя выйти из очереди и посидеть не хочет. Поражаюсь ее му-

жеству. Вообще она проявляет чудеса выносливости, чтобы утолить свою любознательность в этом путешествии. Увидит красивое здание, не обозначенное в путеводителе, устремляется к нему, хотя что это и по какому случаю выстроено, не знает. И удержать ее от этого порыва невозможно.

В этот раз ее стремление увидеть все и сразу ее подвело. Очередь подвигалась медленно, но мимо нас вперед уходили люди и никто их не останавливал. Они входили в те же двери Собора, куда хотели попасть и очередь, и мы. Это было искушение, перед которым Надя устоять не могла.

«Пошли» решительно сказала она, и в этот момент прекословить ей было бесполезно.

Пошли. Идем мимо медленно подвигавшейся очереди. Нас никто не останавливает. Может быть потому, что два почтенного возраста человека, один из которых с палочкой, уверенно шли вперед, и европейская вежливость и толерантность не позволяла им крикнуть в наш адрес — «куда прете!?!» Вошли в огромный вестибюль. Служитель что-то спросил нас. Показал рукой наверх или в сторону. Мы выбрали «в сторону». Почему, сейчас сказать трудно. Видимо, пожалели свои ноги. Мы «выбрали» Кriptу *San Pietro*. Это был чудовищный по своим последствиям промах. Под низкими каменными сводами в своих гробницах покоились римские папы. Иннокентии, Львы, Пии, Сиксты и т.д. Смотреть было не на что. Привлекло только захоронение Иоанна-Павла II. Свежие цветы на мраморной плите говорили о том, что его еще не успели забыть.

Через пятнадцать минут выходим на Божий свет.

У Нади виноватый вид. Упрекать ее сейчас было бы неуместно. Жалко родного человечка.

Сил снова становиться в очередь нет. Решаем ехать «домой».

Это был день неудач. Не день, а первые полдня. Прежде, чем ехать в отель, решаем перекусить. Заходим в кафе рядом с Ватиканом. На витрине листья салата, сыр, колбаса, тонкие ломтики мяса. Годится. Садимся, заказываем. Поразительно быстро приносят — о, ужас! — вложенные в разрезанную булку сыр, листья салата, колбасу. После уже постигшей нас только что неудачи вот теперь хочется плакать. Молча, не глядя друг на друга, чтобы не разрыдаться, жуем. Уходим без *grazzie* и *arrivederci*: неужели нельзя было предупредить?! Не хорошо, конечно, мы поступили — не поблагодарили и не попрощались.

Каким гостеприимным и по-домашнему уютным показался нам отель и наш номер и наша широченная кровать.

* * *

Освежились сном и отдыхом. Нас ждал Пантеон. На знакомом уже номере автобуса доехали до площади Навона и довольно легко после подсказки прохожего мужчины нашли Пантеон. Всего несколько узких улочек и поворотов направо, налево. Это одно из чудес света. Я бы присвоил ему порядковый номер 1. Потом всякие сады Семирамиды и Фаросский маяк, которых никогда не видел.

Фасад не предвещал увиденного чуть позже: портик с колоннадой, восемь колон несут треугольный фронто́н. Как у многих античных зданий в этом городе. Входим, небольшой спуск вниз, и мы в огромном цилиндре, вверх уходящий купол и в самом его верху круглое отверстие и темное небо. В это круглое отверстие никогда не попадает ни капли дождя, ни снег. Согретый дыханием людей, теплый воздух поднимается вверх и препятствует им. Все настолько безукоризненно пропорционально, совершенно, как будто это создание нечеловеческих рук. Пантеон — от греческого храм «всех богов». Были ли в античные времена в нем боги, не знаю. С установлением

христианства в Риме он был превращен в христианский храм. Там есть престол, но богослужения совершаются перед Пантеоном, а не внутри. Обходим «цилиндр» по периметру. Пышное надгробье императора Эммануила, объединителя итальянских княжеств в единое государство. И могила Рафаэля. С тех пор Пантеон стал усыпальницей великих людей Италии.

За престолом Распятие Иисуса Христа работы Торвальдсена. Потрясен. Это изображение не Бога, как на многих живописных и скульптурных Распятиях, которым несть числа, а человека — измученного страданиями, истощенного, умирающего. Больно смотреть.

Выходим и попадаем на «грешную землю». Музыканты — аккордеон, скрипка, контрабас играют веселую итальянскую музыку. Не «халтура» — как умеем, так и играем, а высокопрофессиональное исполнение. Слушаем несколько минут и уходим. Нас ждет «Римская волчица». Быть в Риме и не повидать ее — обидеть вечный город, его основателя Ромула и брата его Рэма.

* * *

Берем такси и никак не можем объяснить шоферу, куда нас везти. «Римская волчица» звучит для него как тарабарщина, особенно второе слово. Вспоминаем латинские пословицы. “*Номо hominis lupus est*”. “*Lupus!*”. Не понимает. «Ромул и Рэм чмок, чмок — сосут волка». Смеется, пожимает плечами. «Капитолийская волчица». Наконец, он что-то понял. Поехали. Привозит нас на Капитолийский холм. Высаживает, мол, приехали. Привозит к подножью холма. Перед нами лестница. Сколько их в Риме! Ничего не поделаешь — город на семи холмах. Понимаемся, насилуя натруженные за день ноги. Пустынная площадь. Спросить некого. Холодно. Через минут десять в бесплодных метаниях по площади, видим двух *carabinieri*. Устремляемся к ним. Опять не понимаем друг друга. Молодые ребята в белых португезах на черном мундире, сначала пытаются нас понять, потом, видя, что дело безнадежное — два нелепых иностранца не знают, чего хотят от них, неопределенным легкомысленным, уже знакомым нам итальянским жестом указывают куда-то в темноту за угол большого белого здания и уходят. Мы остаемся на пустынной площади одни. Делать нечего. Идем, по направлению, указанному легкомысленным жестом. Оглядываемся по сторонам. Ничего. И тут Надя говорит: «Да вот же она». И показывает куда-то вверх. Поднимаю голову и вижу — на высоком столбе, постаментом назвать трудно, стоит волчица величиной с ягненка, а под ней два малыша, навскидку возрастом не более года, тянутся к нависающим над ними соскам этого самого «ягненка». Разочарование. Так и хотелось сказать — и это волчица! Знакомая по картинкам в школьном учебнике по истории, Капитолийская волчица как минимум должна была быть величиной с корову. А Ромул и Рэм такими крепкими пацанами. Как-то не вяжется увиденное с теми грандиозными по размерам творениями итальянских мастеров, которые мы видели — кондотьеры на конях, римские императоры с величественными жестами, и эта миниатюрная скульптурная группа.

Спускаемся вниз, и неугомонная Надя замечает перед очередной кьезой длинный белый лимузин. «Это свадьба, пойдем», — решительно говорит она. Как женщины любят смотреть на чужие свадьбы! Входим. По обе стороны прохода заняты людьми ряды лавок, а в конце прохода перед алтарем и священником стоят брачующиеся. Мы видим их со спины. Он в черном костюме. На ней длинное-длинное белое платье, стелящееся по полу сзади нее на несколько метров. Слышен монотонный высокий голос священника. Сил досмотреть церемонию до конца нет. Выходим. У дверей церкви стоит молодая девушка в черном. Она плачет, вытирает глаза платком. Она беременна. Судя по размерам живота срок большой.

— Итальянская трагедия, — говорю.

— Похоже,— соглашается Надя.

Темно, холодно. Накрапывает дождь. На *Piazza del Popolo* идем в ресторан *Casanova*. Если в первый день мы ограничились сидением за столиками на тротуаре, то теперь проходим внутрь. Светло, тепло. Уселись и стали изучать меню. Сытые и довольные едем «домой». Как хорошо, что от *Levanto* до отеля рукой подать.

* * *

Как договаривались, увы, этот день отдан *shopping*. Значит, *Via Corso*. Редкий женатый мужчина любит шопинг. Еще более редкий муж добровольно согласен заниматься этим вместе с женой.

Скучное занятие, но делать нечего, лучше один раз отмучиться, чем во время знакомства с достопримечательностями города, да еще такого, как Рим, забегать в попадавшиеся на пути магазины.

Покупки для меня закончились, едва начавшись. В первом же магазине быстро и ловко молодой человек подобрал обувь для моих «проблемных» ног. А дальше совершать *shopping* стала Надя. Конечно, входить в магазины, куда устремлялась она, мне было неинтересно, разрешено поэтому ждать на улице. Началось для меня уже привычное долгое стояние на улице возле магазинов, в которых исчезала моя вторая половина. Собственная же половина изнывала от жары, пряталась тень и мешала проходим на узких тротуарах *Via Corso*. В самом деле, нетрудно было представить недоумение итальянцев при виде бородатого мужчины, подолгу стоящего возле магазина: вроде не побирается, может, задумал чего недоброе. Мне повезло, когда мы очутились около большого многоэтажного магазина “*Alberto Sordi*”, что как раз напротив дома, где не покладая рук на благо итальянцев трудится неутомимый Сильвио Берлускони. Перед зданием очередной обелиск и фонтан. Два часа с лишним я провел возле фонтана, время от времени наполняя, не зачерпывая, конечно, а подставляя под струю пластиковую бутылку и попивая вкуснейшую итальянскую воду, поступающую по римским акведукам прямо с Альпийских гор.

К моему большому удовольствию, походом в этот огромный магазин *shopping* закончился. Настроение у Нади приподнятое, смотрит ласково. Все обиды из-за разных точек зрения на итальянские достопримечательности улетучились. Как благотворно *shopping* действует на женщин!

Ждать и ехать в автобусе с огромными сумками и коробками, было бы бессмысленно и обременительно. Берем такси. Через пятнадцать минут мы у «дома». “*How many?*” “*Eighteen*” «Восемнадцать»,— перевожу для Нади. «Сколько, сколько?» восклицает она, и в ее голосе интонация удивления и возмущения. “*Eighteen*”,— повторяет таксист и показывает на пальцах. Мы наслышаны были, как надо поступать в таком случае с зарвавшимися римскими таксистами. «Сейчас позову полицию», говорит Надя, дает пятнадцать, и мы выходим им машины. Этот тип, пока мы ехали, спросил нас, откуда мы. “*A-a, Russia!*”— сказал он и, видимо решил нас надуть.

* * *

Вторую половину предпоследнего дня решили провести на ставшей родной *Piazza del Popolo* — все наши пути по Риму начинались и заканчивались, как правило, с этой всегда полной народу площади. Снова гуляние. Молодые ребята на ходулях, девушки в разноцветных одеяниях, музыка и снующие между людьми индусы, предлагающие красные розы на длинном стебле. Забыли: Восьмое марта! Все понятно. Садимся за столик на тротуаре перед кафе *Casanova*, заказываем по чашечке капучино и бургеру, итальянскому, вкусному. Сидим долго. Стемнело. Уходить не хочется.

* * *

Утро отъезда. «Перезагружаем» купленное из сумок и коробок в чемодан. И в последний раз идем в буфет отеля. Не сказать о нем нельзя. Во-первых, он на самом верху, пятом этаже и через застекленные две стены видно пол-Рима. Видны чудодеревья итальянские пинии. Во-вторых, стоит машина и корзина с красными апельсинами. Режешь апельсин пополам, вставляешь в машину, нажимаешь рычаг, и готово — свежавыжатый сок. Пей, сколько хочешь. Но пить больше, чем можешь, не удастся. Жаль. И, в-третьих, капучино. Это чудо. Пенка стоит долго, до самого испития кофе до дна чашечки. И она остается еще на дне. Это мое. Надино — несколько видов тортов и пирожных, омлет, который не опадает, остается пышным и мягким, и булочки, тепленькие, душистые. И на «закуску» арии из Верди в исполнении Бочелли в лифте, пока он поднимается, везя нас на завтрак, и спускается после.

На *reception* спрашиваем, можно ли оставить чемодан в номере до 2 часов пополудни. Нет, говорит итальянка за стойкой. Только до двенадцати. Есть ли камера хранения? Да есть. Можно оставить. Поднимаюсь в номер, спускаю наш чемодан, ставлю среди вещей других постояльцев отеля в камере хранения, и — мы свободны до двух часов — время отбытия в аэропорт. Заказываем у портье такси на два часа. Теперь куда? Конечно, туда, где можно получить *tax free*. Спрашиваем, где? *Piazza Rotonda*. «Где это?» Где Пантеон. О, это мы знаем где. Автобус. *Piazza Navona*, несколько узеньких улочек, повороты направо, налево — и перед нами Пантеон. Теперь бы найти «пункт», где выдают *money*. Показывают на маленькую будочку. За стеклом милостивая смуглянка-итальянка. Предъявляем магазинные чеки. Та принимает их и выдает «зеленые». Довольны до визга. “*Mille grazie*”, — говорю. “О! — удивленно, улыбаясь, восклицает смуглянка, — *per favore!*” Явно польщена. Люблю итальянцев. Их реакция всегда живая, искренняя, открытая.

Что еще посмотреть? Алтарь Мира! Да, его. Смотрим в карту. Выходим к Тибру у Моста Ангелов. Идем по набережной. День солнечный. По реке скользит узкая спортивная лодка. На противоположном берегу на лошади едет девушка. Невысокие деревья усыпаны нежно-розовыми цветами — это зацветает миндаль. Уезжать не хочется.

Алтарь Мира мы так и не увидели, хотя были с ним рядом. Идем по набережной мимо старинных римских домов. И вдруг огромный стеклянный билдинг. Не дом, не здание, не создание старых римских архитекторов, а несуразная коробка. Устали, входим в его вестибюль. Прохладно. Черда детей, школьников, проходят за молодой женщиной за стеклянные двери. Сели на мраморную скамью, дать отдых уставшим ногам и побыть в прохладе. Когда, отдохнув, вышли и пошли вдоль стеклянной стены здания, увидели в стеклянном кубе другой куб с горельефом на его стенах. Вот, он — Алтарь Мира. Видимо, туда вела школьников учительница. Никак не думали, что он будет спрятан за стекло. Сбил с толку огромный постер перед стеклянным монстром, извещавшем о выставке Шагала, на которого после великих итальянских мастеров смотреть не хотелось. Возвращаться не стали. Пора в отель.

* * *

У стойки *reception* нас ждал таксист. И маленькая «ложка дегтя» в большом сосуде впечатления от вечного града Рима, которое мы увозили в себе. По-английски милая женщина-портье извиняющимся тоном в голосе сказала, что мы должны заплатить городскую пошлину в размере два евро с носа за каждую ночь, проведенную в городе. Ночей пять, нас двое. Итого 20 евроков. Штучки Берлускони. Поистратился *cavaliere*.

Таксист берет наш чемодан, и мы идем к машине. *Arrivederci, Roma! Grazie.*

Елена Семёнова
(г. Москва)



В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ОТКАЗАТЬ

Писатель, поэт, публицист, драматург. Редактор литературно-общественного журнала «Голос Эпохи» (Москва), интернет-портала «Архипелаг Святая Русь» и ряда сайтов. Родилась и проживает в Москве.

Она приходила сюда уже как на работу, принося кипы непонятных бумаг, заверенных какими-то печатями каких-то чиновников. И каждый раз какой-то бумажки все-таки не доставало, и все начиналось снова обивание порогов, очереди, безразличные лица чиновников с пустыми глазами... Храни Боже всякого от встреч с этими учреждениями! На их дверях вполне можно было бы вывести: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Замкнутый круг. Коридоры. Измученные люди в очередях. Кабинет. Пустые глаза. И исчисление (в который раз!) причин, по которым она не имеет права усыновить ребенка одинокая, хворающая, плохо обеспеченная... А то, что любит она этого мальчонку, как родного сына, а он уже зовет ее матерью, это неважно. Неважно. Все, рабочий день закончен. В очереди — вой. Завтра с утра эти люди опять будут здесь — который день! И им тоже будут говорить, что ни на что-то не имеют права. По закону. А может, по безграмотности этого чиновника — царя и бога. Или — по произволу. Узнай, поди! Вечное, бестрепетное, самовластное «в удовлетворении отказать...» — до каких же пор. В какие еще кабинеты стучаться? В чьи пустые глаза заглядывать, пытаясь обнаружить в них душу, которая там и не ночевала?

Таня вышла на улицу. Кругом еще лежал снег, но в воздухе уже носился неуловимый дух приближающейся весны. Тридцать пятой весны ее жизни... Таня потеряла виски ледяным снегом. Сердце сбивчиво и бешено колотилось, в ушах шумело. На мгновение Тане показалось, что стук ее сердца должен быть слышен всем прохожим. Но те шли мимо, месили снежную грязь тяжелыми ботинками и сапогами, торопясь домой. Ярко горели фонари, и в их свете проносились мимо машины, гудя, рыча, фыркая... Отцы, матери, бабушки вели домой детей из детского сада, и Таня с тоской смотрела на них.

В детстве Таня мечтала иметь, как минимум, четырех детей двух мальчиков и двух девочек — как у тети Люды, с детьми которой она играла во дворе. Но все сложилось совсем не так, как мечталось ей в то безоблачное время, когда все взрослые казались великанами, а Дед Мороз был настоящим. Принц на белом коне отчего-то замедлил появиться, и в ожидании его Таня с блеском окончила институт по никому, как выяснилось, не нужной специальности — филолога. Между тем, развалился Советский Союз, страна погрузилась в хаос, и Таня спасалась случайными подработками, едва сводя концы с концами. До детей ли тогда было...

В какой-то момент Таню стало беспокоить сердце. Долго она списывала его сбои

на хроническую усталость, помноженную на скудный рацион, пока, наконец, после серьезного приступа не обратилась к врачу, который и обнаружил у нее давно развившуюся сердечную болезнь, при которой беременность и роды становились смертельно опасны, как для матери, так и для ребенка, а значит, можно было поставить крест на детской мечте.

В последнее время сердце подводило Таню все чаще. Это, несомненно, было следствием тянувшейся уже который месяц эпопеи с попыткой усыновить ребенка. Многочасовые сидения (стояния) в очередях, собирание справок, чиновное безразличие — все это отнимало невероятное количество сил, нервов. Несколько раз по возвращении из «круга» у Тани случались приступы, которые прежде были очень редки. И все-таки она не оставляла надежды. Она решила бороться до последнего.

Однако, выйдя в тот вечер из злополучного кабинета и, ежась от сырого ветра, ковыляя вдоль шоссе, Таня первый раз усомнилась в том, что сможет добиться справедливости. Ей вдруг отчетливо представилась напрасность всех этих мучений, и слезы покатились по щекам.

Три года назад Тане удалось устроиться на хорошую работу с приличной зарплатой небольшой, но набирающей обороты фирме. По осени фирма решила провести гуманитарную акцию купить телевизор и кой-какую мелочь для небольшого детского дома. Поручено это дело было Тане. С визита в тот детский дом все и началось. В тот день туда как раз привезли новенького — мальчика лет шести-семи, бродяжничавшего на вокзале.

— Не буду я у вас жить, — твердо заявил он.

— Почему же? — спросил директор детского дома, Андрей Александрович.

— Я на вокзале с другом жил. И без него у вас жить не буду. Я не предатель!

— Да что ж за друг-то? — улыбнулся Андрей Александрович.

— А вон он, за забором, — кивнул мальчик в сторону окна. — Меня ждет.

Все выглянули в окно. У ворот сидел крупный лохматый пес, немного похожий на лайку и поскуливал.

— Друг, значит? — спросил Андрей Александрович.

— Да!

— Как звать?

— Кутей. Я его щенком подобрал! Вместе спали, вместе ели — да у меня роднее его нет никого! — воскликнул мальчик. — И от вас я убегу! В окно выпрыгну, через забор перелезу — не догоните! Я, знаете, как быстро бегаю!

Андрей Александрович повернулся к одной из нянечек, бабе Тоне

— Баба Тоня, что скажешь? Может, оставим пса у нас? Будет во дворе жить. Ребята и будку ему поставят.

Баба Тоня пожала плечами

— Ты здесь начальник, Ляксаныч, тебе и решать.

— Оставляем, — махнул рукой Андрей Александрович.

Глаза мальчика загорелись.

— Ура! — закричал он. — Так можно я к нему пойду?

— Погоди, сейчас ребят позовем, и все вместе пойдем.

Таня провела в приюте весь день. Ее поразило, как дружной ватагой дети выбежали во двор. А впереди них — сам Андрей Александрович, словно помолодевший, взлохмаченный, чем-то неуловимо напоминающий своих воспитанников. Увидев пса, ребятня пришла в восторг.

— Андрей Саныч, Андрей Саныч, можно нам его погладить? — спрашивали наперебой.

— А это вы у его друга спросите. Ваня, можно твоего друга погладить?

— Можно! — разрешил Ванюша, широко улыбаясь. — Он добрый, не кусается.

Таня смотрела, как весело и ласково играли дети с псом, и удивлялась откуда в них, вчерашних бродяжках, сиротах, хулиганах даже, сохранилось столько доброты, столько детскости и веселости. Подумать только! Ведь вот и из хороших семей дети — возьмут иной раз да побьют собаку — ни за что, интереса ради, со скуки... А Ванюша... С какой твердостью он защищал своего друга. Совсем как взрослый. Как соединяется в этих детях такая взрослость и в то же время такая детскость? Непостижимо!

— Ну, братцы-кролики, а теперь айда жильё строить нашему новому другу! — сказал Андрей Александрович. — Сейчас Тимофей Ильич придет и вам поможет.

Тимофей Ильич, здешний старик-сторож, не замедлил явиться и, прищурив глаз, принялся за дело. Определили, что жить Кутя будет под лестницей, ведущей к одной из запасных дверей двухэтажного здания детдома. Следовало лишь утеплить это жилище. В ход пошли остатки досок, картон, старое тряпье и многое другое. Через пару часов работы все было готово.

С этого дня Таня стала навещать в детский дом часто. Она очень сдружилась с воспитанниками, а в особенности с Ванюшей. Все вечера, выходные и отпуска Таня проводила здесь и, наконец, решила усыновить Ваню. Тут-то и начались большие и непреодолимые сложности... Достаточно было и того, что жила она в крохотной однокомнатной пятнадцатиметровой квартирке старого дома. Рожать в таких условиях — можно. Усыновлять — нельзя.

В тот пятничный вечер Таня, как обычно, отправилась не домой, а в детдом. Прежде всего, заглянула она к бабе Тоне, которая как раз пила чай. Баба Тоня поглядела на бледное и грустное лицо Тани и то ли спросила, то ли констатировала:

— Отказали.

Таня кивнула, налила себе чаю, запила таблетку и сказала

— Не знаю я, баба Тоня, что и делать... Я так устала... За всю жизнь так не устала, как за последние несколько месяцев. Руки сами собою опускаются...

— Да ты потерпи, роднюшечка. Бог даст, образуется. А Ванюша — такой хороший парнишка... Так на Коленьку моего похож...

— Так у вас сын есть? — удивилась Таня.

Баба Тоня опустила голову и ответила не сразу:

— Был... Двое было... Коля и Миша... Близнецы... Правда, друг на друга они совсем похожи не были. Коленька очень животных любил. Изучал их даже. Все-то у него собаки, кошки, птицы, хомячки разные — кого только не было! Он все о них в большую такую тетрадку записывал... А Миша больше машины любил, технику всякую... Руки золотые! Что угодно починить мог... У нас с мужем детей ведь долго не было. Мы уж и надеяться перестали... А потом вдруг — двойня! Столько счастья было, столько радости! Кто ж знал-то, что все так обернется.

Баба Тоня поднялась из-за стола, утерла набежавшую слезу, подошла к шкафу, порылась там, словно ища чего-то... Таня молчала, боясь спросить, что же случилось дальше. Баба Тоня ответила сама. Почти шепотом, приложив руку к горлу.

— Убили мальчиков моих, роднюшечка... В Чечне... Обоих... Их так и нашли. Вместе. Лежат, обнявшись. Миша Коленьку собою накрывает, как старший... Он на несколько минуток старше был... Муж, когда узнал, так и не выдержал: через несколько дней после похорон скончался... А я осталась... Одна!!! Ой, роднюшечка, никому я такого пережить не пожелаю. Даже извергам, что моих мальчиков на смерть-то послали... Даже им такой чаши не желаю... Я тогда руки на себя наложить решила. Газ, значит, на кухне включила, и ждать стала... Так бы и задохнулась, если б не Андрей Ляксаныч... Он ведь недалеко жил. Я его с малолетства знала... Он ко мне

все заходил, помогал, чем мог... Вот и тут зашел... Вытащил меня из квартиры, газ выключил, а как я в себя-то пришла, так привел сюда. Показал все, с ребятами познакомил. Ради них, сказал, жить еще стоит. Я посмотрела да подумала: может, и впрямь стоит... Так вот и стала я им бабушкой, бабой Тоней, а они мне внуками, которых никогда у меня уж не будет...

Баба Тоня помолчала, потом добавила:

— Сам-то Андрей Ляксаныч только ради этих ребят и живет. У него ж никого нет... Ни жены, ни детей... Как-то не сложилось. Он еще давно начал ребятишек на вокзалах собирать. Жили они у него в деревне... У него ж дом там от деда еще остался... Вот... Учил он их, чему сам был учен, а парень-то он ученый! И образованный, и в любом деле мастак — и плотник, и столяр, и что угодно. Умница редкостный! Получилась у него артель этакая... Да только сказали головотяпы наши, что это, мол, незаконно. Забрали ребятишек да по разным приютам раскидали, а они оттуда сбежали и к Андрей Ляксанычу вернулись. Вот и стал тогда он по всем инстанциям ходить, справки собирать, письма писать всякому начальству. Четыре года только этим и занимался. Седые волосы пробиваться стали — столько крови испортили ему. Но все-таки добился он своего. Нашлись добрые люди, помогли. Вот, здание это удалось получить. Маленькое, плохонькое, но и то уже ладно. Так и пошло. Ребятки наши всякому ремеслу обучены. Что-то из того, что они делают, даже и продавать удается. А Ляксаныч, чтоб это все было, и избу дедову продал, и квартиру родительскую. Теперь здесь только и дом его... Так-то... И у тебя все получится. Не робей, роднюшечка. На выходные ты Ванюшу и теперь забираешь. Чай, однажды и насовсем заберешь.

Ванюшу Таня и впрямь забирала к себе на выходные. Кормила разными вкусностями, в приготовлении которых была она признанной мастерицей, водила кататься на аттракционах, в зоопарк, в театр, в музеи — после таких походов денег оставалось в обрез, но если Ваня просил что-то купить, отказать Таня не могла. А потом одалживала у знакомых и до зарплаты отказывала себе в самом необходимом.

Однажды в воскресенье Ванюша пожаловался на боль в горле и голове. Таня сразу позвонила Андрею Александровичу с просьбой разрешить оставить ребенка у себя до выздоровления, чтобы не заразил других воспитанников. Разрешение, конечно, было получено. Ванюша сразу вскочил с постели и запрыгал по комнате на одной ноге

— Ура! Ура! Ура!

— Что ты, Ваня, ведь ты не здоров...

Ванюша потупился и признался:

— Мама, я соврал... Мне просто очень хотелось еще побыть у тебя.

— Врать нехорошо, Ванечка... — заметила Таня, обнимая мальчика и радуясь в душе, что он пробудет у нее целую неделю.

Ночевать в тот вечер Таня осталась в детдоме, чувствуя, что слишком устала, чтобы ехать домой. Ночью ей снилось, что безликий чиновник, наконец, дал ей разрешение на усыновление Ванюши...

Утром дети высыпали во двор, рассредоточиваясь по качелям, каруселям, горкам и песочницам, в коих песок еще заменял мокрый снег. Таня спустилась с крыльца и вдруг увидела стоящего у забора человека. Небритый, в драном пальто и сапогах и старом треухе, он походил на бомжа. Таня осторожно приблизилась. Бомж держался красными, распухшими от мороза руками за прутья ограды и смотрел на играющих детей. По лицу его текли слезы...

— Вам что-то нужно? — осторожно спросила Таня.

Бомж вздрогнул, воровато огляделся, поманил Таню пальцем и, когда она подо-

шла, извлек из-за пазухи очень красивую игрушечную машинку и плитку шоколада и сказал хрипло:

— Вот, дочка, возьми... Передай Максимке Щурову... У него день рождения сегодня... Скажи, от папы...

Всучив игрушку и шоколадку Тане, бомж быстро ушел. Таня с удивлением глядела ему вслед. Подошедшая баба Тоня спросила:

— Кто это был?

— Не знаю... Он просил передать это Максимке... Сказал, у него сегодня день рождения...

— Да-да, правда. Мы уж утром поздравили его, а вечером чаепитие у нас праздничное будет...

— Он сказал, передать ему, что это от папы...

Баба Тоня ахнула

— Быть не может! Неужто живой?! Подумать только... Ведь как бывает... Совсем уже, казалось бы, человек опустившийся, бывший человек, а вот вспомнил, что у сына день рождения...

— Жалко его, баба Тоня... У него ведь слезы текли по щекам... Он ведь человек еще... Мог бы жить по-человечески, сына воспитывать...

— Да, мог бы... — вздохнула баба Тоня. — Так матери, своих детей бросившие, иногда поглядеть на них приходят. Тоже мучаются. А обратно уж не воротишь...

— И все-таки он сына еще помнит... Совесть у него болит... А иной, вроде порядочный человек, и такое вдруг скажет или сделает...

— Ты о чем это?

— Нет, так просто... — мотнула головой Таня.

Баба Тоня взяла у нее подарки.

— Сегодня кликну его одного к себе и передам. Скажу, что папа прислал... С Северного полюса... Зачем, детеночку правду знать? Пусть думает, что папа — герой. Что он за ним приедет... однажды...

Баба Тоня шаркающей походкой отошла, покрикивая заигравшимся в песочницы девочкам:

— Девочки, девочки! Осторожнее! Давайте лучше песенку с вами споем! Помните, роднюшечки, мы с вами учили? Давайте для Максима споем!

И через мгновение зазвенели чистые детские голоса:

*Пусть бегут неуклюже
Пешеходы по лужам,
А вода по асфальту рекой,
И неясно проходим
В этот день непогожий,
Почему я веселый такой...*

Таня слушала песню, но мысли ее были очень далеко. Больше месяца в ее душе жила, может быть, одна из самых сильных болей, какая только существует, боль от предательства любимого человека, незаживающая рана, им нанесенная.

С Вадимом Барышевым они были знакомы уже несколько лет. Он был старше Тани более чем на десять лет, был обаятелен, заботлив и удивительно всезнающ. Вадима можно было назвать энциклопедией на двух ногах. Он, кажется, знал все и обо всем и с легкостью отвечал на любой вопрос. Вдобавок, Вадим был непревзойденным рассказчиком. Этот фонтан красноречия, десятки стихов, кои он знал наизусть и декламировал с великолепным артистизмом, привлекали к нему людей, делая его

душой любой компании. Именно поэтому Барышев и любил общество. Ему нужен был зритель. При этом Вадим жил один и чурался семейных отношений, считая их «веригами на душе поэта, которые, в конечном счете, убивают его». Таня не соглашалась с таким утверждением, но противоречить Вадиму не могла. В конце концов, кто без греха. У каждого свои тараканы... Главное, он любит ее, а она его. Они встречались три раза в неделю у него на квартире, часто бывали в театрах, на светских мероприятиях, в ресторанах, в гостях, три раза даже ездили вместе отдыхать. Чего у Барышева нельзя было отнять, это его умения производить впечатление, устраивать праздники, ухаживать за своей избранницей так, чтобы она чувствовала себя царицей. Но за три года график их встреч ничуть не изменился. Вадима устраивало, что любимая женщина три раза в неделю ночует у него, а в остальное время они оба предоставлены сами себе. «Зачем надоедать друг другу?» — говорил он, и Таня не смела возражать, хотя больше всего ей хотелось бы проводить с Вадимом все время, жить вместе, а не встречаться урывками.

В тот вечер Таня, едва переступив порог квартиры Барышева, объявила ему радостно:

— Знаешь, Барышев, я решила усыновить ребенка из детдома.

Вадим помрачнел, повесил на распялку снятое с Тани пальто, смерил ее неожиданно холодным взглядом и спросил тоном, не терпящим возражений:

— Я так понял, что это шутка. Надеюсь, я прав?

— Нет, Вадим, это вовсе не шутка... Я, действительно, решала...

— Ты что, совсем с ума сошла! — воскликнул Барышев и, взяв Таню за руку, отвел ее в комнату и усадил на диван.

— Выдумала еще! Как тебе в голову-то пришла такая бредовая идея?

— Я не понимаю, Вадим, что тебя так рассердило?

— Не понимаешь! — Барышев нервно прошелся по комнате. — Не понимаешь! А меня ты спросила, принимая это изумительное решение!

— А должна была? Я ведь для себя его усыновляю.

— Надо же! А я-то думал, что для меня! Тебе что, надоели наши отношения?

— Причем здесь наши отношения?

— А как же! Ты будешь занята со своим... своим... А я побочу! А на меня — наплевать!

— Пожалуйста, не устраивай мне скандалов.

— Прости! — Вадим вдруг резко изменил тон — Танечка, дорогая моя, я тебя прошу, ради нас обоих, оставь эту идею! Я тебя умоляю! Ведь нам так хорошо было вдвоем! Зачем нужна эта обуза? Ведь ты нездорова. Я не хочу потерять тебя. И делить тебя тоже не хочу!

— Вдвоем? — Таня усмехнулась. — Три дня в неделю. А остальные четыре, Барышев, я тебе не нужна. Ты эгоист, Вадим... Ты страшный эгоист... Ты думаешь только о том, чтобы тебе было удобно, тебе было хорошо. А обо мне ты подумал? Хотя бы раз? Ты подумал, что мне обидно, как собачонке, бегать к тебе на квартиру, приезжать по твоему зову, а потом ехать обратно? Ты и мысли не допускал об этом! Потому что тебя все устраивало! Тебя! А до остальных тебе нет дела!

— Во-от, как! — Вадим презрительно скривил губы. — Ну, ладно же... Думаю, на сегодня достаточно откровений. Я был о тебе лучшего мнения. Вот что, Татьяна Николаевна, вы мне, по счастью, не жена. Вы женщина свободная и можете принимать сами решение. Я лишь хочу, чтобы вы понимали их последствия.

— Я свое решение уже приняла, Вадим Сергеевич.

— Хорошо подумала? Учти, если ты возьмешь себе какого-нибудь бродяжку-токсикомана из приюта, то наши отношения закончены. Выбирай, Таня!

— Вадим, неужели ты думаешь, что после таких слов, я выберу тебя? Я всегда знала, что ты эгоист, но не подозревала, что подлец... Я сейчас смотрю на тебя, и мне страшно. За тебя! Мне жалко тебя! Ты кончишь тем, что останешься совершенно один... Это не мне, а тебе надо одуматься. Я свой выбор уже сделала.

— В таком случае, прощайте, Татьяна Николаевна!

— Прощай, Барышев... Храни тебя Бог...— Таня поднялась с дивана, быстро натянула пальто в прихожей и ушла.

Придя домой, она рухнула на кровать и зарыдала. Давно, а быть может, никогда она еще не чувствовала такой горечи. Таня перестала плакать, лишь ощутив острую боль в сердце, сообщившую, что нужно срочно выпить прописанные врачом таблетки и успокоиться, во что бы то ни стало, чтобы не спровоцировать приступ.

Прошло полтора месяца. Все это время Таня в глубине души надеялась, что Вадим опомнится, придет или позвонит, но он не звонил, точно его и не было никогда...

Набежали тучи, и заморосил первый за эту весну дождь. Баба Тоня поспешно стала уводить детей с площадки.

— Мама, мама! — окликнул Ванюша Таню.— Идем скорее! Промокнешь!

...После обеда наступил тихий час. В эту субботу в честь дня рождения своего друга Максима Ваня остался в детдоме, и Таня не поехала домой, благо давно уже стала в этих стенах своей. Не имея привычки спать днем, она прошла в один из классов, чтобы почитать взятую с собой книгу, и там, к своему удивлению, застала воспитанницу из старшей группы, Марину. Марине было шестнадцать, но в приюте она жила лишь два последних года после того, как ее мать за пьянство и систематические побои, наносимые дочери, лишили родительских прав. Крепкая, рослая девушка, она выглядела старше своих лет, обладала недюжинной физической силой и ловкостью. Благодаря короткой стрижке и спортивному костюму, ее легко можно было принять за парня. Марина сидела на парте и смотрела на окно, по которому текли капли дождя, похожие на слезы.

— Мариша, а почему ты не спишь? — спросила Таня.

— Да старшие редко спят. Все больше болтают или книжки под одеялом читают, или еще что... Зачем он, тихий час-то нам? Он для малышни.

— А здесь что делаешь?

— Думала я, Татьяна Николавна... Мы тут с девчонками поспорили...

— О чем же

— О любви.

— Серьезно. И кто что говорит?

— Анька Матвечук сказала, что нет никакой любви. Просто нужно мужиков нужных искать и пользоваться... Ей всего-то пятнадцать, а глазами стреляет во все стороны. Нинка думает, что любовь есть. И она ей рисуется, как в какой-то детской сказке... Дурочка она у нас... А вы, Татьянкалавна, как думаете, есть любовь?

— Не знаю, Марина... Раньше думала, что есть, а теперь не знаю. Может, это только мираж красивый, мечта...— Таня опустила на соседнюю парту.— Сама-то как думаешь?

— А я думаю, есть любовь,— отозвалась Марина.— Только не то это, о чем Галка и Викой думают. Галка на Гарика заглядывается и думает, что у ней любовь. А какая тут любовь? Просто красатун он у нас. Все и пялятся... А недостатков его она и видеть не желает. Очки розовые надела и ходит... А Вика с Саней два раза целовалась. Раз целовались, то любовь... А по мне никакая это не любовь, а баловство одно.

— А что же любовь, по-твоему?

— Сострадание и жертва, прежде всего. Когда любишь человека, так всего его

любишь, несмотря ни на что любишь. Не за что-то, а потому что. А недостатки его видишь, но не отворачиваешься из-за них от него, а пытаешься исправить. Любовь — это, когда сам погибает человек для другого, его боль, как свою принимает.

— Хорошо ты, Мариша, говоришь...— удивленно сказала Таня.— Как это у тебя получается?

— У меня мама умерла, Татьянколавна...— вдруг сказала Марина.— На днях соседку нашу случайно встретила, сказала. Полгода уж... Даже где похоронили — неизвестно. Кто похоронил? Не простила я с ней... Я ведь думала, выйду отсюда, найду ее, работать стану, и выправится... Не успела!

— Она же, Мариша, тебя била сильно... Даже чуть не убила...

— Было дело. А я не сужу! Она ведь любила меня. Когда трезвая была, так жалела. А с пьяной — какой спрос? Отец нас бросил, с работы ее выкинули. У ней же никого не было в целом свете! Каково это? Всем на нее наплевать было. Меня-то вот подобрали, накормили да обогрели здесь, а ее, мою мать, почему бросили? Почему ей-то не помог никто?! Не вытащил из этой ямы? Крест при жизни поставили, а теперь, небось, и креста не стоит... Она ведь живая была! А кому какое дело было Швырнули, растоптали — пропадай! Сволочи все... Вот, будь жива она, так я б все для нее сделала. Потому что она моя мать! Она — человек! А про это и не вспомнил никто! Детям еще помогают, а родителей детям вернуть? На это не хватает уже! Они, мол, сами виноваты! Моя мать виновата не была! Это вот они, люди, жизнь ей сломали, убили и забыли. И мне заодно...— Мариша вытерла рукавом слезы, махнула рукой и убежала.

Ранним майским утром Таню разбудил звонок в дверь. Отперев, она увидела на пороге свою подругу Катерину. Катя была моложе ее на целых десять лет, но это не мешало их многолетней душевной дружбе. Тонкая, пластичная, музыкальная, Катерина с недавних пор работала в одном небольшом, лишь недавно открывшемся театре и страстно мечтала сниматься в кино.

— Привет, Танюшек! — чмокнула она подругу в щеку.— Разбудила? Ну извини! У меня к тебе дело! Срочное!

— Дело? — рассеянно произнесла Таня.— Если так, то проходи на кухню, кофе-ем угощу...

— Тебе ж нельзя кофе.

— А сама чаю выпью.

— Тогда и мне давай чаю,— заявила Катя.

Пройдя на кухню и немного покрутившись, она обратилась к подруге:

— Танюшек, дай денег, а. В долг. Срочно нужно.

— Много?

— В общем, да... Но ты не волнуйся, я отдам.

— Можно узнать, что за непредвиденные у тебя затраты?

— Да уж, именно непредвиденные... Один дурак «не предвидел»... А я тоже дура, не усмотрела...— Катерина нервно закурила.

Таня подошла к ней вплотную и спросила

— Катюшек, ты, случайно, не беременна ли?

— Вот именно, что случайно.

— А деньги тебе зачем

— Тань, а сама не догадываешься?

— Если на аборт, то не дам.

— То есть как это! Почему Ты мне подруга или где?

— Подруга. Поэтому и не дам. Ты абсолютно здорова. У тебя есть квартира.

— У родителей есть квартира.
— Большая трехкомнатная. Твой отец очень хорошо зарабатывает. Бабушка твоя еще очень крепкая женщина. Зачем же отказываться от ребенка?
— Затем что не к месту и не ко времени! Сейчас — не время!
— А когда — время? Пройдут годы, потом станет поздно, а потом всю жизнь будешь жалеть, что... Кстати, а кто отец? Он знает?
— Кобель — отец! Я этого паразита вчера с нашей гримершей застукала! Да я его знать после этого не желаю! Так ты не дашь денег?
— Прости, Катенька, греха на душу не возьму.
— Ладно, тогда я пошла. Еще у кого-нибудь попрошу! — пожала плечами Катя.
— Постой! Я сейчас к Ванюше поеду. У них там небольшой праздник... Может, и ты со мной?

— А я думала, сегодня рабочий день.
— Я отгул взяла. Слушай, поедem, а Ванюша рад будет. Ты ему понравилась. Он меня о тебе спрашивал даже.

Катерина улыбнулась

— Ладно, поехали!

Праздник, о котором говорила Таня, устраивался в честь проводов двух воспитанниц-сестер, которых удочеряла бездетная семейная пара. Прощание проходило у главного входа в детдом. Девочки прощались с подружками и друзьями, а обретенные родители обещали, что будут привозить их иногда в гости. Всем детям ими было подарено по небольшому набору конфет. Андрей Александрович сказал небольшую речь, дети прокричали пожелания счастья сестрам, после чего те сели в машину, и та покатила к распахнутым Тимофеем Ильичом воротам. Воспитанники бежали следом и махали руками.

— Мама, а когда ты меня забереешь? — спросил Ваня.

— Скоро, милый, скоро...

Андрей Александрович подошел к Кате:

— Катерина Витальевна, Татьяна Николаевна сказала, что вы работаете в театре.

— Да, работаю.

— Скажите, а нельзя ли договориться с вашим театром, чтобы устроить новогодний праздник у нас? А то ведь нам каждый раз деда Тимофея Морозом рядить приходится, а со Снегурочкой и вовсе проблема. Вот вы бы не отказались быть у нас Снегурочкой.

— Да я, в принципе, с радостью... — пожала плечами Катя.

— Я был бы вам невероятно признателен! Вообще, у нас ведь даже и своя самодеятельность есть. Правда, руководить ей толком некому... Но ребята стараются. Не желаете ли посмотреть наш актовый зал?

— С удовольствием, — кивнула Катерина, с любопытством рассматривая странного директора с растрепанными с ранней сединой волосами и глазами по-юношески бодрыми. Чудак-человек...

Андрей Александрович и Катя ушли, а большинство ребят с бабой Тоней отправились на площадку. Туда же последовала Таня с Ванюшей.

Было около полудня, когда во дворе появился невысокий человек с черными волосами и раздраженным, нервным лицом. Какая-то девочка подошла к нему и спросила:

— Дяденька, вы кого-нибудь усыновить хотите? Возьмите меня, пожалуйста!

Незнакомец вздрогнул, бросил на девочку быстрый взгляд и, тотчас отведя глаза, поспешно отошел. Он явно искал кого-то и, не находя, нервно грыз губу.

Таня увидела его еще издали. Сердце ее учащенно забилось.

— Ванечка, подожди меня,— сказала она и направилась к неожиданному визитеру.

— Вадим! — окликнула его Таня.

Барышев обернулся и быстро направился к ней

— Здравствуй, Таня.

— Здравствуй, Вадим.

— Вот, насилу отыскал тебя...— Вадим помялся.— Мы можем поговорить?

— Мы разве не обо всем поговорили?

— Давай отойдем куда-нибудь.

— Хорошо,— Таня пожала плечами.

Они зашли за угол здания, где в этот час не было ни души. Вадим в волнении закурил. Помолчав, он сказал

— Я, Таня, подумал о том, что ты тогда сказала... О том, что я не подумал о тебе... Ты была права. Я был... В общем, извини меня. Я думал, что легко разорвать нить, которая нас связывает... Думал, что проживу без тебя. До этих последних месяцев я не знал, я представить не мог себе, что ты для меня значишь. Ты мне нужна, Таня. Понимаешь? Я все взвесил и решил... Пусть будет по-твоему. Выходи за меня замуж.

Таня улыбнулась:

— Я очень рада, что ты пришел. Я ждала тебе все это время. И я выйду за тебя. У нас будет, наконец, нормальная семья. И мне тогда уж не откажут в праве усыновить Ваню...

Вадим помрачнел.

— Ты не поняла меня, Таня. Я предлагаю тебе выйти за меня, но с условием никаких усыновлений. Зачем это нужно? Мы будем вместе. Будем жить для себя! Столько интересного есть на свете! Будем ездить отдыхать в живописные места... Зачем отягчать себе жизнь? Стеснять нашу свободу

— Это ты, Вадим, так ничего и не понял. Жить для себя! Господи, да неужели в этом вся цель? Это же мелко... Объехать все курорты, продегустировать дорогие вина и деликатесы, покрасоваться в обществе — и ради этого стоит жить? Ведь это же пустота. Мы не сможем жить с тобою. Год будем, как ты говоришь, жить для себя. А потом? Надоест! И начнется самое страшное одиночество вдвоем. Безысходность. Зачем нужно дерево, если не дает оно ни плода доброго, ни тени обильной? И мы никому не нужны будем. Неужели ты не чувствуешь этого, Вадим? Ведь тебя уже давит одиночество, поэтому ты пришел. А потом будет хуже, но будет поздно.

— Просто ты никогда не любила меня! — выпалил Вадим.

— Я и сейчас тебя люблю. И хочу, чтобы ты был счастлив. Втроем мы были бы счастливы... А вдвоем — нет.

— Значит, отказываешь

— Ты полагаешь, что я могу бросить ребенка, которого считаю своим сыном, который зовет меня мамой? Ведь это же счастье, что есть на земле детская душа, которой я нужна. Счастья, когда она ко мне тянется, зовет мамой. Это то, ради чего жить стоит. Земной смысл всякой человеческой жизни. Как ты не понимаешь...

— Прощайте, Татьяна Николаевна! — зло бросил Вадим и ушел.

Таня скрестила на груди руки и опустила голову. Этим вечером ей вновь предстояло посетить опостылевший кабинет, почувствовать на себе взгляд черных квадратов чиновничьих глаз и услышать привычное: «Вам отказано...» Боже мой, что же это за страна, за жизнь такая! Отчего у нас, чтобы добро сделать, законы нарушать надо, потому что добро — вне закона оказалось! Удивляются иные, отчего сердца людские очерствели. Отчего добро не хотят делать? А попробуй захоти! Сделай! Тебя

ж за то и осудят... Андрей Александрович артель создал, скольких ребят там собрал, от пьянства да воровства отвратил, к труду приучил, а закон ему что — нарушаешь, господин хороший, права не имеешь, штраф плати! А поборись-ка с этою машиной! Ильею Муромцем быть надо, чтобы пресс ее выдержать, не сломаться да добиться своего... Одни бабы о детях мечтают, а не могут иметь... А другие могут да не хотят они для себя живут. И откуда же взяться чему? Семьи распадаются... А корни-то далеко закопаны. Еще когда провозгласила пламенная товарищ Коллонтай семью — долой, детей — в приюты, даешь свободную любовь! Вот теперь и идет так... Только вот не любовь это. Карикатура лишь. А без любви так и жизни самой нет. И не будет, когда дальше так пойдет...

Вечером, получив очередной отказ, Таня возвращалась домой. На автобус она опоздала, а потому шла пешком. Проходя вдоль ряда гаражей-«ракушек», она заметила в щели между двумя из них нечто вроде логова: крыша картонная, тулуп, молью побитый, узел какой-то, кастрюля. Неподалеку стоял и хозяин «жилища», опирающийся на палку. Перед ним на асфальте лежал треух, куда редкие прохожие бросали подаяние. Таня пригляделась, это был тот самый бомж, отец Максимки. Порывшись в карманах, она достала десятирублевую купюру и положила в шапку.

— Дай Бог тебе здоровья, милая! — просипел бомж.

Войдя в свой подъезд, Таня была встречена залиvistым лаем. Ей навстречу бросился... Кутя, вертя длинным хвостом.

— Ты что здесь делаешь! — поразила Таня.

Взбежав на второй этаж, она увидела сидящего на ступеньках Ваню.

— Ванечка, ты откуда здесь

— Я тебя ждал...

— Что же, ты из детдома убежал?

— Убежал,— кивнул Ваня.— Я хочу у тебя жить. Почему мне нельзя?

И как объяснить ему? Почему нельзя? Почему закон запрещает? Как объяснить это ребенку...

— Ты неправильно сделал, Ванечка,— покачала головой Таня.— Там, наверно, ищут тебя, волнуются. Ты не замерз? Идем скорее в квартиру, будем ужинать.

В квартире разрывался телефон. Таня сняла трубку. Звонила баба Тоня:

— Родношечка, Ваня пропал! Убежал, кажется!

— Не волнуйтесь, баба Тоня. Он у меня...

— Вот, негодник-то... Мы уж милицию вызывать хотели... Андрей Ляксаныч велел подождать, поколь до тебя не дозвонимся... Ну, слава тебе Господи, что все хорошо...

— Все хорошо, да,— кивнула Таня.— Я завтра утром привезу его... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Таня опустила на стул, погладила Ванюшу по голове:

— Разбойник ты, Ванечка... Переполох устроил, напугал всех. Чуть было милицию не вызвали... Нам бы тогда попало с тобой!

— Не попало бы,— ответил Ваня.— Я бы тебя никому в обиду не дал.

Прямо позади детского дома рос замечательный яблочный сад. Воспитанники ухаживали за деревьями, и те всякий год давали щедрый урожай. Накануне Яблочного Спаса ребята собирали первые в этом году сладкие, душистые яблоки. Мальчики проворно взбирались на самые верхушки деревьев, срывали плоды и передавали их вниз, где девочки укладывали их в ведра. Упавшие на землю яблоки складывали отдельно на варенье.

— Вот, хорошо! — радовалась баба Тоня.— Будет много варенья в этом году. Зимой будем лакомиться да лето вспоминать.

— Мама, угощайся! — Ванюша протянул Тане спелое яблоко.

— Спасибо,— Таня чмокнула его в щеку и попробовала яблоко. Оно оказалось очень сладким и сочным.

Воздух в саду был наполнен душистым ароматом яблок, коим невозможно надышаться, пьянящим, ласкающим обоняние...

Андрей Александрович подсчитывал собранные ведра:

— Хорошо! Эх, дорогие мои, а ну как был бы наш сад побольше, а? Ведь тогда бы и продавать можно эти яблочки было. Мало землицы у нас! Мало! А ведь земля — большое богатство, ежели с ней ладить. Предки мои крестьяне были. От них у меня к земле неодолимая тяга. Вот когда еще мы с моей артелью в деревне жили, так и картошку копали, и овощи разные сажали. А здесь — не развернись! И не дадут ведь земли нам ни за что! Под магазин дадут, под кабак... А нам — ни в жизнь...

Лето в этом году выдалось непривычно жарким. Таня сидела в тени, прижавшись спиной к стволу яблони, и утирала со лба пот. Ей было душно, и сердце, точно задыхаясь, бешено колотилось. Нестерпимо клонило в сон. Так бы сидеть, вдыхать яблочный дух, слушать поющие детские голоса-колокольчики...

Наконец, сбор урожая был окончен.

— А айда теперь на реку, искупнемся! — предложил кто-то.

Предложение было встречено единодушной поддержкой, и шумной стайкой ребятиг побежала к находившейся неподалеку реке.

— Только не заплывайте далеко! — предупредила баба Тоня, тяжело дыша, направляясь за воспитанниками.

Таня поднялась и последовала за всеми. Андрей Александрович задержался, чтобы сделать какой-то срочный звонок.

Приближаясь к реке, Таня расслышала взволнованные крики. Навстречу ей кинулась Марина

— Татьянколавна, там Максимка тонет!

Таня побежала к реке. Максим не послушался бабы Тони и заплыл далеко. По-видимому, у мальчика свело ноги, и он стал тонуть. Кое-кто из детей уже плыли к нему на помощь, другие побежали звать Андрея Александровича.

— Дети, стойте, не плывите туда! — скомандовала Таня.— Чего доброго, самих вас утянет!

Скинув блузку и туфли, она бросилась в воду и поплыла к Максиму. Когда-то Таня плавала очень хорошо. Учась в школе, даже всерьез тренировалась, но в последние годы боялась заплывать далеко: вдруг сердце прихватит? Доплыв до едва барахтающегося на поверхности мальчика, она крикнула:

— Цепляйся за меня и держись крепче!

Максим обхватил ее за плечи, и Таня почувствовала, что этот груз для нее уже чрезмерен. «Оба ко дну пойдем!» — в ужасе подумала она, но продолжала грести. В ушах зазвенело, а перед глазами пошли красно-фиолетовые круги...

И все-таки Таня доплыла до берега, сделала несколько шагов и повалилась на землю... «Конец...» — мелькнула в угасающем сознании мысль. Где-то совсем рядом раздался крик Ванюши:

— Мама! Мамочка! Что с тобой!

— Маришка, скорее принеси сумку ее! Там лекарства быть должны! — где-то далеко уже послышался голос бабы Тони.— Роднюшечка, роднюшечка, потерпи чуток! Саня, «скорую» беги, вызывай!

Прибежал Андрей Александрович.

— Надо прямой массаж сердца сделать! — сказал кто-то. — Я в кино видела...

— Мама! Мамочка! — плакал Ванюша.

Протяжно завыл Кутя, почуяв беду. Больше Таня не слышала ничего...

О ее гибели сообщил ему общий знакомый, работавший с нею в одной фирме... Вадим не поверил собственным ушам. Он опустился на пол и закусил ладонь, чтобы не завывать. Никогда он не чувствовал себя таким разбитым, одиноким и уничтоженным, никогда жизнь не казалась ему такой пустой и потерявшей всякий смысл. Вся его гордость, все себялюбие, все мнимое благополучие вдруг рассыпалось в прах от этого страшного известия. И самая жуткая мысль явилась вдруг во всей наготе: «Я виноват... Я! Если бы я согласился, то мы бы уже жили все вместе, втроем... Она бы никогда не оказалась там... Не погибла бы! Она была бы жива... Я ее погубил... Таня, Таня, как же так? Думал, что успеется. Что все еще наверстаем, что есть время у меня обдумать все... А его-то и не оказалось! Даже на то, чтобы сказать, что люблю тебя, его не хватило... Если бы я... Я всю жизнь опаздываю... И опоздал совсем! Пустота, одиночество, забвение — вот, что меня ждет. Почему я не понял тебя! Не услышал? Не хотел слышать... Заложил уши ватой, той самой, которой обложил всю свою жизнь, чтобы создать иллюзию комфорта. Будь он проклят! И тебя не захотел услышать... Только себя слушал. Эгоист, идиот, тварь... Господи... Прости, прости меня...»

На ее похороны он тоже опоздал. А придя, остановился поодаль, не решаясь приблизиться. Таню хоронил весь детский дом. Воспитанники возлагали цветы на ее могилу и уходили, утирая слезы. В голос рыдала ее любимая подруга, Катерина:

— Танечка, Танечка! Да как же... Она же мне как сестра была... Она же такая добрая... Такая...

Высокий человек с разлохмаченными, рано поседевшими волосами обнял ее:

— Катерина Витальевна, Катя, успокойтесь. Вам нельзя теперь...

— Она крестной должна была быть... Она... Да как же теперь-то... Андрюша, как же..

Андрей Александрович осторожно взял Катерину под руку и, поддерживая обессиленную девушку, увел ее, что-то тихо говоря ей на ухо.

Наконец, у могилы остался лишь маленький светловолосый мальчик с широко распахнутыми, бесслезными глазами, дворовый пес, понуро опустивший голову, и старуха с распухшим от слез лицом, стоявшая чуть в стороне.

Вадим решил приблизиться. Старуха подняла на него глаза и сказала охрипшим голосом, кивнув на мальчика:

— Три дня уже он так... Не говорит и не плачет... Горе-то какое!.. Вы знали ее?

— Знал... — тихо ответил Вадим.

Он подошел к мальчику, опустился рядом с ним на одно колено, и, чуть обняв его, сказал:

— Что, Ваня, ушла от нас наша мама... А ты поплачь... Легче станет...

Лицо Ванюши дрогнуло. Он вдруг зарыдал, кинувшись Вадиму на шею. Вадим крепко прижал его к себе и, глотая слезы, поднял на руки. Внезапно ему послышался голос Тани:

— Вадим, милый, не оставляй его. Ради меня! Ради себя! Ради всех нас! Позаботься о нем, прошу тебя...

Рыдания душили Вадима. Он вдруг почувствовал, что единственный близкий человек, который остался теперь у него на свете, так это вот этот мальчик, из-за которого он несколько месяцев назад оставил женщину, которая его любила, которую он сам, как оказалось, любил... Взяв себя в руки, Вадим сказал:

— Ну, сынок, держись. Мы теперь вместе будем... Я уж тебя не оставлю. И пусть нашей маме спокойно будет... — голос его дрогнул, и он замолчал.

Старуха перекрестилась:

— Слава тебе, Господи!

Вадим еще крепче обнял Ваню и понес его с кладбища. За ним бежал притихший пес. Ветер гнал по небу серые тучи, и те в первый раз за необычайно засушливые последние недели, вдруг разверзлись, и хлынул дождь, и капли его смешались со слезами на лице Вадима...

А где-то в здании с толстыми стенами, в высоком кабинете, за заваленными бумагами столом сидел чиновник с черными квадратами безучастных глаз и не терпящим возражений тоном робота выносил кому-то очередной приговор:

— Законом не предусмотрено... Нужна справка... Вам отказано...

И бестрепетным росчерком пера — крестом на чьих-то судьбах

— В удовлетворении отказать.



Евгения Курганова
(г. Москва)



Евгения Михайловна Курганова (Костина) родилась в Москве, окончила филологический факультет МГПУ им. В. И. Ленина по специальности русский язык (литература), долгое время работала в ТАСС. Первые рассказы опубликовала в газете «Московские новости». Печаталась в альманахах «Московский Парнас», «Лесной орех», «Ясноцвет», в болгарской газете «Есенински булевард» (приложение к газете «Литература и общество»), в литературном журнале «Страна и мы», в сборнике «Вечерами у балкона». Выпустила книги: «Люблю и верю» и «Снежный вальс». Член МГО Союза писателей России.

РУССКАЯ ДУША

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви*

А. Блок

Недавно, увидев у своей подруги книгу В. Г. Смолицкого «Русь избяная» и прочитав ее, я подумала: «Как же мало мы знаем, о родной старине!» Возьмешь любой народ и увидишь, как бережно он относится к истории, культуре, архитектуре своей страны. А мы сначала ломаем «до основания», а затем по чертежам, если они в лучшем случае сохранились, а в худшем — по памяти, будем восстанавливать. И мне захотелось рассказать о русском народном зодчестве.

Простейшая мужицкая изба чаще всего представляла собой холодные сени и прилегающее к ним теплое жилое помещение. Иногда пристраивалась к ним светелка, где находились летом. В таких помещениях чаще всего жили небогатые крестьяне. Таких изб почти не осталось, но те, которые сохранились, поражают нас своей простотой и лаконичностью. Красоту, даже какую-то изысканность, мы можем увидеть и проследить в домах зажиточных крестьян. Их срубы состояли из нескольких, если сказать современным языком, этажей. Чаще всего — из трех. Нижний — погреб. Там хранили продукты, орудия труда. Второй — жилой. Третий — чердак, который использовали по-разному: как детскую или подсобное помещение. Если хозяин называл свое помещение домом, это подразумевало, что у него хорошее, добротное с несколькими жилыми помещениями здание. Этим оно отличалось от избы.

В народном понимании лучшим домом был тот, который состоял из нескольких срубов. Он вмещал в себя две-три избы. Таким зданиям часто давали поэтическое

название «терем». Терем всегда был устремлен ввысь, к солнцу. Он был всегда высоким. Часто в народных песнях мы встречаем упоминание и описание терема.

*А в терем тот высокий
Нет хода никому.*

Или, например, в вологодской свадебной песне:

Наша невеста в тереме сидела.

Но чаще всего это была мечта о таком доме-тереме. Большинство крестьян жили в простых избах. Когда подходишь к такому дому, первое, что бросается в глаза, это орнамент — резное наружное украшение на козырьке крыльца, на наличниках окон, окантовке крыши. В рисунках орнамента мы чаще всего встречаем изображение птиц, цветов, разные завитки. Мастер, передавая эту красоту, старался не повторяться. Здание всегда гармонировало с окружающей его природой, они дополняли друг друга.

Большое внимание уделяли крыльцу. Его называли красным. Крыльцо всегда было широким, его украшали резьбой. Поднявшись по нему, пройдя через холодные сени, попадаешь в жилое помещение, где встречает пузатая печь, похожая на русскую бабу, дородную, хлебосольную, гостеприимную. Печь для крестьянина — это все. И кормилица, и источник тепла, и место отдыха. В другом конце комнаты по диагонали находится красный угол. Это было самое красивое и самое главное место в доме. Здесь висел киот с иконами, часто обрамленный вышитым полотном. Иконопись являлась главным украшением дома. Когда гость приходил в дом, то первый поклон был в сторону икон, а уже второй — хозяевам. Здесь же находились стол и лавки. На полу лежали тканые дорожки. На окнах висели узорчатые, вышитые занавески.

Каждый день семья собиралась здесь. Молилась Богу, встречала гостей, принимала пищу. Женщины пряли, занимались детьми. Мужчины мастерили. Но таких домов с каждым годом становится все меньше и меньше. Их можно увидеть, приезжая в Суздаль, Владимир, и другие города Золотого кольца, где их охраняет государство. Я понимаю, что это музейный экспонат, но как болит душа при виде этих домиков, церквей, березок.

И ты тогда понимаешь, что русский человек болен любовью ко всему русскому.

Если мы видим где-нибудь варварское отношение к нашей истории, старинному зодчеству, то должны бороться за него, беречь его, охранять его, чтобы наши дети, внуки имели возможность увидеть его, познакомиться с ним. Мои друзья-этнографы по крупицам собирают наши истоки. Благодаря таким ученым как Виктор Григорьевич Смолицкий, Елена Петровна Батянова и многим другим, я узнала не только о нашей деревне XIX-начала XX века, о ее зодчестве, культуре, но и о русском фольклоре, где сам народ рассказывает о своем быте, не отделяя его от себя, а даже одушевляя его. Нам же надо только научиться видеть и охранять его.

КИРИНЫ ДОЖДИ

Кира лежала в кровати и слушала дождь. За годы болезни он стал ее другом. Она научилась с ним разговаривать. Близкие люди не понимали. За окном серо, сыро, в общем, мерзопакостно, а она радуется. Кира старалась объяснить им, что дождь всегда разный. Самое главное, уметь его слушать.

Весной он приходит с первой грозой, смывающий зимнюю грязь, умывающий все вокруг, наполняющий землю влагой. Благодаря ему появляются первые побеги, листочки. Нежные, еще светло-зеленые, немного липкие. Кире об этом рассказывает майский дождь, который стучит в окно, но говорить им приходится мало, у него много дел. Его деловой четкий перестук говорит: «Я здесь, но извини, поговорим позже, я спешу». Капли тяжелые, крупные. Кира не обижается, она ждет летнего дождя.

Иногда он прибегает шустрым мальчишкой. Быстрым, грибным дождиком с солнышком. Брызнул, рассмеялся и побежал дальше. Но если он приходит с грозой, то они разговаривают. Дождь шелестит листьями, стучит в окно ветками деревьев, плещется в лужах, бурлит в водостоке. Под его шепот, запах цветов и свежего воздуха Кира успокаивается. Ей не мешают порывы ветра, которые открыли ставни и влетели в комнату, надувая шторы парусом. Старые рамы скрипят, и она засыпает. Ей снится деревня, бабушка, дом с садом, где она любила бегать босиком.

Как давно это было... Осень. Вот уж дождь зарядил. Для нее самый любимый. Он никуда не спешит, приходит надолго. Разговаривая с ним, слышишь усталость, монотонность, побряхтывание, как у старого деда, который жалуется на свою жизнь.

Они говорят долго и основательно. Прощаясь на зиму, дождь обещает прийти ранней весной, и тогда они продолжат свои тихие, нескончаемые беседы.

Их никто не слышит. Ведь они говорят шепотом, шелестом листьев, стуком капель по оконному стеклу.

ТУЛЬСКАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Я еду в электричке в Тулу, в гости к тете Тоне. После ухода мамы члены ее семьи стали для меня самыми родными людьми. Можно даже сказать, что еду не в гости, а домой, чтоб отдохнуть душой.

За окном проплывают маленькие станции с прилегающими к ним поселками, с небольшими деревянными и кирпичными домами, окруженными палисадниками с растущими по фасаду цветами. Чаще всего это золотые шары, георгины, астры, бархотки. Мы отъехали довольно далеко от Москвы, и коттеджи здесь почти не встречаются. Все это чередуется с рощами, полями, речушками и заросшими камышом болотцами. Сейчас конец сентября. Деревья и кусты надели осенние наряды. Изобилие красок радует глаз: все оттенки зеленого, желтого, бордово-красного, переливаются на солнце.

Очень хочется выйти из электрички и побыть на природе. Почувствовать запах осени, который дурманит голову своим увяданием, навевая легкую грусть. И ты немножко завидуешь людям, гуляющим за окном. Переводить взгляд внутрь вагона, где преобладают серо-коричневые, черные тона, не хочется.

Народу много, места почти все заняты, но в проходах никто не стоит, можно спокойно пройти через весь состав. Рядом сидит пожилой мужчина, молча разгадывающий кроссворд. На нем старенький пиджачок, надетый на фланелевую рубашку, брюки заправлены в кирзовые сапоги. Коробейники, продавцы всякой мелкой всячины, так и снуют по вагону, чаще всего предлагая ненужные товары. Некоторые продают мороженое, пиво, а к нему соленые орешки и сухарики. Ближе к городу Чехову появляются музыканты. У многих из них голоса лучше, чем у нашей попсы. Вот вошли двое молодых мужчин, одетых в военную форму. Солиста везли в инвалидном кресле, у него не было ног. Спев песню, его друзья стали просить помощи у окружающих, на операцию и протезы другу. Несчастье с юношей случилось во время командировки в Чечню. Люди засуетились, каждый старался помочь, равнодушных не было.

Двери постоянно открываются, впуская и выпуская пассажиров. Неожиданно в вагоне появились дети. Мальчик, на вид лет двенадцати, и девочка лет десяти. Опрятные, но скромно одетые, они неумело просили милостыню, видно, что стесняются. Я позвала ребят, усадила на скамейку, угостила бутербродами, купила мороженое, разговорились. Я поинтересовалась, почему они не в школе, электричка — дневная. Оказалось, что семья у них большая, детей четверо. Двое младших еще маленькие и сидят дома с матерью, яслей в селе нет, а одних оставлять их нельзя. Отец умер этой зимой от воспаления легких. Застрял в машине, когда ехал из города. Пришлось добираться до села пешком, а это десять километров. На следующий день, взяв трактор, поехал ее вытаскивать, хотя к этому времени у него уже появился кашель и поднялась температура. Окончилось все воспалением легких, до районной больницы довести не успели. Теперь они главные помощники матери. Встают рано, в пять часов, чтобы подоить корову, зимой принести для растопки из сарая дров, а затем надо спешить в школу, в соседнее село. До него шесть километров. Они с сестрой стараются подрабатывать, как могут, чтобы помочь семье: то одиноким старикам в деревне воды принесут, то в магазин для них сбегают, который расположен в центре села, ведь старикам зимой по сугробам ходить тяжело. Сегодня они решили после занятий попробовать попросить денег у пассажиров. Мать не знает, а то бы выпорола. Я посмотрела на ребят, мальчик был ровесником моему сыну, но казался старше, из-за недетского взгляда. Было видно, что этот ребенок понял, что в семье теперь он единственный мужчина, и не испугался. И я поверила этому маленькому мужчине, поверила, что он все преодолеет, не сломается, почувствовав силу, которая шла от него.

Сосед, отложив кроссворд, вздохнув, сказал, что знает ребят: «Работающие они». Семья у них крепкая, дружная, но после смерти отца никак не может встать на ноги. Раньше в селе был совхоз, была работа. Все поля засеивались, на его территории находилась также птицеферма, имели большое стадо коров, работали школа, детский сад, и была своя поликлиника. Жизнь бурлила. В день зарплаты или по праздникам, как сказал мужчина, люди, «одевшись по красивее», шли в сельсовет получать деньги, но сразу по домам не расходились, стояли около него, весело о чем-то разговаривали, договаривались зайти друг к другу в гости. Вечером молодежь шла в клуб. Народу тогда было в селе много, семьи — большие. А сейчас оно умирает. Несколько раз его уголья перепродавали, молодые люди бегут в город: работа в селе тяжелая, а денег почти не платят.

За разговором не заметили, как доехали до Серпухова. Народ почти весь вышел. Ушли и ребята с мужчиной. После нашего разговора, задумавшись, я продолжала смотреть в окно. Было грустно. В вагоне осталось несколько человек. Зачастили контролеры. В конце вагона мужчины, играя в карты, пили пиво, громко смеялись. Возле них притулился гармонист. Они предложили ему пива и, о чем-то между собой оживлено разговаривая, прислушивались, как тот, механически перебирая клавиши на гармонии, что-то наигрывает. Под стук колес, звуки гармонии и смех мужчин я незаметно для себя доехала до Тулы.

НЕОБДУМАНЫЕ СЛОВА

Последний день старого Нового года, мы с мужем по многолетней привычке собираемся на дачу. Сын вырос и отмечает праздник в своей компании. Заходим в магазины, где царит предпраздничная суматоха, кто-то покупает подарки, кто-то елку, кто-то продукты, у большинства людей озабоченно-улыбающиеся лица, и все куда-то торопятся. Купив шампанское, мы с мужем спешим на вокзал. Приехали не поздно, но по-зимнему уже начало рано темнеть. Падает снег. Медленно кружась, он опуска-

ется на землю. Несмотря на тихую поземку, дорожку к дому замело, хотя мы были здесь еще совсем недавно. Очистив ее, мы спешим в дом и успеваем только растопить печь, положить кое-что на стол и поднять бокалы вместе с нашим президентом за наступивший Новый год. Посмотрев немного новогоднюю программу по телевизору, мы ложимся спать.

Просыпаемся от яркого солнца, которое заглянуло к нам в окно и будет. В комнате прохладно, вылезать из постели не хочется. Первым встает муж, начинает топить печь и приносит мне в постель чашечку кофе. Позавтракав, мы выходим на крыльцо. Чистое голубое небо. Солнышко светит так ярко, что ослепляет. Под его лучами пушистый белый снег блестит, переливаясь. Мы надеваем лыжи и идем к лесу. Вокруг звенящая тишина, только слышится скрип снега под нашими лыжами. Деревья — все в снегу. Под его тяжестью большинство веток опустились почти до самой земли, и пройти сквозь них очень трудно. Неожиданно с ели на нас падает снег, много снега. Это белочка прыгнула с ветки на ветку. Отряхнувшись, смеясь, мы пошли дальше. Морозец пощипывает наши лица, но возвращаться мы не спешим. Так и хочется заговорить стихами Пушкина: «Мороз и солнце день чудесный». Настроение хорошее, еще походив по лесу около часа, мы возвращаемся домой.

Переодевшись, мы торопимся накрыть на стол, ведь скоро должны приехать друзья, а может быть и сын. К двум часам дня собрались почти все, кроме Ивана. Загулял мальчик. В комнате весело, шумно, я пошла на кухню, чтобы принести к столу горячее блюдо. За мной увязалась Сонька. Мы дружим с детства. В горе и в радости мы всегда вместе. Я могу на нее положиться во всем. Сколько раз моя любимая подруга приходила мне на помощь. Она крестная моего сына. Смеясь, достаю гуся с яблоками из духовки. Неожиданно Соня говорит: «Ты знаешь, я видела недавно твоего бывшего в магазине, он так трепетно относится к своей Машке». Смех пропал, в глазах потемнело, хотя прошло уже 15 лет как мы разошлись, но сердце неожиданно заболело. Как будто ему снова нанесли смертельную рану. Слово «трепетно» убило радость, которая сопровождала меня весь день. Увидев мое побледневшее лицо и боль в глазах, подруга испугалась. «Что с тобой? Я что-то не то сказала, сделала?» «Да», — ответила я. Задумавшись о своей жизни вместе с отцом Ивана, мне было трудно припомнить, когда он относился ко мне трепетно. Боль и горечь захлестнули меня. Сонька стала извиняться: «Прости, ты понимаешь, я не подумала, ведь прошло столько лет», — твердила она. И я вспомнила слова кого-то из умных: «Словом можно убить». Господи, как же осторожно мы должны относиться к тому, о чем говорим. Ведь необдуманные слова ранят, делают больно тем, кого мы любим. Успокоившись, я вошла в комнату с подносом, где красовался новогодний гусь. Никто ничего не заметил. Праздник продолжался. Но муж, что-то почувствовав, подошел ко мне, поцеловал и тихо спросил: «Заяц у тебя все в порядке?» — «Да. Ведь у меня есть ты», — ответила я.

ЛИСТЬЯ ОСЕНИ

Осень. В это время года я часто отдыхала в Подмосковном санатории Подлипки. Корпуса окружает большая территория, представляя собой парк, по аллеям которого любят гулять отдыхающие. Деревья, растущие здесь: это дубы, сосны, ели. По дороге к административному зданию тебя встречает необычайных размеров дуб. Его могучая крона поражает воображение. Он один из старожилов, был посажен еще в середине 20 века. Само помещение построено в стиле дворянской усадьбы, немного обветшало, краска на колоннах в некоторых местах облупилась. От всего этого дышало ветхостью. Утром отдыхающих встречаешь редко, с утра все хо-

дят на процедуры. Большинство из них пожилые люди. И этот колорит ветхости и старости невольно вызывал грусть. Многим из них глубоко за семьдесят лет. Мне пятьдесят с хвостиком, и я для них — девочка. Они же напоминали мне осенние листья, которые медленно кружатся по аллеям парка, радуясь редкому солнышку. Листья на деревьях уже пожелтели, но падать не спешат, слабый ветерок играет ими. Те же, которые все же сорвало с дерева, медленно опускались на землю, где оставались лежать на травяном ковре.

Пожилые люди очень рады пребыванию в санатории, где они встречают новых друзей и знакомых. Общась друг с другом, они ходят по аллеям старого парка, смотрят с удовольствием фильмы своей молодости. Здесь они могут не чувствовать себя одинокими. А дома... Что дома? Редкие звонки близких людей, детей, которые вечно спешат: а им остаются лишь воспоминания. У многих из них единственный друг — телевизор. Домашних животных завести пожилые люди боятся, так как чувствуют свою ответственность за них. А желания остаются те же, что и в молодости. Ведь как правильно сказал Сенека: «Страшно не то, что мы стареем, а то, что душа остается молодой».

Переводить себя в разряд старшего поколения, ой как не хочется.

Мне было тяжело среди них. Я видела опустошенность у некоторых на лицах. Так хотелось их обнять, подарить им хоть немного тепла, чтобы глаза их снова ожили и заблестели. Ведь для этого так мало надо.

Большую часть дня я старалась проводить на улице, гуляла по большой территории санатория или за его пределами. Выйдя за калитку, проходила через небольшую березовую рощицу, за ней был пруд, где я часто кормила уток. Тишина и покой окружали меня, нарушали их только издали доносившиеся, еле уловимые гудки проезжающих электричек. Часто навстречу мне шли пожилые люди. Я слышала их приглушенные разговоры. А вот и мой любимый клен. Как же он красив! Как бы осознавая это, он горделиво несет свой осенний роскошный наряд, смотря на всех сверху вниз. Рядом с ним растет молоденькая осинка. Дрожащая на ветру, она старается спрятаться под его кроной, и он снисходительно закрывает ее от осеннего ветра. Я всегда долго стояла рядом с ними, сливаясь в одно единое целое с природой.



ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ



Игорь Лукьянов — русский поэт. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова

Я б счастливым
назвал этот миг,
Где как будто задетая рана,
Сотрясает
до слез болевых
Золотая страница романа.
Жизнь летит —
то ясна, то мрачна
По накатанной
будто впустую.
Но — любимая обречена...
Но — целует казак
степь родную...

* * *

Под ливнем луговые травы
Вдыхают грозовую высь.
Ударил гром вослед составу —
Два грохота в один слились.
До леса прокатилось эхо.
И обозначил этот миг
Какую-то по жизни вежу,
Которой нету у других...

* * *

Свищет кровь из раны.
Кровью рвет.

Шла в Европе
Мировая драка.
Отравили газом
Русский взвод.
Мертвецы восстав,
Пошли в атаку.
То не миф,
а силою небес —
Русский человек
ломает грани
С божьей правотой наперевес,
Коль не газом,
Так враньем отравлен...

* * *

Кто же я? Кто же я? Кто я?
Считайте, что конь в пальто...
Врубаю четвертую скорость,
Если она — за сто.
В запале, в азарте, в задоре
И светлой густой тишине —
Всюду: мэмэнто мори*,
Как море звучит во мне...

* * *

Что в сердце западет,
То в нем останется —
Сольется с ним,
Как птичий свист в ночи
С мерцаньем звезд
Над бедным полустанком...
Со всем до смерти
Близким и ничьим...

* * *

Вот те
вранью наводят макияж,
А эти из себя
поэтов корчат.
Нахально всюду прет
пиар-монтаж
Рационально-конформистских строчек.
Душе постыл
словесный камуфляж
По части лживой
толерантной спеси.
И худо ей
без честности и чести.

* Лат. Meme'nto mo'ri — помни о смерти.

Душа хрипит,
но это нынче — блажь...

* * *

С детства мила мне
Картина Перова.
Пристальный взгляд
Старика-рыболова.
Снасти расставлены.
Замерший дед.
Что-то усек он
На тихой воде...

* * *

Мы ничего не говорим,
Когда судьба трубит тревогу.
Развеет ветер черный дым
И пыль осядет на дорогу...

* * *

Все можно оспорить.
Приврать, перевернуть.
Героя унижить
И сволочь поднять.
Все можно, все можно.
Во все времена,
Коль правда в почете
И правда... смешна...

УЧЕНИЯ — 1968 ГОД

Армейский привал невелик.
Средь поля затихли моторы.
Вокруг все красно от гвоздик
В июльских
тамбовских просторах.
А мне-то
всего двадцать лет
И брат я
тамбовскому волку.
Дышу, расстегнув гимнастерку,
Цветами отцовских побед.

* * *

*К картине Алексея Саврасова
«Грачи прилетели»*

Зацерковная даль.
Заревые лучи.
Мне оттуда

О чем-то горланят грачи.
Я гляжу —
И души оторвать не могу
От разбросанных веток
На талом снегу...

СОН

Кто в него давний сон этот втюрил,
Где не молод уже, но не стар.
Не приняв даже мизерной рюмки,
Брал он волей своей тротуар.
Где утратив здоровую зрячесть,
Спотыкался на брезжащий свет
Для бесславья и славы растрачен
Божьей милостью русский поэт...

* * *

Счастлив щедростью
Божьего дара,
Ловишь в руки
искрящийся снег,
Чтоб когда-то,
как лайнер с радара
Вмиг исчезнуть
навек для всех...

* * *

Вечерний колокольный звон
Внимает дремлющий затон
Одетый в розовый хитон
Заката над лесной горою.
И ничего, и никого
Здесь кроме звона одного
По предкам края моего
И неизвестному герою...

* * *

Дорогу отогрел апрель.
Она, очнувшись в каждой льдинке,
Была, как сумрачный туннель,
Вглубь уходящий до развилки.
Там лес во власти вешних дум
Темнел под вечер притаенно.
И шел по кронам светлый шум...

* * *

Не знал я
отца-исповедника

Пред кем бы
покаяться рад
За споры,
где крик и истерика,
За браки,
где злоба и мат.
За то,
что терял и терялся
В житейском
проклятом дыму.
За все
сквозь чего продирался
Всю жизнь я
к себе самому...

* * *

В миг, когда стою у края
Поля, улицы, горы
Словно явь вдали другая —
Незнакомые миры.
Будто там другие люди,
Пыль и камни, и вода.
Будто там — цветные будни
И цветные города.

* * *

Когда тщеславьем иль корыстью
Порой бываешь искушен ты.
В тебе тотчас раскрепостится
Адама грешная душонка.
Ты с ней до смерти будешь вместе,
Ты б с ней погиб
в бесчестье многом,
Когда б
не чтило кодекс чести
Нутро,
дарованное Богом.

ЗОВ

Тьма спустилась и блеет овца
Из глубин в мрак ушедшего луга.
Словно жалобный зов без лица,
Призывающий брата иль друга.
Этот голос тревожный зовет
Обреченно над ширью сухою.
Будто знает — никто не придет
Сквозь ночное, глухое, чужое...

* * *

Ни друг,
Ни подруга
Ни органы внутренних дел
Тебе не помогут,
Коль нечисть
Творит беспредел.
Коль адовы тучи
Идут на небесную высь.
Но светится Вера,
Но светится Вера Христова —
Молись...

* * *

И мегаполис, и деревня —
Мне все одно.
С каких-то пор
Живут, как мир заботой древней,
И офис, и крестьянский двор.
Живут, чтоб жить.
Живут, чтоб выжить.
Среди ловчил, проныр и выжиг —
Ни прогореть, ни прогадать.
И грустно это понимать.
Когда-то ехали в столицу
С рекомендацией и без,
Чтоб то вздохнуть,
 тем просветиться,
Что не дадут
 ни луг, ни лес,
Ни пруд, ни сельская дорога.
А разговор простой и строгий,
Где много смысла, мало слов
И мудрый взгляд из-под очков.
Культуры соль. Где эти люди?
Затмил их рыночный бедлам —
Разбой, реклама, курс валюты
С базарным шиком пополам...

ОМУТЫ

(шуточное)

Омут страсти —
 муки, хлопоты.
Стали белыми виски.
И дороже стали омуты —
Где лещи и судаки.

* * *

Старею, старею —
Все меньше родни.
Где были десятки,
Теперь единицы.
Верни же мне память
Заветные дни —
Такие далекие —
Близкие лица.
Верни мне из детства
Сияющий шквал
Счастливых минут
Мной утраченной были.
Вот дядя Митяй —
С ним я книги читал.
Вот дядя Андрей —
С ним лещей мы ловили.
Без точки опоры
Не выйти вперед.
Не стать ни умней,
Ни сильнее,
Ни добрее.
Все будет по делу,
Коль в детстве везет
На дядей митяев,
На дядей андреев.

* * *

Они как будто бы эскизы —
То к радости, а то к суду —
Какие-то моменты жизни,
Объединенные в судьбу.
Они блестят, шумят и дышат
Из ясных дней, из мглы ночной,
Где я унижен
иль возвышен,
Но честен пред самим собой.

* * *

Не надо объяснять стихи поэта —
К чему филологический расклад,
Коль нету им сердечного ответа
В твоей душе — впадал и не впадал.
Ни Данте, ни Шекспир,
Ни Пушкин, ни Есенин
Не изменили мир.
И в силе — зло и кровь.
Но в строчках дождь идет
Осенний иль весенний —
И в этих струях — боль
И радость и любовь...

Валерий Демидов
(г. Тула)

PERSONALIA



Родился 17 мая 1948 года в г. Болохово Тульской обл. Окончил историко-филологический факультет ТГПИ им. Л. Н. Толстого. Трудился рабочим, преподавал. Более 10 лет работал в ряде газет Тульской области. Член Союза журналистов СССР. Печатается в журналах и альманахах. Автор двух книг и альбома с песнями на свои стихи.

БАЯНИСТ

Он по клавишам черно-белым
Сверху вниз пробежал рукой,
Да меха развел между делом,
Чтобы песня лилась рекой.

Будто в танце мелькают пальцы
И нога отбивает такт.
Коль попросят — сыграет вальсы
Пожилой баянист-мастак.

А баян в перламутре — тульский,
Да душа казюкам сродни.
Нет мелодий плохих и тусклых —
Задумчивые все они.

То аккордов широкая поступь,
То стаккато пчелиный рой,—
Нет играть хорошо — непросто,
Даже трудно бывает порой.

Баяниста улыбка красит,
Но, бывает, закусит губу —
И тогда уже кончен праздник,
Коль рассказывает про судьбу.

Музыканта приятно слушать,
На него и смотреть легко,
Он умеет затронуть души
Или их зажечь юморком.

Он — магистр минорных распевов,
Вариаций мажорных спец.
Баянист, видно, знает дело —
Он и пьяница, и купец,

И влюбленный, и скромный парень,
И гуляка — только держись!
Он с баяном в красивой паре
Нам дарует музыку-жизнь...

Вспоминаю, как в детстве далеком
Постигал красоту бытия
На своих музыкальных уроках
Еще нравственно чистый я...

БОЛЬ

Я знаю боль. Она во мне так часто
сжимает сердце, напрягает плоть,
что, кажется, умру я без причастья,
не в силах эту боль перебороть.

Она вонзает в душу свое жало,
и струны-нервы стонут и кричат...
Но боль не знает, что такое жалость,
и мне напоминает палача.

В такие дни обычно снится детство,
где я бегу тропинкою к реке, —
но мне от боли никуда не деться,
войдя в нее, как самолет в пике.

Мне боль напоминает, что я смертен,
что краток жизни неизвестный путь,
и я уже устал идти, поверьте,
и хочется в покое отдохнуть.

Но всякий раз, когда со мной такое,
когда душа и плоть мои скорбят,
я вспоминаю, Боже, о покое,
который истекает от Тебя.

И боль уходит, заживают раны,
и в этих испытаниях судьбы
я понимаю, что еще мне рано
сходить с дороги веры и борьбы.

БОЛЬШОЙ ДОМ

Он — как корабль, по улице плывущий,
а девять этажей — девятый вал,
и всякий, в этом здании живущий,
едва своих соседей узнавал.

Пожалуй, разместится в нем деревня
дворов на двести — больше не войдет,
да только ни юнец, ни старец древний
жить в этот улей вряд ли и пойдет.

Здесь все удобства, туалет и ванна.
На лифте вниз — и вот он, магазин.
Встать не надо с мягкого дивана,
чтобы нести в закуту груз корзин.

А вид с балкона — люди и машины,
кругом дома, дороги и ларьки...
Нет, этот город с обликом мышиным —
совсем не то, что видят моряки.

Сплошь суета. А стрессы и проблемы?
То нет воды, то вновь сломался лифт,
то раздражают городские темы,
то нитевидный в раковине слив...

Зачем же жизнь нас собирает в стаи?
И почему в нас больше плоть жива?
В больших домах мы как-то мельче стали
и научились лучше выживать.

И вряд ли кто покинет дом и город,
где паутина всяческих услуг.
Но без земли мы ощущаем голод,
становимся ордой цивилирных слуг.

В своих квартирах, будто бы в вольерах,
мы продолжаем жизни роль играть...
Здесь, в душном доме, я, седой Валера,
готовлюсь потихоньку умирать.

В ТУЛЬСКОМ ПАРКЕ

Осенний парк — поэзия природы.
Здесь злато листьев щедро правит бал.
Я словно бы присутствую при родах
Прекрасного, что дарит мне судьба.

Шуршит листва, щебечут мило птицы,
Укрыли солнце тучи-корабли,

И хочется на травы опуститься,
Чтоб силы взять у матушки-земли.

Бегут по веткам белки-озорницы,
В скворечне что-то делят воробьи...
Душа зовет природе поклониться
И сбросить, как листву, грехи свои.

Я в «бабье лето» снова молодею,
И кажется, что осень — это шаг
К той вечности, в которой не седеют,
Где во Христе спасается душа.

ДУША

Душа — не маятник часов,
Ей не присуща соразмерность,
То вспыхнет от горячих слов,
То потеряет свою верность.

Она бывает то нежна,
То растревожена слезами,
И вечно в поисках она
Того, что не познать глазами.

Душа всегда полна забот,
И, недовольная собою,
Бросает за житейский борт
Все неприятности и боли.

Но вновь грехом окружена,
Опять душа смиренья просит,
И покаяния волна
Ее сомнения уносит.

Она незримо рвется ввысь,
Ей мало места в плотском теле,
И вот уже иная мысль
Ее земную сущность делит...

Две ипостаси у Христа —
Божественная и человеческая.
Вот и душа стремится стать
Достойной для ухода в вечность.

ЛЕВАЯ НОГА

*(Посвящается Владимиру Тарунтаеву,
Художнику-инвалиду)*

Гомер писал стихи, но был слепой.
Глухой Бетховен дал нам чудо-звуки.

А в наши дни кисть левою ногой
художник держит — непослушны руки.

Диагноз — ДЦП. Он инвалид.
Но, милый мой Володя Тарунтаев,
хотя изломанное тело и болит,
а сила жить твоя — почти святая!

Как много тех, кто пребывает в дреме,
хотя здоровы и устроен быт.
«Второй Левша», — считает Федор Демин,
на костылях идя по полю битв.

Один — туляк, другой живет в Крапивне.
Обоих мучит тягостный недуг.
Но как полны полотна смыслом дивным,
как высоко парит их сильный дух!..

Мне нравятся картины, где Володя
беременность нагую показал:
от женщин будто истина исходит
и нежностью заполнены глаза.

Вот холст с природой — местом вдохновенья.
Деревня, где убогие дома...
Мазки, штрихи — все требует терпенья,
а рядом смотрит любящая мать.

Потом нога устало на пол ляжет —
больные руки продолжают пляс...
Твой труд, Володя, нужен нам и важен —
он радует и исцеляет нас.

Не зря зовут Россию — Русь святая.
Ей даровал Господь небесный Дух.
Гомер. Бетховен. Демин. Тарунтаев...
В их душах все — и зрение, и слух.

МАМЫ НЕ УМИРАЮТ

Не умирают наши мамы —
Они лишь покидают дом
И воспаряют в Божьи храмы,
И снятся по ночам потом.

Они берут с собой печали
Земных болезней и тревог,
И смерть их будто бы венчает
Пути, которыми вел Бог.

Они теперь для нас — как звезды,
И светит каждая с небес
В дома, где ими свиты гнезда
Любви к другим, а не к себе.

Не умирают наши мамы —
Они всегда живут в сердцах,
Но материнской ласки мало
Нам от рожденья до конца.

И если кто-то скажет грустно:
«Нет мамы. Мама умерла...», —
Он верит лишь обрядам русским
И яме той, что мать взяла.

Но есть невидимые нити,
Есть тайный мир духовных чакр,
Где грубый мир земных событий
Господь бросает в Свой очаг.

Кому в огне гореть — не знаю,
Кому в аду сходить с ума
Иль очищать себя признаньем, —
Но там не будет наших мам.

И с Богородицей Пречистой
Они пойдут в небесный рай,
И скажет свет их глаз лучистых,
Что не дано им умирать.



Ольга Борисова
(г. Самара)

PERSONALIA



Поэтесса, переводчица поэзии с болгарского, французского, финского и английского языков. Член союза профессиональных литераторов России, член Российского союза писателей, специальный корреспондент. Автор двух книг «Как мимолетен день» и «Отражение». Победитель и призер международных поэтических конкурсов. Есть публикации в российских и зарубежных журналах.

НАПУТСТВИЕ

«Возьми свой посох и иди!..»

М. Волошин, «Пустыня»

Все пропусти через сознание
И за мечтой своей иди!
Открытий много впереди.
Внимай! И через созерцанье
В простом — великое найди.
Как много нам дала природа!
Устроен мудро дольний мир:
Под полусферой небосвода
Сплетают звезды хороводы
И сеют бледный свет в эфир.
В нем — ты и я, и все живое:
И радость с грустью, и тоской,
И все — за день пережитое,
И волшебство в нем вековое,
И удивительный покой.
А завтра множество открытий
Тебе подарит новый день.
Богатый чередой событий,
Они запутаны, как нити,
И на пути встает их тень...
Ты посох взял, ну что ж — иди!

КИММЕРИЯ

«...Земля утерянных богов!»

М. Волошин «Киммерийская весна»

Святою волею хранима
Земля скалистых берегов.
Ты под крылами Серафима
Моих не чувствуешь шагов.
Затеряна в песках зыбучих,
На берегах шальных морей.
А над тобою реют тучи,
Армады грозных кораблей.
Они плывут по глади синей,
Расправив гордо паруса,
Покружат над морской пустыней
И вновь умчатся в небеса.
Каких богов, земля святая,
Ты на груди хранишь следы?
И кто, с небес на нас взирая,
С укором смотрит с высоты?
В прогулках к морю ежедневных —
Немолчных волн я слышу стон.
И вижу лики в водах пенных,
И розы каменный бутон.

ВРЕМЯ

«Вы слышите, как бежит время?»

Бек Фархад «Нарисованное сердце»

Вяжет время нити буден
Стрелки счет ведут годам...
Бьют удары, словно в бубен,
Днем и ночью: там... там... там...

Час... Минута... Время вечно.
И не властны мы над ним...
И когда-то в бесконечность,
Словно птицы, улетим.

* * *

Плещется солнце — оранжевый шар,
В море бока оmyвает.
Сеет мерцанье сквозь дымку стожар,
Тускло закат догорает.

Все это было... И будет не раз...
Канем и мы в воды Леты...
Может, нашепчут нам звезды сейчас
Скрытые небом секреты ...

ЛЕС В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ...

Лес в ожидании весны
Стоит прозрачный, молчаливый,
Лишь ветер стонет сиротливый
Средь пустоты и тишины.

И талою струей вода
Сбегает весело с пригорка,
И пролетает ворон зоркий,
Спеша неведомо куда.

Бреду извилистой тропой:
Струится свет сквозь ветви бледный,
И снега островок последний
Лежит в ложине голубой.

Еще природы грустен вид,
Еще деревья дремлют сладко,
А с небосклона луч украдкой
Верхушки сосен золотит.

БРЕДУ ПО МОКРОЙ МОСТОВОЙ...

«Я быть устал среди людей...»

М. Волошин

Бреду по мокрой мостовой.
Как неприветлив тусклый город!
Усталый, серый, чуть живой.
Его пронзает дождь и холод.

Считаюсь я среди людей,
Промокшая, для всех — чужая...
Среди примолкших площадей
Свой путь несмело продолжаю.

И что ищу? Что нужно мне?
Куда иду сквозь дождь упрямо?
Блеснувший лучик в вышине
Мне показал дорогу... К храму!

СУДЬБА

*«...Два солнца стынут, — о Господи, пощади! —
Одно — на небе, другое — в моей груди».*

Марина Цветаева

Путями трудными по жизни
Судьба вела меня вперед.
Печальным дням шел свой черед,

И мне казалось, что я лишний
На бренной суетной земле
И пепел на ее челе.

И скоро пепел тот смахнут,
И в мире будет все, как прежде...
Меня же, в нищенской одежде,
Введут к Всевышнему на суд.
Судья верховный будет строг
И подведет делам итог.

Склонюсь пред ним, потупив взгляд.
Отвечу что-то в оправданье,
Пролепечу о сострадании,
Быть может, нищенку простят?
Горело солнце ведь в груди!
И согревало всех в пути...

МОЛИТВА

*«Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь»*

Ф. Сологуб

Земля моя, святая Русь!
Люблю твои поля, просторы.
И золоченые соборы,
В которых истово молюсь.
Пусть Русь живет во все века!
Прошу тебя всечасно, Боже.
Нет для меня страны дороже,
Моя любовь к ней велика.
Пусть держит гордо щит и меч.
Не дай ей быть рабой в неволе,
А венценосной на престоле,
Чтоб в ней все русское сберечь!

ПИСЬМО

Март, 12, Лиозно, 1943 год.*

Папулечка! С немецкой я неволи
пишу письмо. Вложу его в конверт.
Запрячу в печке весточку о доле...
Тебе прощальный, папенька, привет!
Пятнадцать мне исполнилось сегодня.
А сколько натерпелась бед в плену!
Но даже в этой мрачной преисподней
былое вспоминаю до минут...

* Лиозно — это городок в Витебской области, в Белоруссии. Материал взят из документальной книги
«Говорят погибшие герои».

Как весело встречали дни рожденья,
Как пели мы с тобою в унисон.
Читала наизусть стихотворенья,
а гости танцевали вальс-бостон...

Ну, а сейчас я на скелет похожа.
На шее номер, платье в лоскутах.
Спина в рубцах. Обветренная кожа.
И кровь спеклась на тоненьких устах.
Рабынею у Шерлона-барона.
Работаю из сил последних я.
А ем с корыта с Розою и Ноной:
«Русс был и будет грязная свинья!»
И убегала много раз из плена,
но дворник возвращал меня опять.
За наказаньем — голод шел на смену.
Теперь мне больше нечего терять...
А маму не ищи — убили звери,
когда узнать пытались о тебе.
Хлестали по лицу, словам не веря,
И застрелили в нашей же избе.

Сегодня сообщили весть плохую,
Что увезут в Германию меня.
Не вынести мне долюшку лихую!
Не встретить мне и завтрашнего дня.
Не стану прозябать я на чужбине —
Уж лучше смерть в родимой стороне...
Прощай, мой добрый папенька! — Отныне,
Громи фашистов, помня обо мне!

Я верю, что отыщется конверт,
Когда-нибудь прочтешь ты мой привет...

«Дорогой, добрый папенька! Пишу я тебе письмо из немецкой неволи. Когда ты, папенька, будешь читать это письмо, меня в живых не будет. И моя просьба к тебе, отец: покарай немецких кровопийц. Это завещание твоей умирающей дочери...» Письмо, написанное Катей Сусаниной отцу, было найдено в 1944 году, при разборе разрушенной печки, в одном из домов города Лиозно. Отданная в рабство немецкому помещику, доведенная до отчаяния, в день своего пятнадцатилетия, девочка решила покончить с жизнью.

На конверте детским почерком было крупно написано: «Дорогие дяденьки или тетеньки, кто найдет это спрятанное от немцев письмо, умоляю вас, опустите сразу в почтовый ящик. Мой труп уже будет висеть на веревке». Номер полевой почты на конверте устарел, и письмо опубликовали в газете «Комсомольская правда» 27 мая 1944 года.



Николай Макаров
(г. Тула)

ПАРОДИЙНЫЕ СТИХОСПЛЕТЕНИЯ



*Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова*

Ржавел закат, ржавели ружья,
Не ржали жеребцы в ржанных хлебах,
Простужен Ржевский и контужен...
Но не ржавеет молодость в сердцах.

Пока я с низкого готов сорваться старта
И финиш стометровки разорвать,
Пока в груди моей бушуют страсти —
На Волгу-мать и начихать, и наплевать...

И все же доказала нам наука —
За что, когда и почему
Аборигены съели Кука:
Звонок из ГУКа,
И нету Кука.

Ножки Буша
Хуже,
Отдохлого осла чем уши.

Динозавры вымерли,
Мамонты — тоже...
На очереди следующий:
Кто же?

Как тыщи лет назад,
Ведь может не помочь и Арарат.

Хоть там стоит и ныне воз...
Но без груза, без оглобель, без колес!
А кто унес?

Я помолюсь.
Я не боюсь,
Когда за правду я дерусь!
И ты не трусь!
За нами — Русь!

Государство — это я!
А если без царя
Под шапкой голова твоя?

В чаше
Чаше
Пейте чай —
В чаше воздух чище.
Теще
Чашку
Чая дай —
Соловьем она засвищет.

В цирке Рыжий — хорошо,
У рубильника же — плохо.

И мы не лаптем щи хлебаем —
В сельпо галоши завезли...

Я достаю из широких штанин
И прячу в карманы пиджачные:
Теперь зачатки я — господин!
Жене же — бумаги рулончик наждачный.

Я вышел из народа весь
Чуть-чуть попить, чуть-чуть поесть.
Народ же ринулся за мной,
Сожрать готовый шар земной.

Предел голубых мечтаний:
Потомство делать почкованьем.

Мы зашпаклюем, заштрихуем, замалюем —
В гробу сойдете вы за мумию живую.

Неужели?
Неужели?
Все «шедевры» Церетели
Утонули и сгорели?

Недолго музыка играла —
«Фанеры» очередь настала.

О, времена! О, нравы!
Подать уж некому отравы...

Земли пуп —
И туп,
И глуп...
Но — пуп!

Хотел попасть я на Парнас —
Пропал Пегас...
И Муза задурила —
С соседом изменила.
И при том, и при этом —
Как же трудно быть поэтом.

Беспечен
Настанет вечер
И наше Вече
Решит, что человеке —
Не вечен,
И по плечи
Короче сделает его при свечах.

И пень
Навел бы тень
На этот долбанный плетень,
Но лень...

А мир без песен
Тесен,
Не интересен,
Мракобесен,
Бесполезен,
Пресен...
Без песен.

Не Цицерон
Попал в ООН,
А пустозвон...

У кассы? Где куем железо?
Это — деза!

Поэтом можешь ты не быть!
Про все — забыть!
Перекурить...
И вновь... бессмертное родить.

На Прокрустовом ложе
До дрожи
Все равны и все похожи:
Будь ты вельможей,
Простым прохожим,

Любого цвета кожи,
По длине — все схожи...
О, Боже!

Раздался стон
И возглас: «Вон!
Едрен-Батон!»
Шалунчик Купидон
Попал не в тот вагон.

Если ты сходил к Венере,
То в полной мере
Познаешь радость в диспансере.

У Лукоморья дуб спилю,
Вишневый сад в кострах сожгли,
Без тополей стоит Плющиха...
А Гринпис почему молчит?

Без страха рыцарь и упрека.
Но ближе рассмотрев его:
Кругом одна, одна лишь ж...
И больше нету ничего.

Я волком бы выгрыз бюрократизм,
Но зубы — давно в стакане...
А вместо жизни — сплошной онанизм,
Кто же поднимет Знамя?

Встанешь утром рано-рано.
На стене висит Ильич...
Тяжело в деревне без нагана —
В кобуру сую кирпич.

Я букву сочиню другую,
Какой нет в нашем букваре,
И песню пропою иную,
Как незабудки расцветают в январе.

Отпустите меня в Гималаи —
Я с землею сравню их.
И в других я местах побываю —
Есть «подарки» не хуже для них.

Стая напильников мимо промчалась —
Им надоело в Москве куковать,
А над Парижем фанера смеялась:
— Я покажу им их... Кузькину мать.

У каждого — «клиника»
И каждого клинит.

Но клинит каждого по-разному.
А может, изменился климат,
И «клиника» стала болезнью заразной?

Дуракам закон не писан —
Истина глаголет.
Но дурак законы пишет
И собой весьма доволен.
Мозги текли и утекали,
Асфальт под солнцем тоже тек...
На западе мозги лишь ваши ждали,
А вас самих — асфальтовый каток.

Надои, мясо, урожай
В своем хозяйстве умножай.

Не вытащить за кудри из болота
Бегемота.

Фанеры время час настал...
А люди гибнут за металл.

Силиконом груди встали —
Они из стали
Как будто стали.

Если сел ты на ужа —
Вспомни тут же про ежа.
Ведь ужи же —
Не ежи же:
У ужей колючки жиже.

В набат!
Комбат!
Как Пересвет,
России возроди рассвет...



Сергей Редков
(г. Тула)



СТИХОТВОРЕНИЯ

Редков Сергей Александрович родился в Туле в 1978 году. В 2005 окончил Московский Государственный Университет Культуры и Искусств (МГУКИ). Литературным творчеством увлекся в 2009 году. С 2010 года участник музейно-литературного объединения «Муза». Стихи и проза автора были напечатаны в газете «Тульский литератор», в журналах «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Студенческий меридиан» (Москва), в альманахах «Иван-озеро», «Порог-АК» (Украина), «Литературная Тула», «День Тульской поэзии». В 2011 году стал обладателем гран-при конкурса «Мой Пушкин». Является автором нескольких поэтических сборников.

Вдалеке, заплетаясь косою,
Серебрится под небом река.
И звенит на травинке росой
Ветерок, загулявший слегка.

Он срывает с долин одеяло,
Разгоняя пушистый туман.
И заря, что над миром сияет,
Прячет звезды в небесный карман.

Над широким невспаханном полем
Разгорается алый восток.
Забывается грусть поневоле,
Разливается в сердце восторг.

Всей душою люблю это поле!
Но достоин ответа лишь тот,
Кто, собрав свои силы и волю,
Поутру его сеять идет.

Кто без этих равнин бирюзовых
Ни минуты не сможет прожить.
Ведь любовь к нашим пашням и селам
Еще надо, мой друг, заслужить.

ВИШНЯ

Играет солнце в кроне пышной,
Роса похожа на слезу:
В моем саду созрела вишня —
Срываю и кладу на зуб.

«Кисла, как Русь, — пишу в тетрадке, —
Но витаминов — ряд сплошной...»
Я так привык к бананам сладким,
Что позабыл про вкус родной,

Что стал необъяснимо падким
На всякий иноземный плод.
«Сладка, как Русь, — пишу в тетрадке, —
Хоть иногда и вяжет рот...»

ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ

С самых ранних, самых нежных лет
Полюбился мне зеленый цвет.

Помню, я в кровати, года два,
А в окне — зеленая листва.
Чуть подрос, и вижу — чудеса! —
Надо мною, зонтиком, леса.
Время шло, и мне почти что пять.
Вышел за деревню погулять.
Разбегаюсь, пятками пыли,
А вокруг — зеленые поля!

И тогда я понял: «Нет милей
Зеленеющей земли моей».

* * *

С высоты седьмого этажа
виден город,
пыльный горизонт...

Выходной,
и я хочу сбежать.
Взять воды,
на всякий случай, зонт,
и — в поля!

Как в детстве, утонуть
в глубине ромашковых морей.
А под вечер на траве уснуть
на манер индейцев и зверей.

И прийти домой, когда темно.
И подумать тихо про себя:
«Боже!
Как приятно и умно
для людей
 устроена
 Земля».

РОДНОЕ СОЛНЦЕ

Солнце над Лондоном,
 Бергеном,
 Краковом
Светит и греет
 почти одинаково —
День возвещает
 небесным гонцом.
Я же люблю,
 угощением лакомым,
Снегом сверкающий вечером маковым,
Солнечный свет
 над родимым крыльцом.

Если судьба приготовит нелегкие
Дни испытаний,
 дороги далекие —
Встречу я все
 со спокойным лицом.
Лишь бы,
 как прежде,
 лучами широкими,
Мне улыбался в часы одинокие
Солнечный свет
 над любимым крыльцом.



МОЛОДЫЕ КОСТРОМСКИЕ ПОЭТЫ

Екатерина Каргопольцева
(г. Кострома)



Имеет множество публикаций в газетах, альманахах и журналах. Выступала в Московском Доме литераторов (2011 г.); на Костромской областной писательской конференции, посвященной 50-летию Костромской писательской организации (филармония, 2011 г.).

СЛАВЯНСК

От безверия до Веры
В испытаньях путь не близок...
Божья птица,
голубь сизый!
Здесь огонь и запах серы.

На душе скорбящей сыро.
Расскажи мне, ввысь взлетая,
Где отбившийся от стаи
Белый голубь — голубь Мира?

* * *

Скорбь гнетущую не пряча,
Всем громам бессчетным вторя,
Безутешным долгим плачем
Над землей летело Горе.

(5 февраля 2015 года, из цикла «Малороссия»)

Дойдя в молчании
до края,
до предела!
Сорваться в крик
безудержный готово
Во всеуслышанье —
чернилами на белом —
Мое еще
несказанное слово.

* * *

И ей не слышен эхом всуе
 Ни материнский плач,
 ни вдовий —
 Она идет, как зверь, почуяв
 Холодный страх и запах крови.

* * *

Только я гневливый взгляд и злой прищур,
Помолясь,
тебе, конечно же, прошу.

* * *

Испытаний принять, забыв,
О случайности праздных дел,
О молчании без молитв...
Правый Господи,
я там, где
Не боятся ни слов, ни битв!

(21 августа 2014 года, из цикла «Малороссия»)

* * *

А сердце выскочить готово!
Но трудно вслух произнести
Одно лишь слово, просто слово —
Обыкновенное «прости».

ЛУНА

Она вошла в уснувший дом
Под крик усталой птицы,
Скользнув бесформенным пятном
По темным половицам;
Заполнив разом пустоту,
Смешала блики, тени,
Часы, минуты, суету
Дробящихся мгновений...
Коснулась рук моих лучом
И в памяти постылой
Накрыла белым полотном
Все то,
что было...

ДАЧНОЕ

Свой порядок наводя,
Третий день на даче
Постоянного дождя
Реки, не иначе!

Облаков молочный цвет,
Как позавчерашний, —
И поры удачей нет
Для хлопот домашних...

Но в уютной суете
Беготни и смеха
Все дела в руках не те —
Шутки да потеха.

И, забывшись, мы опять
Будем вечер длинный
В разговорах коротать
У окна в каминной...

А. Ахматовой

Я давно про это знаю.
И поверь мне, мальчик странный,
Что любовь моя без края
Для тебя была обманной.

Над толпою изредка взлетая,
В тесноте гудящего Арбата
Голубей разбросанные стаи,
Словно войско ангелов крылатых.

Все слилось в едином долгом звуке,
Не видать сему конца и края:
Здесь поют о боли и разлуке,
Там же песня слышится другая.

* * *

Но любовь твоя — сон дурманящий,
Не отрада, а тяжкий груз;
Как терновника сладко вяжущий —
До оскомины —
терпкий вкус!

Рисуешь с нежностью и ласкою
В ночи,
при свете дня

Давно любимой дивной сказкою
Далекую меня.

Но ты узнаешь при сближении,
Развевя колдовство,
Что я — твоё воображение,
Не более того...

* * *

Ненарушаемый покой...
В условной замкнутости круга
Парящий голубь над землей
Легко и плавно чертит угол.

На тусклом небе — пелена,
И вскоре день следы побега,
Как вор, безмолвно в чарах сна
Засыплет ровным слоем снега.

И оттого, что вечер тих,
Нам в свете лампы ближе к ночи
Вдруг станет ясно: на двоих
Часы, действительно, короче...



Ирина Манина
(Костромская область)



Живет в городе Шарья Костромской области. Работает корреспондентом в районной газете «Ветлужский край». С 2010 года является членом Союза журналистов России, пишет стихи и рассказы. Является куратором костромского регионального литературного объединения «Голос».

Публиковалась в стихотворных сборниках «Разнотравье» (п. Поназырево, 2008), «По зову слова» (г. Шарья, 2009). Стихи публиковались в литературных альманахах и журналах «Невский альманах», «Литературный МИКС», «Вокзал», в сборнике «Зеленая среда» (г. Санкт-Петербург), «Журнал Поэтов», «Интеллигент. Москва» (Москва, 2013), «Губернский дом», «Параграф» (Кострома, 2013), «Южная звезда» (Ставрополь, 2014), «Наше поколение» (Кишинев, 2014), «Бийский вестник» (Бийск, 2015). Автор стихотворных сборников «Свет на потолке» (2014), «Перевод времени» (2015).

* * *

Дышать стихами — не иначе —
Сквозь респиратор медных труб,
Под крышей одинокой дачи,
Где в соснах ветер зол и груб.

Шуршать листьями барахолки,
Страниц раздернуть бытие,
Где вровень лошадиной холке
Кишит пегасов воронье.

Распуганы движеньем ночи.
Свет соберет из запчастей
Витиеватый стих досрочно,
На клей посадит блик «ничей».

* * *

Мне ходить бы по городу с бубном,
На чужую гадать судьбу,
Только, видишь ли, в месте людном
Я и слова сказать не могу...

Только слова в ответ будет мало,
Будет темным мой искоса взгляд,
Не открою того, что сбывалось —
То бывало, увы, и без нас.

Стоп! Осечка, промашка, ошибка,
А без рифмы — уже не стихи.
Вновь тасую колоду с улыбкой,
Узнавать крап судьбы — не с руки.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

Стихи, оказалось, всегда только тень,
Набросок предмета на жизни основу,
Проекция лампы на сумрачный день,
Рентгеновский снимок смертельно больного.

Увертки создателей тщетно понять
Стихи почитающих стадо Панурга.
Погаснет «волшебный фонарь», и как знать,
Во что обратится мечта демиурга.

* * *

И манит шоколада горький запах,
Срезая нетерпенья лепестки.
Прогорклой плесенью на мягких лапах
В мой дом вошло предчувствие тоски,
Оставленной в разбитой кружке свечкой,
Расколотым почтовым сургучом,
В сухих бутонах, обращенной в вечность
Улыбкой легкой: «Ты здесь ни при чем...»

* * *

Лес и глушь, а дыхание — инеем.
Грузовик снежным мехом обшит.
Пролетаем — каемкою синее
Над дорогой деревни магнит.

Серый ветер шальным автостопщиком
По обочине пламя пронес,
От бликующих фарами гонщиков
До фланелевой россыпи звезд.

ПАСХА 2013 ГОДА В ПОНАЗЫРЕВО

Тишину прорезал колокольный звон.
От рождения глухонемой поселок
На мгновенье встал — не громом поражен,
Тусклым блеском неба меж склоненных елок.

Разбудивший стаю перелетных птиц
Скоро звон затих, вернувшись в колокольню.
Только кружат звуки в отраженьях лиц
И надежда спорит с давней кровной болью.

ПАМЯТИ А. БАЛАБАНОВА

Небо бесстрастно молчит, как правило, —
Сверху обзор, конечно, не тот, —
Лишь бы от страха земли избавил нас
Колокольного звона извод...

«ТЫЛОВИКАМ», ЖИТЕЛЯМ КОСТРОМСКОЙ ГЛУБИНКИ

Клином сошлось все на свете:
Люди, война, журавли.
Словно в далеком столетье —
Матушке — «Благослови!
Дважды, крестом укрывая,
Руку свою подними...»
Крепче щита не бывает
Поля обритой стерни.

* * *

Круг в пятницу пошел искать свое начало,
От яблока луны кусочек отхватил.
Из памяти твоей мгновение сбежало
И распустилось веткой каменных перил.

Под лисьей шапкой всадник, старым малахаем,
На Божий свет хитро сощурил зоркий глаз.
Москву ордынцы, жадно данью обирая,
Не заглушили колоколен звонкий глас.

Простор веков — замоскворецкие названия.
Их метки в душах, в коренастой кладке стен.
И от себя по капле годы отрывая,
Не растворишься в будущей Москве совсем.

* * *

Средневековьем осененный Львов
Свой крест хранит в переплетенье улиц.
Навечно меж вершинами холмов
Их пары рук в объятиях сомкнулись.

Еврейским выговором канет в ночь
Последний звон колоколов собора,
Чтоб страшный сон июня превозмочь
Червленной силой общего отпора.

Колючих улиц манят тупики,
Балконы расцарапают в кровь взгляды.
Жонглеру и поэту лишь с руки
Проникнуть через времени ограды.

Врасплох захвачена, как будто вор,
В карманы пряча ожерельем виды...
«Ты пропустила княжий двор»,—
Славянский витязь скажет без обиды.

«Я свой маршрут не знаю наперед...» —
Признаюсь на духу... на грани фола.
Он на мои сомнения тряхнет
Кирпично-красной гривой костела.

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Брызгами снега город кропило —
В озере Неро солнце купало волосы.
Серое-серое небо было,
А по воде текли золотые полосы,
Словно стежков, — одеяло шило,
Лучи собирая на башни-игольницы.
На плечи храма небо ложилось
И замирало тихо над сердцем звонницы.

* * *

Сладко, как в патоке вязкой, —
Запросто ручкой водить.
Гладкую, злую и грязную
Правду рукой говорить.
Лист белизны, непорочности
Мять и бросать в музовоз.
Там, где бумага, до точности,
Как до сияющих звезд.
Ластится ластик, чернила же,
Словно словесная желчь,
Как бы от стихоброжения
Разум мне свой уберечь...
Верно, а может, умышленно
Вслед за пилюлей, водой,
Мысли, как будто бы искренне,—
«Грех сочинять — небольшой».

* * *

Когда все сказано — стихами.
Когда все сказано — за вас,
Порой, склонившись головами,
В минуту проживаем час
Над книжной строчкой, тонкой, мудрой,

Раскрытой, словно невский мост,
Чтоб пропустить чужое судно
Судьбы, волнующей до слез.

* * *

Простите милые мои, мне тесен мир,
И потолки давно скребут макушку.
Очарованье потерялось в смысле игр,
Покой восторженной души наруша.
Уж не забраться с головой в пушистый плед,
Вдыхая кофе, вдохновеньем манкий.
Все тише звон разочарованных монет,
Что в кошельке на поясе цыганки.

* * *

Кроет вечер остатки свободы
Тихим шелестом телестроки —
В обезличенном теле природы
Обеззвученность давней тоски.

Без разбега, но взятая вечность.
Целлофан колпаком — не дыши!
Чувствуй, жди... Кружевная беспечность,
Словно сито, для бедной души.

Оставляет в ладонях алмазы:
Яркой жизни черта — не чета
Просто чуду, привычному глазу...
Не в кавычках сияет звезда.



Мария Краева
(г. Кострома)



Мария Владимировна Краева родилась в п. Вохма Костромской области в 1986 году. После окончания Вохомской средней школы поступила в Санкт-Петербургский педагогический колледж. Затем окончила факультет технологии и предпринимательства Санкт-Петербургского университета им. Герцена. Вернулась на родину и стала работать в районной библиотеке им. Л. Н. Попова. В 2014 году стала членом литературного объединения «Голос».

Я часто думаю: зачем?
Ведь все равно никто не слышит,
Когда, притихшая пред всем,
Душа стихи для сердца пишет.

Когда надежда у нее
Одна, как редкая награда —
Всем тем, кто выслушал ее,
Она навеки стала рада.

И если не нашлось души,
Такой же глубины, как эта,
Ты ни строкой не погреси,
Перо, творящее поэта.

* * *

А можно жить и знать, что где-то родина
Распахивает ставни по утрам,
Как сбрасывает сонная смородина,
Прозрачную росу к ее ногам.

Как ласково калитка открывается,
Чуть тронутая ситцевым плечом,
И просто понимать, что все решается,
На папиной скамейке под окном.

И нужно жить, коль верим, что изменится
Хоть что-нибудь на Родине большой,
Но маленькая родина, где верится,
На веки оставалась бы такой.

* * *

А людям черное и белое к лицу
Идет, пожалуй, всем без исключения,
И тонкости такого совпадения
Покажутся пустыми мудрецу.

Но черное охотней выбирают
Едва ли из желания форсить,
Скорее оттого, что понимают,
Как светлое непросто сохранить.

СЧАСТЬЕ

Скиталось Счастье по земле,
Ища себе приюта.
Людьми ценилось не везде
И поздно почему-то.
Бывало, сядет на плечо —
Никто и не заметит,
То вдруг обнимет горячо
И всю дорогу светит.
Любило Счастье поутру
Заре добавить красок,
Любило вечера пору
Без лживости и масок.
Так и гуляло бы оно,
Ища, кому сгодиться,
Да вот несчастье помогло —
В колодец провалиться...
Горели звезды по ночам
Над головой у Счастья
Искали все его не там,
И путали со страстью.
Прознали люди меж собой,
Что Счастье где-то близко,
Что у него над головой,
Склонилось небо низко.
Тропинку начали топтать,
Кто боль, кто грусть приносит,
И Счастье стало помогать
Кто искренне попросит.
Но как-то раз дорогой той
Шел путник горемычный,
Усталый, жаждущий, босой
От прочих не отличный.
Увидел он, как глубоко
Упало Счастье в воду,
Спросил участливо его:
«Желаешь на свободу?»
И первым руку протянул,

Бесценное спасая,
Опять земле его вернул,
Награды не желая.
Ушел бедняга, скрыв беду,
А Счастье вдруг сказало:
«Он ждал всю жизнь,
что я приду»,
И следом зашагало.



Сергей Уткин
(Костромская обл.)



Родился 3.02.1987 в г. Шарья Костромской области. Там же закончил школу с серебряной медалью. Учился в Санкт-Петербурге в Балтийском государственном техническом университете «Военмех» имени Д. Ф. Устинова по специальности «ракетные транспортные системы». Образование неполное высшее. Участвовал в 10-ом Форуме молодых писателей в Липках. Получил специальный приз костромской молодежной премии «Начало» (2009 г.), приз зрительских симпатий литературно-музыкального фестиваля «Елагин остров — цветок в петлице Петербурга» (2012 г.). Финалист 3-го молодежного поэтического конкурса имени князя КР (второе место в номинации «Блистательный Петербург») (С-Пб, 2013 г.). Лауреат конкурса малой прозы «Белая скрижаль» (номинация «Хочу сказать», 2014 г.), премии «Козьма в Пустыньке» (номинация «Афоризмы», С-Пб, 2014 г.). Финалист «Илья-премии 2014» (Москва) (шорт-лист). Имеет многочисленные публикации в коллективных сборниках костромских поэтов.

Задумавшийся Сфинкс
Приник к брегам Невы.
А Вы
Пройдете мимо
Фасада, что чуть сник
К воде слегка, но зримо.
Прохожий носит мима
В лице своем. Черты
Эпохи нелюдимой
Скрываются в конце
Двора, но это ты
В имперском подлеце
Давно узнал, а здесь
Нева неотразима,
И есть
Минувшее в камнях,
Строениях и фасадах,
И мне в базарных днях
Порой совсем не надо
От улиц Петрограда
Историй, кроме той,
С музейною оградой
Вдоль камня мостовой...

* * *

Ветер листает.
В лае
Слышен прибрежный крик.
В соснах прилив
Играет
Ветра, что не отвык
В небо стучать.
Залив,

Где мы застали город,
Где запевала жизнь
Волнами в шторм, мажором
Рвалась на этажи,

Ветром морским с залива,
Грива
Гребней морских
Билась о ночь красиво.
Я на минуту стих.

Слушал, как пишет море
Волнами, словно горе,
Свой неумолчный стих...

* * *

Отступление снега. Город почти что сдан.
Командармы зимы: январь, февраль и декабрь —
Все убиты. Талой водой их ран
Умываются улицы города все, как встарь.

Но весна холодна. Сугробы, как стужи труп,
Ненароком обходит краем ее тепло.
И неловкий март еще разудал и груб
Снегом стывшей зиме назло.

* * *

От Бродского, вложенного в строку, осталась часть его речи.
От Берлиоза, трамваем урезанного, только его голова.
А мне здесь остаться да будет отныне нечем.
Слова,

Что были в начале, что были повсюду сами,
Когда-то вставая меж нами, когда средь нас.
Ты просто их повторяй немymi верстами
Устами,
Как Спас...

* * *

А я не виноват ни в пылком Солнце,
Ни в жаре лета, ни в своей стране,
Но нас казнит кухонное оконце
За это все. За то, к чему мы не

Тянули рук, не трогали, не брали.
Мы только жили подле, возле лет,
Где это Солнце, и страна, и дали,
Среди которых нас для встречных нет.

* * *

Обезболь меня музыкой! Я приму рок-н-ролл:
Джимми Хендрикс, «Аквариум», Джоплин.
И тогда в жизнь приходит тот вечный покой,
За которым все улицы воплями

Затихают, стихают, и рушатся в тишь.
И не слышно ни дня, ни ночи.
Но когда в этой музыке Ты молчишь,
Мне не очень, Господь, не очень...

* * *

Я вкладывал в утро. Я внес в него лепту.
И Клэптон
Напел рассвет
С пластинки, которой припал я к лету,
Которого в блюзе след
Остался.
Привал сей
Для лета, для Солнца, тепла
Был в этой музыке.
Я не сдался
И врал себе, что ты была...

* * *

Солнце в шторах колыхнется. Шумный шорох и шелест
Шепотком перешел, зашумел, стушевал
Всех шмелей, что засохли в том лете, как в щели
Подоконной, в которой январь бушевал.

Но зимы звон сменил самый солнечный месяц,
И сейчас так легко оступиться, смеясь,
В свет сентябрьской зари, в эти теплые веси,
За которыми сырость, и слякоть, и грязь...

* * *

Похоронку на Бога им принес комиссар.
Говорил им про опиум, Троцким ругался,
Да по Ленину жил. На алтарь самовар
Водрузив, чаепитию жирно предался.

Жрал пасхальный кулич. Гладил глотку кагор.
Красным знаменем рожь гляделась в дорогу,
По которой теперь важно шел этот вор,
Обокравший Россию на Бога.

Юлия Лысова
(г. Кострома)



Юлия Лысова родилась 22 января 1997 года в городе Шарье Костромской области. Стихи начала писать с семи лет, но серьезно занялась поэзией только в четырнадцатилетнем возрасте. С 2013 года является членом литературного объединения «Голос» (г. Кострома).

Стихи публиковались в общественно-политической газете «Ветлужский край» (г. Шарья), Международной литературно-публицистической газете «Интеллигент» (№ 3, 2013 год), на сервере современной русской поэзии «Стихи.ру».

Когда, как Данко, я, вырвав сердце,
Шагаю сквозь неуютный лес.
Со светом — к людям,
Со светом — к краю,
С любовью к миру наперевес.
Я чую, как, чтобы грудь заштопать
Мне близкие люди свивают нить.
Тогда я вижу
И знаю прочно,
Куда
Светить.

Когда Икаром, забыв запреты,
Лечу навстречу седым волнам,
Земли и неба
Не различая.
Я слышу, с свистом напополам,
Любимых голос,
Зовущий к солнцу
Как плеть,
Тогда я верю,
Я знаю точно,
Куда лететь.

Когда, утратив от жизни радость,
Немой Психеей лечу со скал,
И верно чувствую, как Зефиры —
Любимых руки

Сквозь лютый шквал
Меня хватают,
Чтоб не упала,
Чтоб не разбилась
О жизнь-гранит.
Тогда я знаю,
Я вспоминаю,
Зачем мне
Быть.

* * *

По пыльной дороге, навстречу восходу,
Брел нищий, босой и седобородый.
Изрезав о камни горячие стопы,
Он медленно шел на восток.

Опершись рукою на черную палку,
Умытый росой, в повязке из нанки,
На сбитые плечи взваливши шарманку,
Ступал на горячий песок.

Измученный жаждой и каторжным жаром,
Он стер свою спину в кровавую рану,
Но даже за все богатства Каррары
Не бросит шарманки своей.

Ему суждена эта ноша от века:
Скитаться, искать по канавам ночлега
И думать, увидев без ран человека,
«Есть ноша и тяжелей».

* * *

Когда в летнем городе друга нет,
Тоскливо и грустно немного.
Невкусным становится вкусный обед
И трудной любая дорога.

Не хочется громко смеяться с другим,
Тем самым смущая прохожих.
Кажется, словно ты вовсе один,
И жить так больше не сможешь.

Некому в голову бросить яйцо
И банку с несчастной килькой
Открыть тоже не с кем. В другое лицо
Не хочется тыкать вилкой.

Не хочется есть, не хочется спать,
Все бессмысленно, пусто и глупо.

Когда тебя некому обнимать,
Если в городе нету друга.

* * *

Август, сыгранный не по нотам,
Молча гладит по волосам.
Сложно тем, кто восстал из мертвых,
Гулким, выцветшим и поблеклым
Лету прямо смотреть в глаза.

Кожей содранной, раной алой
Август вскрылся из-под брони.
Дело в малом, теперь — лишь в малом,
Чтобы мне, перезимовалой,
Ни повадкой, ни словом, ни

Жестом, рвущимся от ладони,
Заставляющим время — вспять,
Не открыть в себе и не вспомнить,
Сколько сердца
И сколько крови
За чужое могу отдать.

За чужое...
За запах кожи
От ключицы и вдоль плеча.
За улыбку и непохожесть,
Непокорность и невозможность
Взгляда,
Взятого у волчат

Или львят...
У любых из хищных,
Тех, что сердцу рубцы дарят.

Мне осталось — оставшись лишней,

Продержаться
До сентября.

* * *

Мы — молоды. И значит, мы в ответе
За все сердца и души на планете.

За каждую разбитую коленку,
Скулу, потерянную честь и жизнь,
За нищету, за ненависть, корысть,
За всех, кто кем-то был поставлен к стенке.

Есть голос. Он за тех, кто ныне — нем,
За каждого, покрытого землею.

За атомные бомбы, за конвои,
За перестрелки на глазах детей —

Мы есть, и значит, мы за каждый стон,
За миллионы жизней — МЫ ответим.

У каждого из нас есть щит и меч,
Есть страх и смелость; и еще другое —
Мы знаем точно, звать кого героем,
Мы точно знаем: игры стоят свеч,

Сражение стоит мира, боль — любви,
Труд — результата и борьба — исхода...

Нельзя забыть нам, мир за эти годы
На чьей горячей выстроен крови,
Какой ценою куплена свобода.

Мы молоды. И значит, на руках
У нас, атлантов, ноша нелегка:
Ответственность за память о Победе.

Мы — молоды.
И мы за все в ответе.



ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЦИИ

КРИТИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ ЖИТЬ

В рамках Года литературы московское ЛИТО «Вдохновение» проводит цикл литературных встреч, музыкально-поэтических концертов, презентаций книг студийцев, тематические вечера. Презентация издания коллективного сборника 2015 года «Книга в книге» вылилась в откровенный, продолжительный разговор о состоянии современной литературы и актуальности «Манифеста нового русского критического реализма», обсуждение которого проходит уже не первый год.

Руководитель студии, член Союза писателей России, ведущая мероприятия Л. Е. Авдеева в своем вступительном слове подробно остановилась на современном литературном процессе, на проблемах бумажных и компьютерных изданий, познакомив собравшихся в актовом зале с итогами всероссийских и международных дискуссий по этим острым темам, проводимых журналом «Приокские зори». Материалы дискуссий нашли разностороннее, глубокое отражение в книгах писателя — главного редактора А. А. Яшина «Пролегомены» и «Будни главного редактора», с творчеством которого студийцы хорошо знакомы, так как публиковали свои стихи и прозу в коллективной подборке журнала «Приокские зори», главным редактором которого является автор. Знакомы литераторы студии и с «Манифестом нового русского критического реализма», который широко обсуждается в печати, Интернете, на встречах писателей. Убедительные яркие статьи Яшина, такие, как «Гоголь и самосознание русской нации», «Белинский и русский критический реализм», «Пушкин и Толстой: государственный и пророк», материалы, посвященные сохранению русского языка, классического наследия вызвали интерес не только у профессиональных и самодеятельных авторов, но и у собравшихся читателей.

На встрече присутствовали литераторы, посещающие не только студию «Вдохновение», но и студии «Некрасовка», «Орфей», «Русич» (г. Пушкино), студию военных писателей и другие литературные объединения. Высказали свои мысли и прочитали новые произведения члены СПРФ О. Астафьева, А. Маркович, Н. Кругликова, И. Антонова, молодые поэты А. Корецкий и Н. Орлова, прозаик Н. Титова, сотрудник музея А. Васнецова Т. Минаева и другие. Все единодушно поддерживали тезисы «Манифеста», отметили, что те, кто берется за перо, ответственны перед читателем за чистоту родного языка, выбранную тематику произведения, должны стремиться правдиво и убедительно отразить эпоху, показать ее героев и антигероев. Неоднократно было подчеркнуто, что писателем и ученым А.А. Яшиным проделан титанический труд, и наряду с его яркими литературно-научными полемическими материалами в книгах представлен интересный коллектив авторов, среди которых были выделены статьи Кедровой, Шафрана, Авдеевой, Квасниковой, Лебедева, зарубежных авторов.

Гость студии «Вдохновение», известный московский и смоленский поэт, член Академии поэзии В. М. Леонов подчеркнул, что «литературный процесс непрерывно развивается, а метод критического реализма в новых исторических условиях дает

возможность глубокого осмысления многих общественных, социальных, морально-нравственных проблем, позволяет увидеть реальный мир со всеми достоинствами и недостатками, сделать выводы, принять решения».

Присутствовавшая на встрече Газель Назарова, преподаватель, музыковед, дочь известного туркменского композитора Оразмухамеда Ниязова подняла вопрос о коммерческих аппетитах издателей, с чем столкнулась, готовя книгу памяти отца, участника Великой Отечественной войны, трижды бежавшего из плена, командира партизан итальянского Сопротивления.

Собравшиеся отметили, что редакторы, корректоры, составители, издатели должны быть более внимательны, ответственны и профессиональны в своей работе. Так же, те из литераторов, кто ознакомился с изданием детально, заметили, что, хотя темы дискуссий разные, текст «Заключения от редакции» каждый раз один и тот же, что говорит о пристальном внимании редакции к наиболее насущным организационным вопросам проведения дискуссий.

Подводя итоги встречи, Л. Е. Авдеева выразила общее мнение, что подобные мероприятия, на которых писатели и читатели доверительно обсуждают состояние современной литературы, своевременны. Знакомство широкой аудитории с материалами всесоюзных и международных дискуссий плодотворны в условиях растущей духовной опустошенности, утраты подлинных нравственных ценностей. Исследование современного литературного процесса, его теоретическое обоснование необходимо для сохранения традиций духовной преемственности, всего лучшего созданного великой русской и советской литературой.

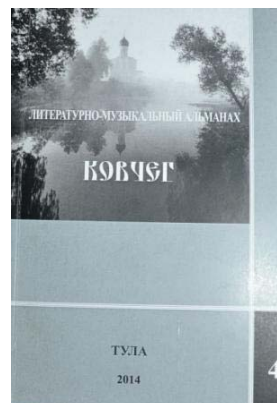
После музыкально-поэтического концерта продолжился разговор о гражданских позициях писателей, необходимости формирования нового русского критического реализма и актуальности «Манифеста», как программного документа деятелей современной литературы.

*Людмила Авдеева, член СП России,
Международной федерации журналистов,
руководитель ЛИТО, г. Москва*



Галина Клинкова
(Волгоградская область)

**«К БЕРЕГАМ НАДЕЖДЫ
ПРОЛАГАЕТ ПУТЬ...»**



Вот он, 4-й выпуск тульского литературно-музыкального альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори». Держу его в руках с волнением. Ведь здесь впервые напечатаны некоторые мои материалы.

Альманах кажется внушительным — толстый, более трехсот страниц. Обложка выполнена в строгом классическом стиле. На бледно-сером фоне с обеих внешних сторон — фото святого Храма. Белокаменное изящное чудо в дымке тумана устремлено, как свеча, вверх и одновременно отражается в воде озера. Щемит сердце от низко склонившегося, будто падающего, дерева — на берегу. Церковь Покрова на Нерли первой на Руси была посвящена ставшему потом самым любимым народом великому осеннему празднику — Покрова Пресвятой Богородицы, который отмечается с 12-го века 14 октября ежегодно. И альманах выходит в эти дни. Будто под сенью небесного крыла... Покров — значит защита. Покровительство...

Обложка вызывает светлые чувства и благостное настроение, заставляет задуматься о вечных ценностях. В душе просыпаются чистые, искренние, возвышенные чувства.

Приятно видеть на форзацах лица участников альманаха — миниатюрные фотографии, а затем перед их публикациями читать краткие резюме. Это и самодеятельные авторы, и профессионалы. Разнообразен их социальный статус, как и места жительства. С чувством гордости осознаю, что тульский альманах «Ковчег» — не областное, а всероссийское и международное издание. Благоговейно провожу пальцем по титульному листу...

Над заголовком как эпитафия ко всему содержанию — строка: «Православие в наших душах». Поэтому, думаю, альманах и открывается Духовной страницей. В статье ученого М. Дунаева говорится о роли и значении Православия в русской литературе. В частности, о состоянии литературы конца XX столетия. Автор обеспокоен тем, что она утратила свое ведущее положение. Осмысливая ситуацию, богослов дает определение культуры как системы жизненных ценностей человека и общества, которая обнаруживает себя в их творческой деятельности. А высший вид творчества — создание новых духовных ценностей. При оценивании состояния культуры Православие ориентируется на нравственное состояние человека и общества. Дух христианской культуры есть дух любви.

Велика ответственность творцов новых произведений. Они должны следовать художественно-духовным традициям русского искусства.

В шести разделах представлены соответственно поэзия, проза, публицистика, литературоведение, произведения для детей и о детях, песни. Каждая из рубрик предва-

ряется во всю высоту листа черно-белым рисунком духовного плана и имеет общую изобразительную заставку.

Прочитать все быстро — залпом, невозможно... Ведь случайных материалов здесь нет. Авторы исповедально рассказывают о том, чем живет их душа, как внутренний мир человека взаимодействует с окружающим миром. Останавливаюсь над строкой... Задумываюсь... И — не в силах порой сдержать эмоции... Тревожат, волнуют набежавшие мысли, переживания... Возникают определенные ассоциации...

Первая же подборка стихов раздела «Поэзия» произвела на меня впечатление откровения. Это гражданская лирика Валерия Ходулина. Тема войны не новая, но подает он ее оригинально. «Воспоминание о Чечне» воспринимаю кинематографично. Читаю — и вижу движущиеся картинки, хотя речь идет в стихотворении о внутреннем ощущении, о чувстве, а не о чем-то внешнем. Нет, не случилась представленная гибель от пули снайпера: «...кажется, там, за рекою, / Мой ангел — хранитель отводит прицел / Уверенной, властной рукою». Стихотворение «Когда уйдет последний фронтовик» — аналогично зримое. Причем, поэт нарисовал необычную обстановку — потусторонний мир: «Там ветерана встретят как родня / Все тридцать павших в битвах миллионов». Очень трогателен неожиданный момент, когда пред солдатом вдруг возникнет медсестра, что погибла, спасая его. Потрясающие строки: «И в сердце хлынет теплая волна, / И тело, как при жизни, встрепенется, / И забытых, нежных чувств полна, / Его душа к ее душе рванется». Мое сердце замирает от сокровенности слов...

В стихотворении «Освобождение Косой горы» В. Ходулин выразительно, образно воспел героизм и стойкость защитников, отстоявших родной город от нашествия гитлеровских полчищ: «Танкисты шли, как говорят, ва-банк / Сплошной лавиной из огня и стали...» Логически продолжает тему Игорь Мельников: «А ты — не сдался, ты — сумел, / Как встарь, на поле Куликовом, / Стать неприступною стеной» («Оборона Тулы»).

Сколько боли за судьбу сегодняшней России. Строки идут — прямо из души, из сердца, они выстраданы... Горячие, обнаженные, как нерв... Сергей Никулов: «Топчем слабых в борьбе за карьеру и власть, / Преклоняем пред сильными спины...» («Лихие годы»); Валерий Демидов: «Мы далеко уже не те, — / Забывшие про плуг и землю, / Про веру и любовь в сердцах...» («У памятника Л. Н. Толстому в Туле»); Сергей Лебедев: «Уходит Русь в нескошенны травы...» («В родных местах»); Вячеслав Алтунин: «Как живете, родные? Мне вот зябко без вас... / Счастья — малая толика, / Зато груды забот. / И встречаемся только, / Если кто — то умрет» («Родным»). Он делает вывод, что нельзя жить без любви.

Татьяна Леонова: «Сколько во мраке пройдет поколений, / Прежде чем истина снова взойдет! / Как же мы нашу страну проглядели...»; Яков Шафран: «Так хочется воскликнуть: Боже, / Верни мне гордость за страну...». И репликой ответ — оптимистичные строки Татьяны Шелепиной: «Возродится родная — / Я всегда буду с ней! («Моя Россия»).

Как же отраднo читать, что Вера, Надежда, Любовь — желаемые чувства... Что они есть, еще теплятся... «Душа нам дана для любви при рождении. / Мы с Небом в родстве! Как прекрасно родство! / Оно отменяет людские пороки, / Ведет по дорогам счастливого дня. / С ним пишет судьба наши светлые строки. / В нем солнце любви для тебя и меня. / И, если его мы друг в друге увидим, / То нам не страшна отчуждения суть...» (Людмила Пенькова). Нина Попова в «Молитве» просит у Господа: «Чтобы мимо людского ненастья / Никогда не прошла невзначай. / ... Чтобы сердцем могла согреться, / Без корысти людей любя...» Поэтические страницы «Ковчега» овеяны дыханием любви к Отечеству, «родным небесам». Каждая деталь в стихах патриотического содержания — как живописный мазок с удивительными метафора-

ми: «...родниковым, / отчим краем дорожу», «Есть ли на Земле земля другая, / Чтобы так умела утешать?», «Горд я русскою судьбою! / Мне б свечой среди свечей / Вспыхнуть в сумраке собора / Для твоих, о, Русь, очей!» (Валерий Севостьянов); «Какое чудо Господом дано! / Какие во глубинах русских силы!..», «... Россия — светоч негасимый» (Вячеслав Алтунин).

Красивой, орфейной музыкой воспринимается пейзажная лирика Сергея Резвякова. Она свидетельствует о благодати Божьей, разлитой в мире: в цветах, закатах и рассветах, в осенней ночи... Например, «Шмель», «Покров».

Какое гармоничное единство человека, его судьбы с милой сердцу российской природой в стихах Любови Самойленко! Это жизненная лирика, отличающаяся высокой одухотворенностью пейзажа и авторского чувства.

Живописью словом, мелодичностью, осязаемостью образов «малой Родины» очаровывают поэтические строки Галины Лялиной, Татьяны Чернышовой, Александра Карпова. Они негромкого звучания, простые и прозрачные, но целомудренные и неподдельно душевные. Любовью и гордостью за Отечество пронизаны стихи Игоря Боронина из цикла «Золотое кольцо России».

В разделе «Проза» неизгладимое впечатление осталось у меня от рассказа «Каштаны» Елены Гаденовой. Как лирично, как трогательно он сделан, как психологичен! Достоверно предстает панорама семейных отношений...

Девочка лет пяти раскладывает каштаны на земле, составляя из них какой-то рисунок... Ее глаза светятся от счастья. Ведь это «настоящая картина, самая настоящая из всех на свете». И как важно, чтобы ее картину увидели... Малышка улыбается... «Рядом лежал ворох огромных осенних разноцветных листьев. Листья были собраны букетами, горели и переливались золотом так, что на них хотелось любоваться и любоваться...» Вдруг резко открылась дверь. Из двери выскочил мужчина. Он накричал на дочь за то, что она мусорит под окном, и растоптал ногами «все, что еще секунду назад, казалось, являлось для девочки самым важным...»

Что для ребенка главное всего в жизни, естественная защита от всех невзгод, оберег? Мама — красивая, милая женщина. Она подхватила на руки плачущую дочь, прижала к себе. Сердечко стало оттаивать от нежного прикосновения теплых губ, ласковых, успокаивающих слов:

«— Знаешь, самое главное есть ты и я, есть это небо, есть эти прекрасные желтые листья, эти каштаны, которые в твоих ручках горят алмазами, есть наши сказки, которые сочиняем перед сном...»

...Переделав вечерние домашние дела, она легла рядышком со спящей девочкой и «смотрела на дочь, как на какое-то самое необычайное чудо....Сквозь шторы пробивался лунный свет... И ей казалось, что... это дверь, в которую входил Ангел и освещал их жизнь золотым светом...»

Рассказ писательницы — москвички Елены Семеновой «Одноклассники. Чурбан» мне близок по роду профессии. Сколько детей встретилося в школе за свой почти сорокалетний учительский стаж! Разных. И часто те, кто портил нам нервную систему и показатели в работе — из неблагополучных семей — оказывались на деле порядочными людьми. А в критической ситуации именно они ориентировались правильно и бесстрашно. «Пожертвовать собой и броситься спасать людей, как это сделал Чурбан, редкий отважится».

Захватил рассказ Сергея Крестьянкина «Волк» трогательной заботой лесничего о раненом волчонке: «Если брошу его здесь, то потом себе не прощу. Во сне будет сниться. Он хоть и звериный, но все-таки детеныш...» Примечательны детали: человек заметил и слезу в глазах беспомощного существа, и его улыбку потом, когда спасенный — уже взрослый волк — пришел внезапно к нему в лесу на помощь и спас от

браконьеров. Логический мостик — к рассказу Владимира Гудкова «Золотая гривна»: потрясающая дружба человека и дельфина («и они закружились в счастливом танце, как самые близкие существа на свете»).

В разделе «Публицистика» привлек познавательный, страстный в изложении печальной судьбы славного русского монастыря очерк Андрея Можая «На поклон в Симоново», а также статья Сергея Овчинникова «Нарышкино», болью о селе сегодняшнем российском пропитанная. С интересом прочитала полемические рассуждения на актуальную тему Якова Шафрана в материале «Интеллигенция. Необходимо свидетельство о возрождении».

Статья Валерия Маслова о писателе «Иван Бунин и Тульский край» в разделе «Литературоведение» оказалась очень полезной информационно — методической страничкой, как и объемные, серьезные рецензии Якова Шафрана на два романа и повесть современных писательниц Ирины Кедровой и Натальи Квасниковой. С произведениями о детях и для детей я познакомила ребят из моего школьного кружка «Литературная мастерская». Особенно их заинтересовали светлые, мудрые, похожие на притчи, коротенькие рассказы Владимира Гудкова из жизни природы — «Капуста», «Подружки», «Солнечный жук» и его веселые стихи — малыши... Я рада, что присоединилась к замечательному творческому коллективу, который сеет «разумное, доброе, вечное». Что живу в прекрасном литературном мире. Спасибо всем составителям и редакторам «Ковчег»! И пусть последующие выпуски будут такими же разнообразными и содержательными. В заключение приведу стихотворение, написанное поэтессой Любовью Самойленко к первой годовщине тульского Православного клуба писателей «Ковчег». Думаю, что оно подходит и для альманаха: гимн и программа.

КОВЧЕГ

*Раннею весною
паруса расправив,
В водах православных
ускоряя бег...
Мир и слово славя,
К светлым звездам дальним
С верой и любовью
движется «Ковчег».*

*Капитан «Ковчег»
с Книгою Священной
Таинств мирозданья
постигая суть,
Очищая души
от грехов и скверны,
К берегам надежды
пролагает путь.*



ДУМЫ ПРОФЕССОРА СКОРОДУМОВА

Само название книги* Алексея Яшина указывает на то, что ее можно считать не столько художественным произведением, сколько человеческим документом, отразившим многие аспекты современного житейского бытия. Здесь хотелось бы подчеркнуть важность обеих составляющих столь дерзостно употребленного нами, с позволения сказать, термина: с одной стороны, сниженно-приземленного, но, с другой стороны, сказочно-вдумчивого — житейского бытия. Да, А. Яшина нельзя назвать только лишь бытописателем, рисующим с натуры столь хорошо всем нам знакомые обстоятельства существования, про которые словами горьковского героя хочется воскликнуть: «Смотрю я на вас... Житейское ваше, братцы, ой-ей...» Автор книги стремится за житейским показать читателю бытие, уловить скрытую от взгляда поверхностного наблюдателя подоплеку повседневного течения жизни. Все это свидетельствует не только о вдумчивости маститого литератора, но и о том, что он, увенчанный множеством регалий, не забронзовел в писательской славе, продолжает следить за актуальными тенденциями искусства, в частности за набирающим все большую популярность течением, уже удостоившимся собственного фестиваля и собственного англоязычного наименования — «нон фикшн», обозначения, которое нам еще предстоит адекватно перевести на язык родных осин, критически осмыслив его необходимость и значимость для отечественной словесности.

Определив жанр своего произведения как «роман-новеллино», А. Яшин, действительно, предложил читателю девять новелл, увенчанных внушительным эпилогом. Сквозные герои книги, органично переходящие из одной части романа в другую, обитают в областном центре, называемом Тулуповском, в коем расположен политехнический университет с непомерно раздутым административным аппаратом, знаменитое на всю страну НПО «Меткость», чиновный «Белый дом» губернского масштаба, прославленные заводы, столетиями ковавшие (в прямом смысле слова ковавшие) свою славу, взрастившие настоящую рабочую элиту, однако и былую трудовую славу, и уникальных мастеров едва не утратившие окончательно в «лихие девяностые»... Все аллегории А. Яшина более чем прозрачны, однако узнаваемы, наверняка, не только в привычно-самоварно-оружейной столице России, но и в большинстве провинциальных столиц, с не меньшим азартом и ревностью, чем Тула-Тулуповск, следящих за восхождениями и закатами своих губернаторов, тасованием колоды местничтиных начальников (даже Начальников — так у автора), подкованными склоками своей полунаучной полуинтеллигенции. Именно это и позволяет говорить о творческом методе автора как о попытке без выдумки и украшательства («нон фикшн», черт меня побери!) рассказать о реальной жизни, при этом не переходя с тропки художественного словотворчества на стезю публицистики.

Такой переход А. Яшину ни в коем случае не потребуется, поскольку свою задачу автор видит не в том, чтобы еще раз обнажить перед взором читающей публики язвы современности, а в том, чтобы сподвигнуть эту самую публику на кропотливую работу над внутренним миром, дабы указанные язвы излечить. И то сказать: пузырями надувшиеся от сознания собственной значимости руководители регионов, которых жизнь осаждает в самом прямом смысле слова — на скамью подсудимых, утратившие человеческий облик Начальники, погрязшие в склоках научно-педагогические работники — все это мы с вами, дорогие сограждане. Каждый из нас на своем рабочем месте, в городском транспорте, на кухоньках квартир, на верандах домишек, в пивных и рюмочных. Поэтому еще одной сверхзадачей книги А. Яшина ви-

* А. Яшин. Административный восторг, или Картинки с выставки, М, 2014.

дится как беспощадный психологический самоанализ, так и анализ коллективного бессознательного, столь выпукло проявившегося ныне.

Ключевым для выявления позиции автора книги является образ профессора Игоря Васильевича Скородумова. Этот герой, поработавший в свое время на «оборонку», получивший научные степени и награды, ищущий себя в вузовской среде, безусловно, является альтер эго А. Яшина. Вместе со своим героем автор пытается осмыслить широчайший круг вопросов — от политики до отношений полов. И мы, читатели, вслед за ними движемся по спирали нелегких размышлений. Если же среди читателей обнаружится вдруг критик, вроде пишущего эти строки, то у него задача будет потруднее: в журнальной статье обо всем не напишешь, следовательно, надо сосредоточиться на чем-то одном... На чем же? Что выбрать в качестве важнейшего?

Не без колебаний мы решили остановиться на иронично изображенных в романе взаимоотношениях внутри корпорации университетских преподавателей. Почему именно на этом? Потому что, казалось бы, локальная (и, заметим в скобках, хорошо лично нам известная) ситуация позволяет автору романа коснуться, на наш взгляд, серьезнейшей проблемы современности — проблемы профессионализма, ответственного отношения к делу.

«Университет... — змеиное гнездо», — прямо пишет А. Яшин на стр. 70, но мы понимаем: дело не только в том, что университетское начальство поощряет наушничество, выдвигает на первые роли склочников, прикрываясь правильными словами, с трусливой завистью гнобит всякого талантливого человека, со всеокрушающей самодурной силой насаждает бессмысленно запретительные порядки. Дело в том, что преподавательская среда оказалась морально разложившейся, рабски угодливой, готовой к безграничной и беспринципной сервильности. В чем причина такого поведения? В отсутствии профессионализма, который обуславливает независимость суждений и непреклонное самоуважение. Почему же вместо профессионалов в вузе служат «училки» обоих полов, как характеризует их Скородумов? Во многом потому, что сообщество преподавателей в один далеко не прекрасный момент оказалось у нас одной из беднейших категорий населения. Скородумов с удивлением обнаруживает, что в вузе его окружают неудачники, неумехи, которые не в состоянии реализовать себя в настоящем деле, а вот преподавание кажется им вполне подходящим поприщем.

Читатель невольно задается вопросом: каких же специалистов подготовят такие, с позволения сказать, педагоги? Разумеется, столь же бесталанных, подличающих, бесперспективных. И многие из них бодро вольются в ряды своих вчерашних преподавателей, вольются в качестве уже подготовленного к бесславному служению человеческого материала. Круг замыкается...

Вот это, пожалуй, страшнее, чем козни, которые коллеги пытаются строить Скородумову — и герой, и автор к таким попыткам относятся снисходительно, четко осознавая свою самоценность и ущербность гонителей. Несправедливость ранит Скородумова, он не может уразуметь причину брезгливой зависти, которую испытывают «училки» по отношению к нему, однако тотальному осуждению в книге подвергаются все же не мелкие пакостники, а Начальники, усилиями которых сложилась неэффективная, стагнирующая система, не поддающаяся переделке — только слому.

Впрочем, заблуждением было бы считать, что книга А. Яшина содержит заряд революционности. Яшин, как и Скородумов, прекрасно знает историю, в том числе и историю революций, которые (начиная с Великой французской и заканчивая сталинской антитроцкистской) в анализируемой книге предстают явлениями отнюдь не классового, даже не социального характера, а некими административно-психологическими завихрениями, которые нужны, пожалуй, исключительно для того, чтобы вызвать к жизни контрреволюцию, ибо она предстает подлинным благом

для народа и государства, успокаивает буйство разгульной стихии. Кроме того, для Яшина, как и для Скородумова, события времен разрушения Советского Союза, хотя и переходящие постепенно в разряд событий исторического прошлого, стали наглядным уроком губительности революционного пути.

Положительный идеал автора достижим, скорее, путем национального примирения, всеобщего согласия на базе традиционных этических норм. Недаром немногочисленные эпизоды романа, рисующие вообще-то глубоко и жестоко уязвленного Начальниками, коллегами и самой мелочностью жизни Скородумова в редкие минуты умиротворения связаны с простыми человеческими радостями. Заботливая супруга, отец, олицетворяющий народную вековую мудрость, добрый и гостеприимный приятель, с которым так хорошо беседовать за чаем или водочкой о книгах, любимые профессором коты-котовичи, едва ли не из сказки переселившиеся в роман,— вот что помогает герою примириться с действительностью. А когда на той же волне думают и чувствуют и случайные пассажиры в маршрутке, и способные, как оказалось, на порывы благородного негодования «училки», и отставники из военных да чекистов, начальники спецотделов, командиры охранных подразделений, службисты до мозга костей, коих автор иронично поименовал «блокляйтерами», и даже те немногие из Начальников, которые сохранили еще в себе каплю человечности, тогда и вся книга получает дополнительный объем, видится авторская идея, объединяющие достаточно автономные новеллы в единый цикл.

В этом смысле ключевым оказывается финал девятой, завершающей роман, новеллы. Уставший, издерганный, промерзший на ветру Скородумов приходит в теплый, уютный свой дом, где сморила профессора дремота. И вот на грани сна и бодрствования Игорь Васильевич, осмысливая события прошедшего дня, все свое жительство, приходит к пониманию непреходящей ценности социального взаимопонимания, непрерывающейся связи поколений: «Добрые наши люди... Таковыми же и дети, и внуки их станут. Лишь бы не было... Одним мы все миром мазаны».

Важнейшая роль традиции подчеркнута тем, что именно такие слова, слова о доброте и прощении, произносит отец главного героя, пожалуй, единственный человек, которому доверяет Скородумов, к чьим советам прислушивается. И дело не только в сыновних чувствах, не только в уважении к старшим, но и в подчеркнутых автором опытности, уме, начитанности Скородумова-отца, «не схоластика и фари-сейского книжника, но бравшего от книг всю их философско-житейскую мудрость». Вот как батя наставляет сына: «Народ наш по натуре добр, но в командиры всех рангов из-за этой доброты непременно вылезает самая сволочь... Я же только советую быть бдительным... Береги себя и дела твоей головы и рук... Человек живет и творит не для себя, не для собственного удовольствия, даже не для своего потомства — продолжения рода, а для продолжения всего человечества в лучших его качествах».

Хочется надеяться, что этот отеческий наказ каждый читатель книги А. Яшина воспримет в качестве лично значимого жизненного постулата. И коли произойдет так, то со временем утихнет административный восторг, обуревающий ныне столь многих в нашем отечестве, а окружающие нас картины жизни станут отраднее.

Игорь Карлов, г. Тула

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Объявленный в России 2015-й год, как Год литературы, иронией судьбы совпал с прекращением — по финансовым причинам — печатания «бумажной версии» нашего журнала. В ряде наших циркулярных писем, разосланных авторам в январе-феврале с. г. мы всесторонне рассмотрели, объяснили и проанализировали переход в издании журнала к электронной форме. Получили много откликов от наших постоянных авторов и читателей. Большое Вам спасибо!

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного, издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих иметь бумажный вариант журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:



Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2015.— №№ 1, 4.
2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2015.— № 1, 2.
3. *Общеписательская* литературная газета.— 2015.— №№ 1—7.
4. *Игорь Карлов*. Прижизненное издание.— Тула: Аквариус, 2014.— 272 с.
5. *Сорокажердьеv В. В.* Около озера. Новые стихи.— Мурманск: Издатель Опимах, 2015.— 76 с.
6. *Сорокажердьеv В. В.* Не вернулись из боя: Потери подводных сил Северного флота в 1939—1944 годах.— 2-е изд.— Полярный: Издатель Опимах, 2010.— 200 с., илл., фото.
7. *Сорокажердьеv В. В.* Они сражались в Заполярье: Герои Советского Союза, 1939—1945: боевые биографии.— Мурманск: Кн изд-во, 2007.— 304 с., ил.
8. *Сорокажердьеv В. В.* Они служили в Заполярье: Герои Советского Союза, Герои России 1949—2008.— Мурманск: Типогр. «Бенефис-О», 2009.— 160 с., ил.
9. *Дронов Н. Н.* Размышления о «Воспоминаниях» маршала Г. К. Жукова.— Тула: б/у изд-ва, 2015.— 81 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Яшин А. А.* Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новелино / Вместо предисловия: А. П. Чехов. Хамелеон: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Ковчег*: Литературно-музыкальный альманах ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 4.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 328 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Шафран Я. Н.* Круг замкнулся: роман.— Тула: Изд-во «Папирус», 2015.— 308 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яков Шафран*. Льетса жизни стих: Стихотворения / Предисл. Г. Г. Мирошниченко.— Тула: Изд-во «Папирус», 2014.— 108 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
2. *Сергей Крестьянкин*. Разгони тучи: Рассказы / Предисл. В.Ф. Пахомова.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2015.— 107 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
3. *Сергей Лебедев*. Своя дорога: Сборник стихов и прозы / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2015.— 205 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).
4. *Олег Пантюхин*. Избранные стихи / Предисл. Е.И. Трещева.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2015.— 100 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2014-го года уже объявлены в № 1, 2015 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: продолжается конкурс на 2015-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

ЧУВСТВО МАЛОЙ РОДИНЫ

Туляки – кавалеры медали им. Василия Макаровича Шукшина

*Шукшин для Алтая –
 Все равно что Пушкин
 для России*
 В. Буланичев

4 июня в рамках Года литературы кавалерами медали имени Василия Макаровича Шукшина стали туляки: Яков Наумович Шафран – заместитель главного редактора всероссийского художественного и публицистического журнала «Приокские зори» и Марина Григорьевна Баланюк – заведующая редакцией названного журнала. Эта славная литературная награда, номинированная литературным, научным и историко-просветительским журналом «Бийский вестник», одним из учредителей которой и бессменным (12 лет) главным редактором является обаятельный и чудесный Виктор Буланичев, в прошедшем, 2014 году (Год культуры), вручена именитым соотечественникам: Наталье Диомидовне Парыгиной, Вячеславу Ивановичу Ботю и главному редактору «толстого» литературного журнала «Приокские зори» Алексею Афанасьевичу Яшину.





Новая книга Якова Шафрана вышедшая в серии библиотеки журнала «Приокские зори» под названием «Круг замкнулся» охватывает период с 1913 по 2009 год. Любовь, семья, дети, работа, бытовые и социальные проблемы героев предстают перед читателем на фоне исторических и общественных коллизий разных лет. Духовно-нравственные поиски, выбор своего пути, переплетение личного и общего происходят у персонажей порой в условиях далеко не тепличных, а иногда и в борьбе за существование, что не мудрено, ибо они — дети России, страны с непростой судьбой. В произведении даются экскурсы и в древнюю историю, ибо известно — от качества анализа прошлого во многом зависит будущее.



Новая книга писателя и журналиста Игоря Карлова, лауреата Всероссийской литературной премии «Левша», включает в себя произведения разных жанров, что говорит о несомненном многообразном таланте автора.

Игоря Карлова волнуют как проблемы бытия, так и философия жизни, психология человека, боль за судьбу Родины, Великой России и ее народа.

Яркий, образный язык, перемещения лирического героя рассказов Карлова по разным странам и континентам несомненно привлекут внимание читателя, как и высокое качество его поэзии и критики.

МИР ДЕТСТВА



Костенька

За златую цепочку и крестик держись,
Подрастай поскорее, наш добрый малыш!
Будем вместе все песенки, сказки играть.
Будем просто все буквы с любовью читать.
Жить, смеяться, любить, рисовать и считать,
А еще маму с папой с работы нам ждать.
Дом любить свой и двор, и природу, людей.
Насекомых и птиц, рыб, цветы и гостей.
Всех любить, привечать, ну а с братом дружить.
Бога помнить и бабушку в парк пригласить.



Ванечка

Понимаешь, дружок, ты же умный, Иван,
Ножку «ласточкой» ставить — это, в общем, обман.
Много спроса с тебя, дорогой мальчуган.
Ведь, и каждый второй, он — герой, талисман.
Ну а первый, как водится, первым будет всегда:
На разведку ходить, возводить города.
Ты любить начинай не иначе его.
И себя вместе с ним. Но а все же с него,
Ты с него начинай этот мир обнимать,
Понимать и лелеять.
Старших, мать уважать.
Ты отца почитай, береги, обними.
Он кормилец большой вашей дружной семьи.
Понимаешь, дружок, ты же умный, Иван
— Я тебе пригожусь. Улыбнись, капитан!



Кошка Грандмама

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНИКА

Новая улица Тулы названа именем выдающегося тульского оружейника, недавно ушедшего из жизни, генерального конструктора ракетно-пушечного оружия, академика РАН Аркадия Георгиевича Шипунова:

Адрес гипермаркета:
г. Тула, мкр. Левобережный,
ул. Аркадия Шипунова, д.1А
Тел.: +7 (4872) 24-95-95

Время работы:
ежедневно 08:00 - 23:00

globus
www.globus.ru

Как добраться на бесплатном транспорте:

От ост. «Зеленстрой»
Время движения: 8:00 - 22:00
Интервал отправления составляет 25 мин.

От ост. «Красноармейский проспект»
Время движения: 8:00 - 22:00
Интервал отправления составляет 20 мин.

От ост. «ДК Комбайнстроителей»
Время движения: 7:30 - 22:00
Интервал отправления составляет 30 мин.

Map labels: ул. Оборонная, ул. Рязанская, ул. Аркадия Шипунова, Мкр. Левобережный, ул. Новоославское ш., ул. Возвращение в мир, Тула - центр

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА ВОЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ, ПРОВЕДЕННОГО В РОССИИ

С 2014 года по 9 мая 2015 руководство Самарского регионального отделения Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных сил Российской Федерации и редакция Международного альманаха «Литературная губерния» совместно проводили Международный конкурс военных писателей и журналистов «СВЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ», посвященный 70-летию Победы советского народа над фашистской Германией и ее союзниками в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

В номинации «Проза»: Диплом первой степени: Ефим Гаммер (г. Иерусалим, Израиль) — за повесть «Второй такой надписи нет на Рейхстаге» такой надписи нет на Рейхстаге». Ефим Гаммер — член редколлегии журнала «Приокских зори».

География конкурса военных писателей и журналистов такова: его участники проживают в Москве и Московской области, Хабаровске, Ростове и Ростовской области, Казани, Твери, Калининграде, Крыму, Самаре и Самарской области, Екатеринбурге, Оренбурге, Краснодарском крае, Смоленске, Чите, Новосибирской области, Братске. Два участника конкурса — граждане Израиля и Литвы, бывшие военнослужащие Советской армии. Художественный уровень повестей, рассказов, эссе, поэм, стихов, публицистических произведений, по мнению жюри, довольно высок, что говорит о хорошем творческом потенциале авторов.

Лауреаты конкурса награждаются Дипломом соответствующей степени, а также Памятной медалью «70 лет Победы в Великой Отечественной войне» и Почетным знаком «Ветеран войны и военной службы», учрежденными Общероссийской общественной организацией ветеранов Вооруженных сил Российской Федерации.



КНИГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Роман Гершзон

Иерусалим, Израиль

На одном из заседаний пресс-клуба Общинного дома Иерусалима известные наши писатели Ефим Гаммер и Белла Верникова представили гостям и журналистам пресс-клуба свои изданные книги.

У Ефима Гаммера, члена редколлегии «Приокских зорь», автора 18 книг, лауреата ряда международных премий по литературе и изобразительному искусству, ответственного редактора и ведущего радио Голос Израиля — РЭКА чуть ли не каждый год выходит новая книга стихов, прозы, юмористических произведений. Сегодня мы остановимся на одной из них — книге прозы «Тунгуска». В нее вошли роман ассоциаций «Амдерма — лежбище моржей», повести ассоциаций «Тунгуска», «Лунная голова Гоголя» и рассказы.

Ефим Гаммер давно и успешно работает в созданном им литературном жанре, получившем мировое признание, — прозе ассоциаций. Вот что об этом жанре Ефима Гаммера пишет известный литературный критик Анна Кузнецова в журнале «Знамя» № 8 — 2007 года «Повесть ассоциаций это модификация лирической прозы: фрагментарно построенный текст, в котором внешние события автобиография, история семьи автора и внутренний мир лирического героя сложно, но естественно переплетаются, находя невидимые, но субъективно очевидные соответствия, выявляя причинно-следственные связи, действующие по невычислимой, но явно ощутимой логике». Не стала исключением и «Тунгуска». Здесь читатель может проследить жизненные маршруты автора от его доисторической родины — Советского Союза — до родины исторической и Земли Обетованной — Израиля.

Сквозь знакомую читателям по предыдущим произведениям доброжелательную иронию рассказчика в сборнике «Тунгуска» просматриваются и ассоциации мощного трагического ряда. Чего стоит хотя бы рассказ об Изе Манове, чудом уцелевшем мальчишке из Бабьего Яра. Внешне бесстрастно Ефим Гаммер рассказывает в этом очерке и о человеке, отказавшемся спасти еврейского ребенка от смерти. «Изя Манов, незаметно для конвоира выпихнутый из толпы братом, больно ушибся о недавнего соседа, точно о гранитную глыбу... Он ... отлетел назад, в толпу, к брату, к смерти поближе. Гранитная глыба не сделала ни движения. Она не убила Изю, но и не спасла. Хата у глыбы стояла с краю — по ту сторону Бабьего Яра. А ведь вроде бы раньше была всего через улицу... Годы спустя, когда Изя вновь побывал в Киеве, сосед потчевал его горилкой, варениками в сметане и помидорами со своего огорода... Изя, не испытывая внутреннего протеста, слушал соседа. Чокался с ним за накрытым скатеркой столом. И только прощаясь, не подал руки. Он помнил отстраненной от реальности памятью, что гранитная глыба безрука».

Во время презентации книги «Тунгуска» в пресс-клубе Общинного дома Иерусалима Ефим Гаммер говорил также о своей новой повести «Знак Христофора Колумба», напечатанной в американском литературном журнале «Слово-word» № 71, которая номинирована на премию И. П. Белкина (повесть года), и о международной русской литературе, создаваемой сегодня во многих странах.

«Придуманное мной еще в начале восьмидесятых годов и впервые прозвучавшее в моих передачах по радио «Голос Израиля» понятие «Международная русская литература», — говорил Ефим Гаммер, — мало-помалу складывается сейчас в сознании людей, независимо от того, в какой стране они проживают — в России, Израиле, Франции, Германии, Соединенных штатах Америки, Канаде или Австралии. Наша,

диссидентского толка литература, прежде создаваемая в России, а потом под рефрен «Мы не в изгнании, мы в послании» — в Иерусалиме, Париже, Нью-Йорке, возвращается в Россию, в тот отчий дом, из которого мы, теперь уже писатели и поэты разных континентов, вышли в семидесятих годах в кругосветное путешествие, представляя собой разнородный экипаж нового библейского ковчега».

Представляю, с какими айсбергами нам еще предстоит столкнуться. Но при этом полагаю, что команда корабля, подняв творческие паруса, не изменит намеченному курсу, не бросит якорь на полпути к заветному берегу.

Вспомним, экипаж библейского ковчега стал родоначальником всего современного человечества. Кто знает, может быть, и о нас впоследствии будут говорить, как о родоначальниках новой русской литературы, не имеющей уже никаких географических границ, как о создателях высокохудожественных произведений, ставших достоянием грядущей эпохи, уже свободной от советской цензуры. Разве снижается значение произведений Гоголя, Тургенева, Достоевского из-за того, что они написаны за границей? Или Набокова, Алданова, Солженицына, Аксенова, Войновича?

«Я уехал из Советского Союза в Израиль, — говорил Ефим Гаммер, — когда лидеры советского государства ошибочно провозглашали, что «создана новая общность советских людей — советский народ». Уже тогда было ясно, что народы искусственно не создаются. Но что можно, так это создать творческое содружество людей различных национальностей, объединенных общностью языка и культуры. Для этого достаточно того, что в нашем мире есть русский язык! И есть мы!»

Другой участник презентации — Белла Верникова: поэт, эссеист, художник, историк литературы, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме, родилась и жила в Одессе, в Израиле с 1992 года. Входит в редколлегия одесского альманаха иудаики «Мория». Она автор шести книг (стихи, эссе, графика, детская книжка). Печаталась в литературных журналах России («Юность», «Арион», «Сетевая Словесность», «Топос»), Украины («Радуга», «Дерибасовская-Ришельевская»), Израиля («Иерусалимский журнал», «22», «Артикль», «Литературный Иерусалим»), Англии («Modern Poetry in Translation»), Италии («Другие берега»), Японии («Hokusei review»), США («Интерпоэзия», «Confrontation», «Metamorphoses»), в антологиях современной поэзии. Стихи Верниковой переведены на английский и японский языки.

Белла Верникова рассказала журналистам пресс-клуба о своей книге «Воспоминание в цвете», где опубликован развернуто-разветвленный дневник писателя, который она ведет в своем сетевом Живом Журнале. Книга состоит из записей в Живом Журнале, включая отклики автора на современные культурные события, из представленной в ЖЖ линками ее поэзии, метатекстов и графики в жанре «Эмблемата», опубликованных в литературных журналах и на сайте «Иероглиф».



Характеризуя содержание своей книги, куда вошло и приведенное в Живом Журнале ее интервью радио «РЭКА» — «Голос Израиля» об одесском альманахе иудаики «Мория», Белла Верникова упомянула о работе в редколлегии этого альманаха, в частности, о напечатанных в 12-м номере «Мории» неопубликованных ранее воспоминаниях художника Леонида Пастернака об одесском погроме 1871 года, когда он был ребенком.

Родители Бориса Пастернака детство и юность провели в Одессе и переехали в Москву за год до его рождения. Эти воспоминания вместе с цветной репродукцией портрета матери художника Леи, хранящегося в Оксфорде, Белла получила для публикации от внучки художника Анн Пастернак-Слейтер, когда та приезжала из Англии в Израиль и выступала в Иерусалимской русской библиотеке — некоторые из присутствующих на презентации вспомнили это выступление.

ПРЕМЬЕРА ВОЕННОЙ ДРАМЫ РАГИМА МУСАЕВА «ЦВЕТ НАДЕЖДЫ» прошла в драматическом театре имени Гоголя г. Бугуруслана Оренбургской области. В основе сюжета фронтовые воспоминания деда драматурга — командира роты 116 отдельной морской стрелковой бригады Владимира Владимировича Саморукова об освобождении Орловской области в 1943 году. Символично, что первая постановка пьесы состоялась именно в Бугуруслане, где в 1943 году в одном из эвакогоспиталей прототип главного героя учился заново ходить после тяжелого ранения под Мценском. Над постановкой работали режиссер Евгений Крилевец, художник-постановщик Михаил Кангин, актеры: Сергей Еремеев, Сергей Мавринский, Ангелина Крилевец, Марина Магомедова, Артем Берлин, Евгений Кузнецов. В 2013 году пьеса стала победителем международного конкурса «Славянские традиции». В мае 2015 года пьеса будет показана на театральном фестивале в Москве.





http://denlit.ru/index.php?view=news&news_id=64

ЖИЗНЬ ЖУРНАЛОВ

Литературно-художественный и публицистический журнал «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» — Тула, 2014, № 2.

«Колонка главного редактора» посвящена двум «некруглым» юбилеям: 185-летию со дня рождения Л. Н. Толстого (2013 г.) и 215-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Автор показывает эволюцию поэта от «бунтаря до охранителя государственных устоев», этим самым выступая против навешивания на человека раз и навсегда определенных ярлыков. Своей работой он доказывает, что и народная мудрость не всегда права, в частности насчет пророков в своем отечестве.

19-й век явил нам двоих: Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, который «со своей яснополянской трибуны пытался предупредить людей о страшном грядущем, наставить их на путь истинный, при этом любя их, связывая свою судьбу с их жизнью».

Стихотворение А. С. Пушкина «Клеветникам России» и его же «Посвящение» из «Руслана и Людмилы» предваряют знаменитый очерк Ф. М. Достоевского «Пушкин».

В разделе «Крупный жанр: пьеса и поэма» читаем текст замечательного драматурга Р. Мусаева «Сретение» («Цвет надежды») о том, что знаменитые победы в Великой Отечественной войне стали возможны благодаря героизму таких подразделений, как 116-я отдельная морская стрелковая бригада. Но «как лихо мы умеем забывать», сокрушается автор. В этом же разделе продолжена публикация поэмы В. Резцова «Песня о Гришке Отрепьеве». Автор по-прежнему поражает читателя остротой своего слога и эрудицией.

«Современный русский рассказ» открывается интересными рассказами Р. Артамонова «Последнее свидание» и «Письмо на флэшке». Привлекают рассказы Л. Авдеевой о непростых женских судьбах. Жемчужиной же раздела поистине является рассказ талантливого прозаика и поэта В. Сапожникова «Дырка в голове». Порадовал образными и точными зарисовками-миниатюрами о птицах и животных С. Крестьянкин. Здесь же читаем неплохие произведения Л. Агадулиной и Р. Нарышкиной.

Представляет большой интерес текст беседы Л. Авдеевой с руководителем фракции ЛДПР В. В. Жириновским «Возвращение Крыма — это только начало!».

В разделе «Образы и тропы поэзии» вновь читаем замечательные стихи А. Хадарцева и полностью согласны с его поэтическим лозунгом-меморандумом: *«Нет больше в жизни бремени, Чем жить законом времени!»*. Актуально стихотворное переложение Игоря Лукьянова «Александр Невский»:

«...Где Европа — там всегда корысть. ...где Европа, там всегда гордыня. ...Но у народа на Святой Руси Всегда найдется Александр Невский...» Впечатляет вольный перевод со старославянского Натальи Квасниковой «Сказание о Борисе и Глебе». «Твои стихи должны вещать!» — пишет И. Мельников, и его талантливые стихи не только обогащают читателя прекрасными образами, но и, действительно, вещают. Хороши стихи А. Пережогина, В. Трусова и О. Севрюкова.

«И двоится в глазах, и за каждым кустом То кривится упырь, то сверкает казна...» — пишет Вячеслав Лобанов из Тольятти. О совести и прощении замечательный рассказ «Двадцать шестой» С. Лебедева из той же рубрики: «От Волги до Амура: Современная литература Поволжья и Сибири».

В «Литературной публицистике и краеведении» представляют интерес работы Г. Маркина «Крапивенская уездная полиция Тульской губернии», Н. Макарова «Они учились в Тульском суворовском» и Е. Серегиной «Истоки железной дороги Москва — Тула в исторических сведениях 1864 года».

Рубрика «Литературоведение, литературная критика, рецензии» богата статьями, посвященными юбилеям: «Парыгиной — 90!» (об известной писательнице Наталье Диомидовне Парыгиной) В. Куликова с фоторядом, созданным Я. Шафраном, и «Исполнилось пять лет премии «Левша» им. Н. С. Лескова». Я. Шафраном профессионально и с душой написано «О книгах И. Кедровой и Н. Квасниковой». Номер отличается замечательными трудами И. Кедровой «Встреча на Везере», И. Нехамеса «Звучит Ручьевская строка» и Д. Нифонтова и Т. Бельченкова «История одной песни».

В «Хронике литературной жизни» читаем: об опубликованной в «Дне литературы» (№ 12(206) 2013) статье Я. Шафрана «Сталин, созидание страны и состояние литературы» и в № 11(6454), 19—25 марта 2014 г. «Литературной газеты» интервью собкора «ЛГ» в США И. Тосунян с постоянным автором «Приокских зорь», бывшим туляком, известным поэтом, публицистом, критиком и литературоведом, автором многих известных советских песен В. Лазаревым (вспомните знаменитые «Березы»!). Ныне он живет в США. В той же рубрике — об опубликованном в облгазете «Тульская правда» за № 47(60) материале М. Баланюк о заслуженном архитекторе РСФСР П. М. Зайцеве, авторе многочисленных архитектурных проектов Тулы.

Там же читаем текст статьи в Википедии «Яшин, Алексей Афанасьевич».

В журнале приведены фотоотчеты о вручении дипломов литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и о творческих литературных мероприятиях Тулы и Тульской области.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ № 4, 2014



http://www.denlit.ru/index.php?view=news&news_id=66

ЖИЗНЬ ЖУРНАЛОВ

Литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» — Тула, 2014 — № 4.

Номер журнала посвящен 200-летию со д.р. великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. «Люблю отчизну я, но странною любовью!» — называется колонка гл. редактора. В ней речь идет о Лермонтове и истоках неконформизма в формировании русского критического реализма. Читатели могут вновь окунуться в прекрасную гражданскую поэзию, читая опубликованные в журнале лермонтовские стихотворения: «Смерть поэта», «Прощай, немытая Россия...», «Дума» и др.; полюбоваться фотографиями с его рисунков и картин. Здесь же читаем замечательные статьи И. Николаевой «Смерть и Лермонтов», Н. Квасниковой «Лермонтов в моей жизни» и М. Дзодзиковой «Суадагская легенда», стихи Л. Яшиной, А. Скаредова и В. Пахомова, посвященные великому поэту, повесть А. Коновалова «Жертва жребия земного».

В рубрике «Новороссия: глобализм в действии» приведен текст песни В. Высоцкого «Солдаты группы "Центр"». Когда ополченцы Донбасса шли в бой, они включали ее, стараясь донести до солдат противника, кто является духовными прародителями пославших их на войну. Боль за родную землю звучит в стихах умершего

на рабочем месте от разрыва сердца — не выдержало ежедневных в течение года обстрелов Донецка — И. Герасимова. Яркая сатира на события на Украине — в стихах В. Бояринова. Пламенные строки стихотворения Я. Брагина «Земля в дыму». Рассказы В. Сапожникова и И. Кедровой не оставляют равнодушными к кровоточащей ране Донбасса.

«Современный русский рассказ» богат именами и темами. Читаем замечательное произведение Г. Маркина о самом главном человеке на земле — хлеборобе; Я. Шафрана о том, что «одно дело — преодоление себя ради себя, но преодоление себя для других — «за други своя» — ...еще ценнее!». Здесь же рассказ прекрасного бытописателя А. Яшина, сказки Н. Макарова, основной смысл которых — «Кто-то красивее, кто-то больше, кто-то сильнее, но все по-своему приносят пользу людям, служат им»; интересный рассказ С. Норильского о поэте В. Лазареве и последнем секретаре Л. Толстого В. Булгакове, и хорошая проза Р. Артамонова и Ф. Ошевнева.

Как всегда не иссякает стихотворный родник в рубрике журнала «Образы и тропы поэзии», на сей раз представленной как на подбор замечательными поэтами А. Перреговым, С. Лебедевым, И. Мельниковым, И. Бороным, Г. Лялиной, В. Зайцевым и Л. Самойленко.

Глубиной проникновения в тему и большим фактологическим материалом отличаются работы В. Буланичева «Георгий Алексеевич и Виктория Викторовна Прибытковы. Люди Сибири» и З. Алешниковой (Красновой) «Воспоминания о далеком и близком» в «Публицистике и правде жизни».

Рубрика «Литературоведение, литературная критика, рецензии» на этот раз посвящена материалам всероссийской и международной дискуссии «Герой нашего времени» в оцифрованном человеконике», в которой активное участие приняли А. Субетто, Ф. Ошевнев, Я. Шафран, И. Кедрова, Л. Авдеева, В. Василенко, А. Шендаков, И. Рухович, В. Трусов и Р. Артамонов. Здесь же читаем «Поэзию солнечного света» Е. Трещева о сборнике избранных стихов В. Сапожникова и «Тайну Веры...» А. Сорокина о романе известного писателя А. Яшина «Административный восторг», а также «Слово — душа народа» — интервью с Л. Ханбековым — президентом Академии российской литературы.

В «Хронике литературной жизни» приведен список номеров «Приокских зорь» и книг членов редколлегии, содержащихся в каталоге Национальной библиотеки Израиля в Иерусалиме. Дмитрий Виноградов (Белоруссия) пишет, что журнал нравится «своей солидностью, добротным содержанием и, здесь уместно будет привести чисто человеческое качество, большой уверенностью». Яков Плинер, спикер Штаба защиты русских школ из Латвии с горечью говорит о продолжающемся наступлении на русское образование в Латвии. Пишут и из американского Сиэтла: «Журнал «Приокские зори» читают в Сиэтле многие русские читатели». В рубрике перепечатана статья об альманахе «Ковчег», выходящем в серии «Библиотека журнала «Приокские зори», включенная в электронную энциклопедию «Википедия» в светлые Пасхальные дни. Людмила Авдеева в письме-заметке о № 4, 2013 г. и № 2, 2014 г. «ПЗ» благодарит А. А. Яшина — гл. редактора: «Вы раскрываете новые грани и творческого, и исторического процесса, и заставляете возвращаться к чтению произведений, давно отложенных или казавшихся полностью изученными». В «Хронике...» сообщается, что в № 4, 2014 Независимого альманаха «Московский Парнас» опубликован материал Т. Шелепиной об алексинском «АЛЮ»; что 21 декабря 2014 г. исполнилось 135 лет со дня рождения И. В. Сталина. «...Не зря незомбированный пока еще в своем большинстве русский (и вообще — российский) человек, оглушенный всемирным движением звероподобного глобализма, повторяет в сердцах: «Сталина на вас нет!» Жур-

нал поздравляет с Юбилеем генералиссимуса всех, кто помнит отечественную историю и роль Сталина — создателя сверхдержавы СССР! «Приокские зори» в лице гл. редактора, редколлегии и редакции поздравляет Академию российской литературы с 10-летним и Независимое литературное агентство «Московский Парнас» с 15-летним юбилеями!



<http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>

На данном ресурсе, начиная с июля месяца 2015-го года размещается электронный вариант нашего журнала «Приокские зори». Только за несколько дней, как № 1, 2015 «ПЗ» появился на сайте, его скачали уже 35 человек.

Поздравляем наших авторов с еще одной возможностью продвижения своих произведений!

ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ

Белорусский литературный союз



[Главная](#)

[О нас](#) ▾

[Литературная учеба](#) ▾

[Катарсизм](#)

[Литературный свет](#) ▾

[Наши авторы](#)

[Новости](#)

Литературные новости — «Приокские зори» перешли на электронный вариант.

С нынешнего, 2015-го года литературно-публицистический журнал «Приокские зори» и его приложение — альманах «Ковчег» — перешли на электронную версию. Об этом нам сообщил член нашего союза, главный редактор журнала Алексей Афанасьевич Яшин. «Полоцкой ветви» в этом плане не повезло: именно с того самого, январского номера, который должен был представить «белорусский выпуск», бумажная версия издания перестала выходить. По просьбе наших коллег сообщаем, где можно теперь найти оба проекта и информацию о них. Успехов им в их трудах и заботах о судьбах русской и русскоязычной литератур!

Интернет-адрес журнала "Приокские зори"

<http://www.pz.tula.ru/>

и адрес его альманаха "Ковчег"

http://www.pz.tula.ru/b2014_2/b2014_2.pdf

Для желающих получить подробную информацию о журнале - она размещена в Википедии по адресу:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Приокские_зори

и такая же подробная информация о альманахе журнала "ПЗ" "Ковчег" размещена также в Википедии по адресу:

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Ковчег_\(альманах\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ковчег_(альманах))

Издательская деятельность

Слово писателя

Западная Двина

Литературный свет

Конкурсы и премии

ПРЕМИЯ ИМЕНИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО-2015 СТАРТОВАЛА

СЫГРАЕМ НА «СЛАВЯНСКОЙ ЛИРЕ»

«ЛИТЕРАТУРНАЯ КРОНА-2014» ПРОДЛИЛА СРОКИ

ФОРУМ «СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА-2014» НАГРАДИЛ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ВПЕРЕДИ — ФОРУМ "СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА" в Полоцке

Литературная критика

Уважаемые члены Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» и писатели-гости нашего сайта, начался приём произведений для участия в ТРЕТЬЕМ МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ «СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ-2011»!!!

Афиша

Международный литературный форум "Славянская лира-2014": программа есть!

СЪЕЗД ПРОШЁЛ. А В ПЛАНАХ – ФЕСТИВАЛЬ...

"ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ" СОБИРАЕТ ГОСТЕЙ... В ПОЛОЦКЕ

Актуальные новости

Четвёртый творческий турслёт в Корсаково пройдёт на стыке июля-августа

"СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА-2015": ПОБЕДИЛА ДРУЖБА

"Приокские зори" перешли на электронный вариант

«СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА»: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ!

Очередной съезд союза расставил точки над "i"

Архивы

СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА

Международный литературный конкурс



<http://slavlira2014.blog.tut.by/category/novosti-foruma/>

«СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА-2015»: ПОБЕДИЛА ДРУЖБА

Опубликовано 09.06.2015

Бытует мнение, что всякая мысль материальна. А мысль творческого человека, писателя, поэта — материальна вдвойне. В этом уже второй год подряд смогли убедиться участники Международного литературного форума «Славянская лира-2015». Со второго по пятое июня древний белорусский город Полоцк, стоящий на берегах Западной Двины, гостеприимно распахнул свои объятия для поэтов, прозаиков, драматургов, переводчиков, литературных критиков и литературоведов из семи стран мира.

Более сотни авторов из Армении, Беларуси, Великобритании, Казахстана, России, Украины, Финляндии на целых четыре дня почтили своим вниманием этот многокрасочный фестиваль. В рамках вереницы событий, предусмотренных программой форума, они ежедневно устраивали литературные «ристалища», провели круглый стол и литературную конференцию, дали ряд авторских вечеров и коллективных поэзоконцертов для горожан и гостей Полоцка, презентовали множество литературных журналов, альманахов и художественных книг, увидевших свет в нынешнем году, поделились информацией о дружественных «Славянской лире» литературных фестивалях из ближнего зарубежья, побывали на мастер-классах, проводившихся признанными мастерами слова...

Впрочем, обо всем по порядку. Началось все еще 31 мая, когда в древний город прибыл первый почетный гость форума, поэт, переводчик, член Союза писателей Москвы, заместитель главного редактора журнала «Литературные знакомства» **Григорий ПЕВЦОВ** из Москвы. Григория Дмитриевича, что называется с корабля на бал, тут же пригласили вместе с группой полоцких и новополоцких писателей в гостеприимную усадьбу в деревне Корсаково Ушачского района. Где высокого гостя ждала не только деревенская банька, но и хлебосольный стол со щедрым угощением и крепкими напитками. В сельской тиши в тот день звучали и стихи, и песни под гитару, и острые шутки с анекдотами. Вечером вся группа возвратилась обратно в город.

А уже первого июня полоцкая гостиница «Двина» и общежитие городской гимназии стали постепенно наполняться литераторами из Самары, Москвы, Киева, Владимира, Рязани, Смоленска, Вязьмы... О местных авторах и говорить нечего: они преобладали. Тут были и Минск, и Витебск, и Могилев, и Гомель, и Бобруйск, и Речица, и Молодечно, и Новополоцк, и Жабинка, и Мозырь, и Добруш с Осиповичами... Приезжие изучали город и маршруты передвижения к площадкам проведения предстоящего форума, узнавали, в каких номерах остановились такие же собраты по перу и спешили знакомиться, общаться, представлять свое творчество. А устроители, тем временем, завершали последние приготовления, уточняли детали всех запланированных акций, спешно готовили бэджи участников и конкурсантов, членов жюри и почетных гостей. Вечером в конференц-зале Городского Дома культуры состоялся авторский вечер Григория Певцова, на котором не только звучали стихи автора, но и замечательное исполнение им песен советского поэта, актера, автора-исполнителя песен, автора прозаических произведений Владимира Высоцкого и выдающегося русского и советского эстрадного артиста, киноактера, композитора, поэта, певца, кумира эстрады первой половины XX века Александра Вертинского.

А уж в первое утро форума, **2 июня**, местный вокзал и обменный пункт еще плотнее «оккупировали» приезжие писатели. Организаторы встретили членов жюри, почетных гостей и конкурсантов из Астаны, Еревана, Лондона, Хельсинки. К ранее перечисленным российским и украинским городам добавились Херсон, Симфиро-

поль, Белая Церковь, Орел, Львов, Калининград, Советск, Отрадный, и даже много-страдальное Дебальцево.

На перрон сошли и были сразу же тепло встречены члены жюри прозаик, драматург, киноактер, заслуженный работник культуры России, заместитель председателя Международного сообщества писательских союзов **Юрий КОНОПЛЯНИКОВ** (Москва), член Национального Союза Писателей Украины, корреспондент газеты «Зеркало Недели», руководитель литературной студии «Писатель в интернет-пространстве», лауреат литературных премий им. В. Сосюры и Т. Снежиной, администратор сайта <http://www.pisateli.co.ua/>, поэтесса, прозаик **Наталья ВАРЕНИК** (Украина, Белая церковь), писатель, поэт, журналист, публицист-международник, переводчик, член Европейского конгресса литераторов, Союза журналистов Казахстана, ряда редакционных советов СМИ Казахстана, ВАТН (Всемирная Ассамблея Тюркских Народов), академик Международной Евразийской Академии телевидения, радио и печатных СМИ **Бахитхожа РУСТЕМОВ** (Астана), широко известный по кинофильмам «Любовь-Морковь», «Елки», «Выше неба», «Юленька», «Семин», «Смертельная схватка» и др., член ПЭН-центра, член Совета Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», белорусский драматург и киносценарист **Андрей КУРЕЙЧИК** (Минск), поэт, критик, публицист, член Союза писателей России, Южнорусского союза писателей, Конгресса Литераторов Украины, Национального Союза писателей Украины, Союза русских, украинских и белорусских писателей Крыма **Марина МАТВЕЕВА** (Симферополь), поэт, литературный критик, председатель Киевского городского отделения Конгресса литераторов Украины и Межрегионального Союза писателей Украины **Олег ФЕДОРОВ** (Киев), поэт, литературный критик, член Совета Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», член Белорусского союза литературно-художественных критиков, доктор философских наук, профессор **Вадим САЛЕЕВ** (Минск), писатель, публицист, переводчик, член Координационного совета Российского союза профессиональных литераторов, член Союза писателей России, член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» **Людмила САЛТЫКОВА** (Рязань), кандидат филологических наук, литературный критик и литературовед, доцент кафедры управления и развития технологий образования ГУО «Гомельский областной институт развития образования» **Людмила ТОЛЧИКОВА** (Гомель). В то же время вместе с жюри прибыли и почетные гости второго Международного литературного форума «Славянская лира-2015», а это прозаик, поэт, переводчица, продюсер, координатор по связям с соотечественниками и член правления Объединения русскоязычных литераторов Финляндии, Член МГО Союза писателей России, Лауреат премии имени А. П. Чехова, Трижды лауреат Всефинляндского русскоязычного литературного конкурса (в номинации «Проза»), лауреат ряда других литературных конкурсов **Ольга СВАНБЕРГ** (Хельсинки) и популярная белорусская писательница **Наталья БАТРАКОВА** (Минск). Остальные «подтянулись» чуть позднее.

А приезжих, тем временем, уже поджидали члены жюри и, одновременно, Оргкомитета форума, писатель, литературный критик и литературовед, председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», главный редактор газеты «Слово писателя», действительный член Крымской литературной академии, председатель Ревизионной комиссии Международного сообщества писательских союзов **Олег ЗАЙЦЕВ** (Минск), литературовед, критик, переводчик, поэт, доктор филологических наук, профессор, секретарь Секции художественного перевода Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» **Александр ГУГНИН** (Новополоцк), писатель, литературный критик, переводчик, зам. председателя Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» и его почетный председатель, член правления Европейского конгресса литераторов **Александр РАТКЕВИЧ** (Полоцк).

Первым делом всех прибывших участников форума зарегистрировали и обеспечили программками, фирменными значками «Славянской лиры». В Полоцком районном доме культуры гостей встречали юные полочанки с подносами полными печенья и конфет, которыми гостеприимно угощали всех форумчан. Там же, в фойе РДК, приехавшие получили возможность изучить литературу и сувениры, любезно представленные импровизированной книжной лавкой магазина «Светоч» и пообщаться с представителем типографии «Сегмент», выступившей спонсором итогового альманаха «Славянской лиры-2014». А уже через час после начала регистрации «славлировцев» усадили в автобусы и повезли на обзорную экскурсию по Полоцку. За три с половиной часа им успели показать Музей книгопечатания и библиотеку Симеона Полоцкого в здании бывшей Братской школы, Полоцкую картинную галерею с картинами, скульптурами, древними фресками 16-19 веков, Полоцкий Спасо-Евфросиньевский монастырь, рассказать о встретившихся на пути автобуса памятниках Всеславу Чародею, Евфросинии Полоцкой, о Красном мосте и Вале Ивана Грозного...

Возвратившись и отобедав, все форумчане снова собрались в РДК. На этот раз, чтобы стать участниками торжественного открытия «Славянской лиры-2015» и концерта местной художественной самодеятельности по этому случаю. Перед гостями старинного Полоцка, между тем, выступили различные народные и образцовые вокальные и танцевальные коллективы, вокально-инструментальные группы. Но открыл второй форум председатель Жюри открытого заочного литературного конкурса, который проходил в период с 1 февраля по 30 апреля и предварял сам форум, позволяя пригласить на него сильнейших авторов, которые вышли в финал по пяти конкурсным номинациям, Андрей Курейчик. Андрей Владимирович отметил большую значимость «Славянской лиры» для всей литературной жизни не только Полоцка, но и всей страны. После него на сцену поднялся заместитель председателя Полоцкого райисполкома **Петр ПЕТКЕВИЧ**. Он зачитал приветственное послание участникам форума от лица руководства Полоцкого районного исполнительного комитета. Следом за ним собравшихся также приветствовали Юрий Коноплянников, Олег Зайцев, Наталья Вареник, Марина Матвеева, Бахитхожа Рустемов, Людмила Салтыкова, Наталья Батракова, Ольга Сванберг. Завершил выступления жюри и почетных гостей поэт и переводчик **Гурген КАРАПЕТЯН** из Еревана, прочитавший свои стихи.

Сразу после торжественной части всех участников фестиваля захватили страсти по конкурсу на приз зрительских симпатий в главной номинации **«Поэзия. Свободная тематика»**. За призовые места вышли бороться сразу тринадцать финалистов, то есть больше четырех авторов претендовало на одно призовое место. И надо отметить, сильных поэтов, умеющих не только красиво написать, но и красиво преподнести свои произведения. В результате «ожесточенной борьбы» в лидерах оказались **Александр МОРОЗОВ** (г. Дебальцево, Украина), забравший первое место, получившая второе место **Тамара КОВАЛЕВА** (г. Новополоцк, Беларусь) и замкнувшая тройку победителей витебчанка **Людмила САВЧЕНКО**.

А сразу вслед за конкурсом «славлировцы» получили возможность выступить в рамках тематического вечера **«70-летию Великой Победы посвящается!»**. В ходе выступления звучали стихи, посвященные Великой Отечественной Войне, тому славному героическому прошлому, через которое достойно прошли наши деды и бабушки, как на передовой, так и в тылу. Свои произведения получили возможность прочесть и белорусы, и россияне, и украинцы, и представители других стран.

После непродолжительного перерыва все участники фестиваля вновь собрались в Районном центре культуры, чтобы «скрестить шпаги», но теперь уже на приз зрительских симпатий в номинации **«Сатира и юмор»**. И вновь первый приз забрали

украинские коллеги — он достался все тому же **Александру Морозову**, который блестяще преподнес свое стихотворение залу. «Дыша ему в затылок», на второе место вырвался минчанин **Александр КЛЮЧНИКОВ**, покоривший зал своими искрометными четверостишиями и двустишиями, от которого зал буквально захлебывался в хохоте. А вот обладателем третьего места форумчане по праву наделили **Наталью ТОЛБАТОВУ** из города Смоленска (Россия).

Вслед за конкурсом прошел творческий вечер Юрия Коноплянникова. В ходе вечера Юрий Викторович не только продемонстрировал форумчанам фрагменты недавних художественных кинолент, в которых он снимался, но и прочел миниатюры, посвященные различного рода смешным и курьезным случаям из жизни известных поэтов и прозаиков России. Весь день в РДК работала книжная выставка-ярмарка, в ходе которой всякий желающий мог приобрести книги не только белорусских авторов, но и книги иностранных участников форума «Славянская лира-2015».

Второй день форума, 3 июня, стартовал с конкурса среди форумчан на приз зрительских симпатий в номинации «Художественный перевод». По решению присутствовавших на конкурсе болельщиков и с согласия самих финалистов вместе с ними на сцену вышли также и авторы, попавшие в лонг-лист. И в зал потекли переводы на русский, английский, украинский, армянский языки с белорусского, французского, украинского, русского, болгарского и других языков мира... И здесь вперед вырвался со своими блестящими переводами **Гурген Карапетян** (псевдоним Гурген БАРЕНЦ) из Армении, по праву получивший первое место. А вот второе зал практически единогласно отдал поэте и переводчику из Херсона, украинке **Людмиле КРЫЖАНОВСКОЙ**, великолепно переведшей белорусских классиков (Максима Богдановича и Янку Купалу) на свой родной язык. И исполнила эти переводы она так же замечательно, как и создала. Ну, а третье место, также по праву сильнейшего, увезла с собой в Смоленск **Любовь СЕРДЕЧНАЯ**.

После этого всех участников форума несколькими группами доставили в конференц-зал местного корпуса Полоцкого государственного университета, размещенного в старинном комплексе зданий бывшего Кадетского корпуса, а до этого — Иезуитского коллегиума. Именно там, в стенах университета, насквозь «пропитанных» историей и ученостью прошла **Международная литературная конференция «Русский мир: особенности современного литературного процесса»**. В ходе научного мероприятия в зале прозвучало одиннадцать докладов и состоялись дискуссии по каждому из них. В числе выступивших были Гурген Карапетян с докладом «Вчера, сегодня и завтра современной русскоязычной литературы Армении», Марина Матвеева с докладом-сообщением «Web-притяжение крымской поэзии и бардовский видеомост», Людмила Салтыкова с докладом «К проблеме поэтических переводов с близкородственных языков», поэтесса, публицист, переводчик **Ольга ХАРЛАМОВА** из Москвы с докладом-эссе «У лукоморья дуб зеленый...», критик, литературовед, краевед, прозаик, секретарь Секции литературной критики и литературоведения Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» **Юрий КЛЕВАНЕЦ** из Осиповичей с обзорным докладом «Литература эпохи перемен эпох: обзор литературных журналов России, Украины, Беларуси», Ольга Сванберг из Хельсинки с докладом «Русскоязычная литература Финляндии: взгляд изнутри». Звучали также литературные исследования Лолы Звонаревой, Анатолия Трофимова и других. И завершила конференцию своим докладом поэт, литературовед **Ольга НЕНАРАДОВА (Бакунович)** из Полоцка «Славянская душа в поэзии классиков и современников». Вокруг некоторых докладов развернулась нешуточная полемика, которая грозила перерасти в диспут. И только жесткая воля организаторов позволила вернуть конференцию в продуктивное русло.

А после обеда того же дня участники форума вновь встретились в доме культуры: на этот раз, чтобы провести среди финалистов форума конкурс на приз зрительских симпатий в номинации **«Малая проза»**. На сцену поднялись девять прозаиков, которым предстояло побороться за три призовых места. Слушателей в зале очень тронула проза большинства из состязавшихся. Однако, в конце концов, победные места распределились следующим образом: «золото» увезла с собой в Рязань **Лидия ТЕРЕХИНА** с рассказом о голодающих блокадниках, которых откармливали всей деревней сердобольные земляки. «Серебро» досталось **Сергею КИРИЛЛОВУ** из города Советск Калининградской области, описавшему историю про то, как один из охотников долго, рискуя собственным здоровьем и даже жизнью, шел по пятам лоса-подранка, поскольку не мог и не хотел стать нерукопожатным в родном поселке. А вот с «бронзой» управился **Олег КУИМОВ** (д. Мильково, Московская обл., Россия), описавший ситуацию с двумя советскими мальчиками, подравшимися с группой немецких сверстников еще в годы пребывания ограниченного контингента советских войск в Германии. И поводом к которой послужили как несправедливость в отношении к младшему, так и вспыхнувшая в ходе борьбы за справедливость обида за награды своих предков, воевавших с фашистами.

Самые горячие «баталии» развернулись после конкурса прозы, но уже вокруг наиболее многочисленного по количеству участников блиц-состязанию **«Турнир поэтов»**. И в этом году на одно-единственное место претендовало сразу четыре десятка участников из четырех стран мира — Армении, Беларуси, России и Украины. Тон стихоборью задавали наиболее зрелищные, театрализованные и технически безупречно скроенные декламации авторами своих поэтических произведений. Вот где царицей конкурса были мимика и жесты, пантомима и энергетика, ну и, разумеется, творческий профессионализм, художественное и жанровой совершенство, интеллектуальный уровень стихов. Все это — при строгом соблюдении регламента. В результате двухчасового «марафона» победителем «Турнира поэтов» стала дама. А именно — ранее упоминаемая уже **Любовь СЕРДЕЧНАЯ** из Смоленска. Кстати, в числе конкурсантов этого года была и подрастающая смена: аплодисменты зала сорвала семилетняя **Руслана ШУХАНКОВА**, дочь двух новополюцких поэтов, под занавес турнира также прочитавшая собственное стихотворение.

Следующим пунктом программы форума стала встреча с Андреем Курейчиком, который провел свой авторский вечер, где поведал о кинематографическом процессе в стране и ближнем зарубежье, рассказал несколько интересных эпизодов, возникавших в ходе съемок самых кассовых фильмов по его сценариям, поделился мыслями о состоянии современной драматургии в Беларуси и за границей...

Перед ужином форумчанам презентовали итоговый альманах прошлогоднего форума с одноименным названием **«Славянская лира-2014»**. На сцену были приглашены победители того фестиваля, которые получили возможность познакомить зал со своими произведениями. В частности, стихи и прозу прочли Олег Куимов, Дмитрий Юртаев, Людмила Крыжановская, Рита Круглякова, Алексей Бандорин, Александр Ключников и Олег Сешко. Презентацию вели составители альманаха Олег Зайцев и Александр Раткевич.

А сразу после ужина все «славлировцы» и другие любители творчества переместились в актовый зал Центральной районной библиотеки, где прошел литературно-музыкальный вечер поэтов Любви Сердечной и Леонида Волкова. Более часа держали они в приятном напряжении аудиторию своим замечательным исполнительским мастерством и интригующим репертуаром. Особенно собравшимся понравилось выступление смолянки Л. Сердечной, каждое исполнение которой зал приветст-

вовал аплодисментами, а под конец не хотел отпускать. А завершили второй день фестиваля мастер-классы по стихосложению, художественной прозе и литературному переводу.

4 июня, то есть третий день форума «Славянская лира-2015» начался с конкурса среди финалистов форума на приз зрительских симпатий в номинации «Драматургия». Впрочем, из-за малочисленности приехавших претендентов результат этого состязания для них оказался практически прогнозируемым. Так, первое место досталось **Олегу СЕШКО** из Витебска, второе — **Геorgию ПАНКРАТОВУ** из Москвы, третье — также москвичке **Галине СТЕЦЕНКО**. Конкурс завершился даже раньше отведенного на него времени. Что позволило форумчанам выкроить время на то, чтобы из РДК добраться на микроавтобусе до Национального полоцкого историко-культурного музея-заповедника, в котором они побывали в ходе экскурсии еще в первый день. Но теперь «славировцы» встретились в конференц-зале за **круглым столом на тему «Литература сегодня: насущная необходимость, хобби, дань моде или традиция?»**.

Тон круглому столу задали его модераторы Олег Зайцев и Александр Раткевич, которые сразу же вбросили провокационные «постулаты» о том, что у нынешней литературы практически нет шансов на выживание, а писатель так и останется «неучтенной» единицей в социуме. Эти тезисы подхватил и по-своему расширил Андрей Курейчик, высказавшийся в том смысле, что писательство с приходом интернета непременно трансформируется. Правда, пока неясно во что. Однако поэтов и прозаиков, в отличие от тех же драматургов и киносценаристов, ожидают еще более сложные времена. Юрий Конопляников призвал в связи с этим к еще более тесному объединению под знаменами профессиональных писательских союзов. Чтобы потом сообщать отстаивать свои интересы. Ведь именно такие вот союзы и двигают литературный процесс, проводя подобные форумы, фестивали, учреждая литературные конкурсы и премии и т.п. Ему возразил **Алексей БАНДОРИН** из Рязани в том ключе, что проблема объединения сегодня состоит в том, что каждый видит себя на месте Ганичева (*нынешний председатель СП России*). Все литераторы разбежались по своим углам, где превратились в местных, удельных «князьков». Утрачен дух Союза писателей СССР. Пока не сменится поколение, не вырастет новая плеяда манкуртов, готовых безропотно обслуживать власть предрежащих, последней будет не с руки финансировать возрождение литературы и высокого статуса писателя. Тему «духа» в литературе продолжил профессор Вадим Салеев из Минска, который заговорил об утрате критериев эстетической оценки произведений. Он напомнил о давней полемике на этот счет в газете «Наша Нива», поднятой Вацлавом Ластовским и Янкой Купалой. В которой первый обвинил всю белорусскую литературу в «местечковости», в заикливости на внутренних темах. А второй возразил ему: «Не до красоты, когда хата горит!» **Алексей ГУШАН** из Подмоскoвья заговорил о проблеме переориентации русской литературы европейской, и даже во многом подражание последней. Писательство, как профессия, уходит перерастает в полупрофессиональное хобби. Писатель должен нести служение слову, а культура, вместе с литературой, «отпочковалась» от культа, от веры, от религии. Отсюда и все проблемы «бездущия» литературных потуг нынешних писателей. Однако в Московском областном объединении СП России для молодых писателей делается очень много. Наталья Вареник, возвращающая всех в русло заявленной темы, рассказала, что благодаря ведомому ею сайту «Писатель в интернет-пространстве» она в курсе событий, происходящих в литературной жизни Грузии, где у писательского союза отобрали их Дом творчества и продали коммерсантам. В курсе, что подобная попытка уже неоднократно предпринима-

лась в отношении Дома литераторов Национального союза писателей Украины. В курсе, что ситуация имеет «зеркальное» отражение с писательским Домом на Комсомольской улице, принадлежащим Союзу писателей России. Что своего писательского «гнезда» лишился Союз белорусских писателей, а Союз писателей Беларуси владеет им лишь на правах аренды. Бахыт Рустемов рассказал, что занимается пропагандой своей страны, служит «негласным» послом дружбы Казахстана с другими странами, другими народами, другими литературами. Что творческому человеку вообще тяжело быть понятым не только окружающим его обществом, но даже близкими, родными людьми. Вот жена его, отца пятерых детей, постоянно упрекает, что он много средств тратит на литературную деятельность, на книги, на поездки. А он, воспитанный в духе советской школы, советских времен, иначе своей жизни и не мыслит. **Лариса ЗУБАКОВА** из Москвы поправила своего коллегу, Алексея Гушана в том смысле, что речь надо вести не о служении слову, а о служении словом. И в качестве примера процитировала то же стихотворение Бориса Пастернака. Рита Круглякова из Мозыря заговорила о критериях качества. А Наталья Батракова попыталась напомнить всем собравшимся, чтобы в пылу полемики о писательстве и писателях они не забывали о самом главном — о читателе. И призвала следовать его вкусам и пристрастиям, чем еще больше подлила масла в огонь. Олег Федоров заметил при этом, что большое значение имеет форматность в литературе. У кого-то получается вести за собой читателя, а у кого-то плестись за ним. И вспомнил о таланте Алеся Бузины, о бывшем у него умении создавать пиар вокруг своего имени. Недавнюю трагическую гибель упомянутого автора писатели тут же почтили минутой молчания. Неожиданной и довольно нестандартной стала реплика Людмилы Крыжановской, приведшей опыт Петра Петровича Гаряева о клетках, реакцию которых проверяли на словесный поток. И тут же привела параллель с лечением, с «врачеванием» словом. Рассказав, как она и другие творческие люди с помощью художественного слова помогают раскрыться, вывести из замкнутости, пойти на контакт с социумом детей-инвалидов, страдающих аутизмом. Ольга Сванберг рассказала о ситуации с писательским статусом в Финляндии. И уточнила, что не стоит обольщаться по поводу полной демократии в западных странах. Рассказав о своей инициативе провести вечер, посвященный окончанию Второй Мировой войны и встретивший решительный отпор местной администрации. Которая придала этой инициативе странную политическую окраску (как известно, Финляндия четыре года войны воевала на стороне Германии, и только 19 сентября 1944 года вышла из нацистского блока «оси»). Людмила Салтыкова затронула тему местного финансирования литературных проектов, а **Сергей КИРИЛЛОВ** из города Советск Калининградской области завел речь об угрозе графомании и борьбе с ее носителями. О том, что своеобразным «фильтром» против графоманов могут и должны служить писательские союзы. Тем более, что сегодня любой, имеющий деньги, может издать две книги и с ними вступить в творческий союз. Даже был высказан некий упрек в адрес Союза писателей России об ослаблении планки требований к приему новичков. Вместе с тем, Александр Раткевич привел пример того, что необязательно смотреть на наличие книг, чтобы вычленить талантливую автора, сославшись на известного белорусского писателя-классика Владимира Короткевича, которого в свое время приняли в Союз писателей Беларуси по двум стихотворениям. А Марина Матвеева вторила ему, поведав собравшимся историю о заурядном в литературном плане местном банкире из «Приват-Банка», который за счет своих капиталов не просто издал несколько книг, но и был обласкан крымской литературной общественностью и длительное время руководил крымским отделением НСПУ (речь, вероятно, шла о Борисе Финкельштейне и его сборнике

рассказов «Мир вокруг меня», изданном сразу на трех языках). Она же рассказала о литературных фестивалях в Крыму и уровне участвующих в них авторах, подвергнув эти мероприятия резкой критике. А Ольга Харламова, подводя своеобразный итог круглому столу, высказала недоумение по поводу такой боязни графоманов. Пусть себе творят, пусть будут графоманы. Разве вам жалко, что кто-то что-то издает за свои деньги, ведь все равно ничего из написанного ими профессионалы-издатели никогда за свой счет не издадут, а книготорговцы — не продадут. Как говорится, чем бы дите не тешилось... На этой мажорной ноте участники форума вынуждены были закончить обсуждение, так как время проведения круглого стола подошло к концу.

После перерыва на обед участники фестиваля встретились на открытой площадке у памятника известному деятелю восточнославянской культуры, духовному писателю, богослову, поэту, драматургу, переводчику, монаху-базилианину, придворному астрологу Симеону Полоцкому, где прошел «Литературный салют Полоцку и Беларуси!». В рамках поэтических чтений и музыкально-танцевальных номеров получили возможность прочесть свои стихи, как члены жюри и почетные гости, так и многие финалисты «Славянской лиры-2015».

Сразу вслед за выступлением на открытой площадке форумчане отправились в РДК, где состоялись презентации ряда авторских книг, вышедших в нынешнем году. В частности, книги Н. Вареник «Синдром энергодефицита: битва за будущее», В. Салеева «Два лучика света», а также журналов «Иные Берега» (Финляндия), «Приокские зори» (Тула), «Берега» (Калининград), альманахов «Под небом рязанским», «Параллели» (Самара) и др.

После перерыва на ужин все участники форума «Славянская лира» снова собрались на базовой площадке этого мероприятия. Первой выступила заместитель начальника Отдела идеологии, культуры и по делам молодежи Полоцкого райисполкома Наталья ГАНЕБНАЯ, которая принесла форумчанам радостный сюрприз. Оказывается, по решению Полоцкого райисполкома **учреждена ежегодная Полоцкая литературная премия имени Евфросинии Полоцкой**. В конкурсе на соискание премии могут принимать участие опубликованные в течение года произведения художественной и художественно-публицистической литературы различных жанровых форм (роман, повесть, пьеса, книга стихов или сборник рассказов, публицистики и др.). Специальная конкурсная комиссия информирует о старте кампании по выдвижению номинантов на премию, ведет сбор предложений по соискателям, готовит предложение по составу конкурсной комиссии, проводит церемонию награждения и выполняет иную организационную работу, связанную с организацией и вручением данной премии. Выдвижение соискателей на премию осуществляют писательские организации, литературные объединения, библиотеки, музеи, редакции литературно-художественных изданий и других средств массовой информации, книжные издательства, учебные заведения и другие организации. Литературная премия состоит из памятного приза и диплома лауреата премии. Вручение премии организуется как торжественный публичный акт ежегодно в рамках проведения праздничных мероприятий, посвященных Дню города Полоцка.

После речи представителя райисполкома, которая была встречена бурными аплодисментами собравшихся, в торжественной обстановке была организована церемония награждения победителей форума по версиям жюри и зрительским симпатиям, а также победителя «Турнира поэтов». На сцену поочередно приглашались победители по версии жюри в номинации **«ПОЭЗИЯ. СВОБОДНАЯ ТЕМАТИКА» МОРОЗОВ Александр** (1-е место), **МИЛОВ Александр** (2-е место, г. Речица), **ГУШАН Алексей** (3-е место, п. Малаховка, Люберецкий р-н, Московская обл., Россия), которым

под звуки фанфар торжественно вручали дипломы и ценные подарки. Затем на подмостки вызвали призеров в номинации «**МАЛАЯ ПРОЗА**» по версии жюри **МОСКАЛЕВА Виталия** (1-е место, г. Полоцк), **ТЕРЕХИНУ Лидию** (2-е место), **КУИМОВА Олега** (3-е место). После них наступила очередь аплодировать победителям в номинации «**САТИРА и ЮМОР**» по версии коллегиального органа **КЛЮЧНИКОВУ Александру** (1-е место), **ВОРОНИНУ Дмитрию** (2-е место, г. Калининград, Россия), **СЕШКО Олегу** (3-е место). Наконец дошла очередь до награждения обладателей призовых мест в номинации «**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД**» по мнению жюри **КРЫЖАНОВСКОЙ Людмилы** (1-е место), **КАРАПЕТЯНА Гургена** (2-е место) и **СЕРДЕЧНОЙ Любви** (3-е место). А завершили выход победителей по версии компетентного жюри обладатели «золота», «серебра» и «бронзы» в номинации «**ДРАМАТУРГИЯ**» — **СЕШКО Олег** (1-е место), **СТЕЦЕНКО Галина** (2-е место) и **ЛЕОНТЬЕВ Владимир** (3-е место, Бобруйск).

Параллельно с ними на сцену выходили победители в тех же номинациях на приз зрительских симпатий. Зачастую, как видите, это были одни и те же авторы. Так что мнения жюри и участников форума неоднократно пересекались. Затем на сцену была приглашена для награждения победительница «**Турнира поэтов**» **Любовь СЕРДЕЧНАЯ**. А далее пошла очередь финалистов, участников форума, которым тоже достались дипломы. Завершило церемонию награждения вручение почетных грамот, благодарственных писем и ценных подарков членам жюри и почетным гостям. И не только от лица Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» и Полоцкого райисполкома, но и от лица других писательских организаций-соучредителей фестиваля. Например, Олегу Зайцеву от казахского друга и члена жюри был подарен настоящий казахский национальный костюм, так называемый «чабанский набор». Это островерхий войлочный головной убор, напоминающий шапки древних скифов и саков под названием мурак или ай-ыркалпак, расписанный узорным орнаментом, а также мужской камзол или войлочный халат, называемый бешмет. А еще вручено благодарственное письмо. Были также дипломы и грамоты от Международного сообщества писательских союзов, Российского союза профессиональных литераторов, Конгресса литераторов Украины и Межрегионального союза писателей Украины.

Напомню, что обладатели первых мест во всех номинациях по решению жюри получили от организаторов планшетные компьютеры, обладатели вторых мест по решению того же коллегиального органа получили подарочные блокноты в старинных кожаных переплетках, а обладатели третьих мест стали владельцами инкрустированных тарелок с пейзажами древнего Полоцка. Разумеется, что к этим подаркам прилагались и наборы книг. Такие же наборы книг получили победители на приз зрительских симпатий.

Завершился третий день форума мастер-классами по стихосложению, художественной прозе и литературному переводу.

Четвертый, постфорумный день, который проходил, как «День открытых дверей» Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» в конференц-зале Городского дома культуры, длился уже в гораздо более спокойной обстановке и включал в себя утреннюю пешеходную историко-литературную экскурсию по центру древней столицы белорусских земель, которую любезно организовала для форумчан полоцкая поэтесса и экскурсовод **Наталья ЛИТВИНОВА**. А также оставшиеся на этот день участники «Славянской лиры-2015» смогли побывать на персональных вечерах членов жюри Натальи **ВАРЕНИК**, Олега **ЗАЙЦЕВА**, Марины **МАТВЕЕВОЙ**, Александра **РАТКЕВИЧА**, Бахыта **РУСТЕМОВА**, Александра **ГУГНИНА**, Людмилы **САЛТЫКОВОЙ**, Олега **ФЕДОРОВА**, почетного гостя Ольги **СВАНБЕРГ**. В перерыве между этими выступлениями состоялись презентации дружественных литературных фести-

валей «ИнтеРеальность», в ходе которой ее устроители Олег Федоров и Елена ДОРОГАН-СУЩЕВА устроили выездную церемонию награждения победителей этого замечательного фестиваля, а также крымского фестиваля «Славянские традиции», которую провели Александр Раткевич и Наталья Вареник. В заключение постфорумного дня «Славянской лиры-2015» были организованы литературно-музыкальные выступления форумчан — соло на гитаре Любви Сердечной и дуэта на пианино Леониды Волкова в паре с Натальей Четвериковой. После этого все оставшиеся «славянолюбы» дружной компанией продолжили общение в неформальной обстановке.

P.S. Пользуясь случаем, Оргкомитет и учредитель форума — Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» — хотят поблагодарить за финансовую и организационную помощь в проведении второго Международного литературного форума «Славянская лира-2015» **Полоцкий районный исполнительный комитет** (и персонально **ПЕТКЕВИЧА Петра Мефодьевича**, **АСТАПОВУ Елену Александровну**, **СТУПАКОВУ Олеся Александровну**), **Представительство РОССОТРУДНИЧЕСТВА в Республике Беларусь** (Российский центр науки и культуры в Минске) в лице и.о. председателя **МИЧУРИНА Виктора Львовича**, **Международное Сообщество Писательских Союзов** в лице его председателя **Ивана Ивановича ПЕРЕВЕРЗИНА**, и персонально полоцкого бизнесмена **ХВЕЖЕНКО Олега Федоровича**, депутата Палаты Представителей, заместителя председателя Постоянной комиссии по здравоохранению, физической культуре, семейной и молодежной политике **ДЕВЯТОВСКОГО Вадима Анатольевича**, писателя, публициста и общественного деятеля **Андрея Евгеньевича ГЕРАЩЕНКО**.

Рубрика: НОВОСТИ | Метки: «Полоцкая ветвь», Беларусь литературная, Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», благотворительная помощь, конференции литературные, круглые столы по литературе, литературная жизнь, литературные конкурсы, литературные новости, литературные события, литературный туризм, международные литературные конкурсы, Международные литературные связи, международные литературные фестивали, международные литературные форумы, Международный литературный фестиваль «Славянская лира», Международный литературный форум «Славянская лира», меценатство, пожертвования на литературу, семинары литературные, Славянская Лира, Славянская лира — 2015 | Прокомментируйте?

«СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА-2015» НАГРАДИЛА ДОСТОЙНЫХ

Опубликовано **06.06.2015**

5 июня завершил свою работу второй Международный литературный форум «Славянская лира-2015». Оргкомитет и устроители этого масштабного творческого мероприятия еще продолжают подводить его итоги и оценивать результаты. Однако уже сегодня есть возможность предъявить широкой общественности имена тех, кто, по мнению компетентного жюри, а также по мнению зрителей стал украшением нынешнего фестиваля.

Итак, победителями Международного литературного форума «Славянская лира-2015»

по решению Жюри во всех номинациях стали:

в номинации «ПОЭЗИЯ. СВОБОДНАЯ ТЕМАТИКА»

1-е место **МОРОЗОВ Александр Иванович** (г. Дебальцево, Украина)

2-е место **МИЛОВ Александр Федорович** (г. Речица, Беларусь)

3-е место **ГУШАН Алексей Николаевич** (п. Малаховка, Люберецкий р-н, Московская обл., Россия)

в номинации «МАЛАЯ ПРОЗА»

- 1-е место *МОСКАЛЕВ Виталий Иванович* (г. Полоцк, Беларусь)
- 2-е место *ТЕРЕХИНА Лидия Серафимовна* (Рязань, Россия)
- 3-е место *КУИМОВ Олег Владимирович* (д. Мильково, Московская обл., Россия)

в номинации «САТИРА и ЮМОР»

- 1-е место *КЛЮЧНИКОВ Александр Иванович* (г. Минск, Беларусь)
- 2-е место *ВОРОНИН Дмитрий Павлович* (Калининград, Россия)
- 3-е место *СЕШКО Олег Витальевич* (Витебск, Беларусь)

в номинации «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД»

- 1-е место *КРЫЖАНОВСКАЯ Людмила Николаевна* (г. Херсон, Украина)
- 2-е место *КАРАПЕТЯН Гурген Сергеевич* (Ереван, Армения)
- 3-е место *СЕРДЕЧНАЯ Любовь Сергеевна* (Смоленск, Россия)

в номинации «ДРАМАТУРГИЯ»

- 1-е место *СЕШКО Олег Витальевич* (Витебск, Беларусь)
 - 2-е место *СТЕЦЕНКО Галина Георгиевна* (Москва, Россия)
 - 3-е место *ЛЕОНТЬЕВ Владимир Иванович (Богдан Лема)* (Бобруйск, Беларусь)
- по решению зрителей (приз зрительских симпатий) во всех номинациях стали:*

в номинации «ПОЭЗИЯ. СВОБОДНАЯ ТЕМАТИКА»

- 1-е место *МОРОЗОВ Александр Иванович* (г. Дебальцево, Украина)
- 2-е место *КОВАЛЕВА Тамара Ивановна* (г. Новополоцк, Беларусь)
- 3-е место *САВЧЕНКО Людмила Яковлевна* (г. Витебск, Беларусь)

в номинации «МАЛАЯ ПРОЗА»

- 1-е место *ТЕРЕХИНА Лидия Серафимовна* (Рязань, Россия)
- 2-е место *КИРИЛЛОВ Сергей Яковлевич* (г. Советск, Калининградская обл., Россия)
- 3-е место *КУИМОВ Олег Владимирович* (д. Мильково, Московская обл., Россия)

в номинации «САТИРА и ЮМОР»

- 1-е место *МОРОЗОВ Александр Иванович* (г. Дебальцево, Украина)
- 2-е место *КЛЮЧНИКОВ Александр Иванович* (г. Минск, Беларусь)
- 3-е место *ТОЛБАТОВА Наталия Владимировна* (Смоленск, Россия)

в номинации «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД»

- 1-е место *КАРАПЕТЯН Гурген Сергеевич* (Ереван, Армения)
- 2-е место *КРЫЖАНОВСКАЯ Людмила Николаевна* (г. Херсон, Украина)
- 3-е место *СЕРДЕЧНАЯ Любовь Сергеевна* (Смоленск, Россия)

в номинации «ДРАМАТУРГИЯ»

- 1-е место *СЕШКО Олег Витальевич* (Витебск, Беларусь)
- 2-е место *ПАНКРАТОВ Георгий Витальевич* (Москва, Россия)
- 3-е место *СТЕЦЕНКО Галина Георгиевна* (Москва, Россия)

Победитель состязания «ТУРНИР ПОЭТОВ»

СЕРДЕЧНАЯ Любовь Сергеевна (Смоленск, Россия)

ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС, ДРУЗЬЯ!!!

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляют постоянного автора и члена редколлегии журнала Владимира Григорьевича Сапожникова с 60-летием и желают ему дальнейших успехов в литературном и научно-педагогическом творчестве!

ОБРАЗ МИРА, В СЛОВЕ ЯВЛЕННЫЙ

Да, окружающий мир чаще предстает перед нами не в словесных образах, но во всем многообразии явлений социального, техногенного, природного, а то и метафизического порядка. И все эти явления, промчавшись над планетой, прогремев у нас над головой или даже коснувшись нас своим мощным крылом, отлетают в даль истории, стихают постепенно их отголоски... Вместе с дымом небывалых пожаров, вместе с грохотом страшных разрывов уплывают за грань насущного бытия гнусные преступления и доблестные подвиги, великие благодеяния и вероломнейшие предательства. Все уносят с собой ветры, гонящие Землю по кругам своя...

Впрочем, что-то из дел и забот дня минувшего сохраняется в памяти потомков, и происходит так именно благодаря словесным образам. Благодаря внимательному и доброжелательному взгляду на жизнь, способности анализировать, отличать добро от зла, благодаря стремлению посредством слова сделать мир вокруг лучше. То есть, благодаря тому, что в стихотворении, строка из которого вынесена в заглавие статьи, подразумевал Пастернак под «творчеством и чудотворством».

Вот почему так дорого каждому из нас созидательное самовыражение в словесности, тем паче такое, которое приближается к чуду по способности постичь глубины душ человеческих и неохватность космоса! И, согласитесь, было бы здорово, если бы творчество людей, живущих в разных странах, если бы слова, прозвучавшие на разных географических широтах, можно было бы объединить, слить воедино. Может быть, тогда мы приблизились бы к Слову?..

Здорово было бы, если бы существовал такой телетайп, который транслировал на весь мир и его окрестности радость приобщения к литературе! Редакция «Приокских зорь» надеется, что литературный телетайп нашего журнала отчасти поспособствует осуществлению столь благородной задачи! Мы хотели бы отобрать лучшие, интереснейшие, заветные слова, звучащие над планетой, мы хотели бы знать, что люди разных рас и народов почитают за благо, а что — за худо; мы хотели бы прислушаться к мудрым мыслям, аккумулирующимся в разных концах ойкумены.

В таком деле, конечно, не обойтись без поддержки наших друзей по всему свету, а их немало, в чем не раз могли убедиться читатели «ПЗ», встречавшиеся на страницах журнала с авторами со всех континентов, кроме, пожалуй, Антарктиды. Нам хотелось бы, чтобы мировой литературный процесс на ленте нашего телетайпа отражался оперативно и объективно, поэтому редакция рассчитывает на помощь не только верных читателей и корреспондентов, но и коллег из других изданий, начинающих либо уже маститых литераторов, критиков, издателей — всех, кто читает сейчас эти строки.

Давайте попытаемся вместе уловить образ мира, в слове явленный! Любую информацию относительно глобальных литературных событий, обзоры вышедших за рубежом книг и журнальных публикаций, рецензии, переводы с нетерпением ждет зав. отделом международных связей Игорь Карлов. Электронный адрес для ваших сообщений: LitTTY@yandex.ru



ГРЕКОВ

По весне текущего года покинул нас Виктор Яковлевич Греков — автор замечательных романов, повестей, рассказов. Много лет проработал он в Белевском историческом музее, был лауреатом премии Л. Н. Толстого. Отмечен был и званием «Почетный гражданин г. Белева». С самого начала издания — член редколлегии и постоянный автор «Приокских зорь».

Прикованный к постели, он долго не сдавался недугу, поражая родных и близких своей стойкостью духа. Его роман-версия «Кара», неожиданно даже для хорошо знавших его, обнаружил в себе историческую панораму противостояния славян — вятичей всемогущему каганату. Незаурядность этой работы привлекли к нему внимание многочисленных читателей в стране и за рубежом. Тема борьбы сил добра и зла нашла в себе отклик в душах многих и многих. Роман «Кара» всколыхнул, взбудоражил, заставил проснуться нас от долгой читательской спячки, равнодушия и унынья. Новый роман Грекова «Василий Темный» продолжает раскрывать историческую даль — судьбу великого русского народа, его многовековой борьбы за свободу. Греков спешил. Озарение владело им. Он чувствовал, что не успевает...

Неожиданная смерть Грекова поломала все его творческие задумки и планы. А до этого было и еще испытание судьбы — смерть жены, подкосившая его окончательно. Он оказался беспомощным без нее. Дочери заменить мать, естественно, не могли.

Родился Греков 22 января 1940 года в рабоче-крестьянской семье в Белевском районе. Окончил медучилище и Литературный институт имени А. М. Горького.

Работал фельдшером, художественным руководителем Дома культуры. Играл в народном театре, 10 лет отдал районной газете. Член Союза писателей России с 1988 года. Работе и творчеству Греков отдавался всей душой, всем сердцем. Были изданы книги: «Хлебушко», «На траве роса», «Кудыкины горы», «Пропадай, моя телега!», «На восходе солнца», «Местное время», «Кара». Господь отметил Грекова. Не ошиблись в нем и читатели. Его «Горошины» приняли с восторгом разновозрастные читатели.

Пожалуй, на сегодня Греков самый близкий читателям тульский автор. Как исторический писатель он утолил временной голод сограждан по правде. Любовь к родному пепелищу сделала Грекова поистине народным писателем, писателем с обостренной чувствительностью. В сборнике «Отчий край» читаем: «Моя отчизна — это, наверное, весь край, который называют Верховьем Оки. Здесь все мне дорого и все

мне любимо. Здесь повезло родиться. Для православного человека самопожертвование во имя Отечества есть пресветлый способ спасения души. Греков знал это. И этому следовал. Воздадим же ему должное. Богу Богово — Грекову Греково!

Умер Греков 30 апреля 2015 года.

Из современных писателей Греков ценил и тянулся к Личутину. Их сближала языковая виртуозность. Но по своей врожденной скромности не делал попыток к сближению с Владимиром, побуждая меня к этому акту. Но дипломат из меня неважный.

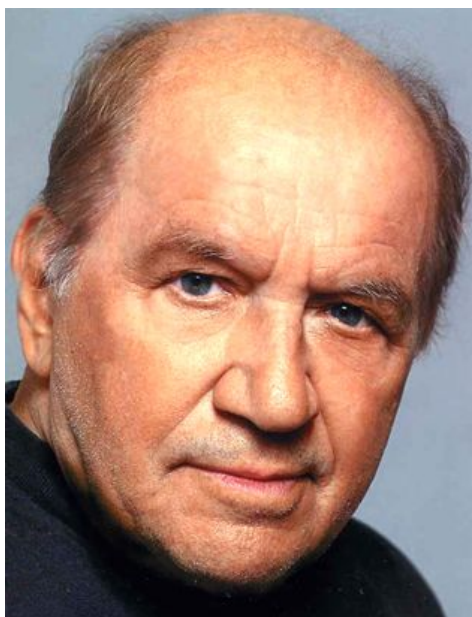
Я передал Личутину рукопись для прочтения. Бурчание же Личутина о том, что ежели язык ему не понравится, читать рукопись не будет, воспринял соответственно я, но не Греков. Греков знал себе цену.

Как писателя, краеведа и общественного деятеля Грекова хорошо знали в области. Он располагал редкостным умением располагать к себе людей даже мало знакомых. Его ум и талант, обаяние, доброта, человеческая чуткость всегда были с ним. Он уважал людей. Этим же платили и ему. Потеря Грекова еще скажется в культуре Белевского края. Во многих наших ежегодных выступлениях у памятника поэту В. А. Жуковскому мы всегда чувствовали это и даже говорили ему об этом. Он лишь отшучивался. Глубоко верующему человеку, далекому от показухи, не надо было растолковывать то, чем он жил и дышал, что нес людям.

В. Грекову

Родниками — слезами вытечи,
Хоть охрипни в мольбе, смолчу...
Умирает деревня Сытичи.
Ставь, Россия, по ней свечу!
Ставь еще по одной оставленной
На забвение и разор.
Край родимый, судьбой раздавленный,
Будет вечно тебе в укор!
На исходе крутого века,
Как обугленные бедой,
Помолчим с тобой, русский грека,
У колодца с живой водой.
Посидим, да покурим малость.
Мир окрестный совсем оглох.
Нам такая судьба досталась
Потому что нас любит Бог.
Шепчет осень Его устами...
Дали, доли, ручей, мостки.
Неспроста же Он нам оставил
Эту муку святой тоски.
Чтобы мучить нас снова и снова,
Где б мы ни были в морось и сушь.
Мы остались с тобой без крова.
Наши дети остались без душ.

Виктор Пахомов, поэт, ответственный секретарь Тульского регионального отделения Союза писателей России, академик ПАНИ, заслуженный работник культуры РФ, почетный гражданин г. Тулы.



1931 — 2015

*Ушел из жизни выдающийся советский и российский артист
театра и кино, народный артист СССР (1990),
давний автор журнала «Приокские зори»*

ЛЕВ КОНСТАНТИНОВИЧ ДУРОВ

*Редакция журнала «Приокские зори» выражает искренние
соболезнования родственникам и друзьям
Льва Константиновича Дурова*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы, Я. Н. Шафран
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

18+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 16 лет.

Электронное издание
(с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров)

Дата выхода в свет 30.09.2015
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете по-настоящему помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

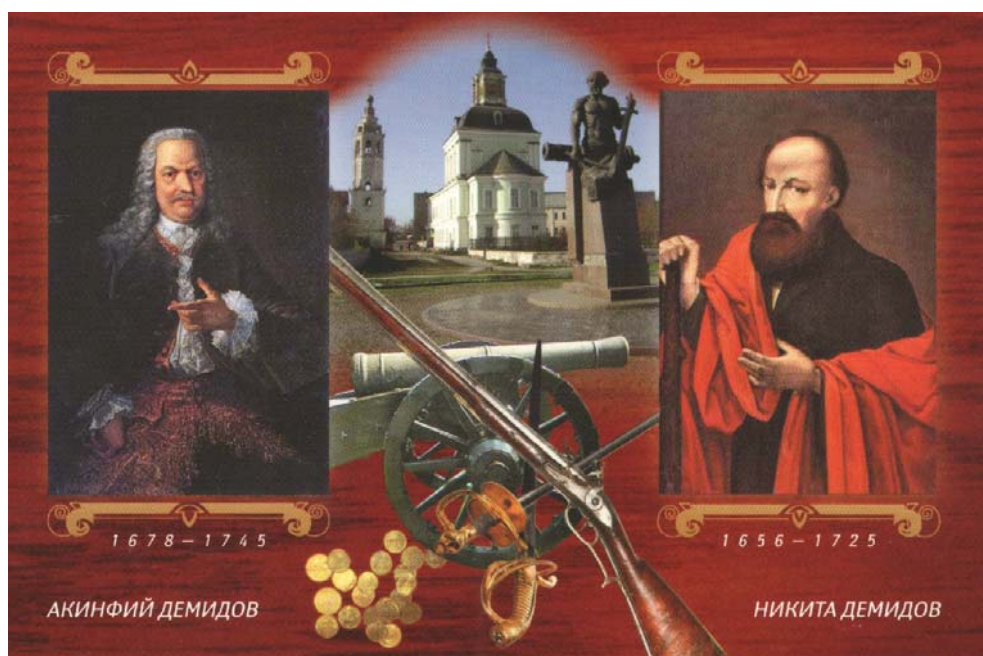
Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

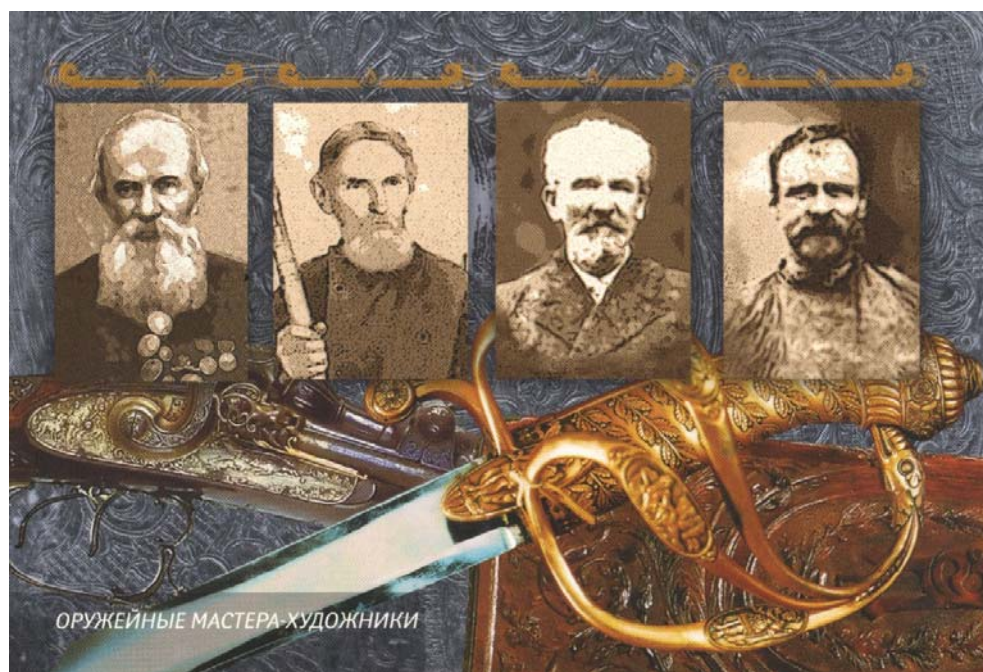
Желательно все компоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

С признательностью — редколлегия журнала

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ИСТОРИИ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА



ИЛЛЮСТРАЦИИ К ИСТОРИИ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА



(Открытки-коллажи публикуются с разрешения © Издательства «Свамия»: комплект открыток «Тула — город оружейников»; авторы: В. Н. Кузнецов, Е. А. Петрова, Ирина Александрина, Виктор Сумароков, А. Михайлов)